Арский
ДБ 420 / А 85
"Революция 1905 года. Её предпосылки и движущие силы"
Л., 1925.

Провер. 1930 г.

WOCK

А 856
Центральная Рабочая Библиотека
Моск. Губ. Сов. Проф. Союз.
ДБ 420 А 85
947 А-85

АРСКИЙ

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА

ЕЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КУБУЧ
ЛЕНИНГРАД — 1925

3С
683

Ленинградский Гублит № 1600. Тираж 10.000. 9 п. л.

Типо-Лит. „Красный Печатник“, Ленинград, Международ. пр., 75

I. Место революции 1905 года.

Революция 1905 года имела ряд предпосылок, которые обусловливали ее рост и интенсивность ее проявления. Без этого она могла бы быть заговором известных групп населения, не носила бы классового характера и вообще была бы несовместима с тем положением, какое занимают революции в истории XIX и XX столетий.

Каждая революция, вне зависимости от того, окажется ли она удачной или неудачной, может произойти только тогда, когда имеются на лицо серьезные факторы, предопределяющие участие известных классов в ней, и когда эти классы обладают достаточной силой для того, чтобы начать революцию и довести ее до конца.

Каждая из таких революций прежде всего должна устранить факторы предшествующих эпох, которые стоят в особенно резком противоречии с экономическим развитием страны, которые сдерживают его и тем самым препятствуют проявлению тех новых сил, которые нарождаются под старой оболочкой. Такой именно характер и носила революция 1789 года во Франции, 1848 г. в Германии, Австрии и в ряде других стран.

Во всех этих странах очень сильным был старый феодальный строй, являющийся выразителем власти помещиков. Последние не хотели мириться с тем, что, с одной стороны вырастает буржуазия, как обособленный и мощный класс, а с другой стороны само развитие буржуазного капиталистического строя не мирится с существованием феодальных рамок и ограничений.

Феодалы-помещики оказывали особенно упорное сопротивление новым стремлениям. Само собою разумеется, что буржуазия только до поры до времени могла быть революционным классом, требующим главным образом отмены феодальных ограничений. Она сама

обычно не является носителем и движущей силой революции, а пытается использовать для этого другие классы — рабочих, ремесленников и даже крестьянство, — выдвигая и ставя перед ними такие вопросы, которые отвечают классовым интересам и потребностям этих групп и классов, а главным образом буржуазии.

Если проанализировать в этом отношении события Великой Французской Революции, то там отношения складывались именно таким образом: под оболочкой старого дореволюционного строя вырастал капитализм, создавший французскую буржуазию и ее обособленные классовые требования, стоящие в резком противоречии с идеалами и стремлениями французских помещиков-феодалов. Буржуазия выдвигала своих трибунов и идеологов, но революцию совершали ремесленники, рабочие и крестьяне. Они боролись за свои собственные права, например, крестьяне за конфискацию помещичьих земель, но в то же время они своими массами и своими сплоченными выступлениями поддерживали французскую буржуазию, давая ей уверенность в том, что ее требования будут осуществлены.

Французская буржуазия готова была охотно сговориться с помещиками-феодалами по вопросу о разделении власти. Ее мало интересовал вопрос о том, в какой мере будут удовлетворены законные требования рабочих и крестьян. Если они сумеют добиться каких-либо уступок, то тем лучше для нее, потому что тем большая часть власти будет находиться в ее руках, тем больше будут ослаблены помещики-феодалы и тем категоричнее она сможет заявить свою волю. В таких условиях буржуазия склонна была договориться с помещиками-феодалами и удовлетвориться тем, что революция даст ей только некоторые наиболее важные для нее завоевания.

Такой же характер носили и все другие революции, с которыми приходилось иметь дело на протяжении XIX столетия, за исключением Парижской Коммуны.

Во всех этих случаях наиболее обездоленные и бесправные классы—рабочие, частично ремесленники и бедняки крестьяне — выступали на борьбу, сражались на баррикадах, погибали, в этой борьбе добивались известных уступок в общественно-политических отношениях, но всю пользу и выгоду от этой борьбы извлекали

представители буржуазии, которые расширяли свою власть над страной. Само собою разумеется, что эти классы, идущие в авангарде и приносящие максимум жертв, должны были кое-что получить в результате борьбы, но обычно их завоевания были совершенно нечтожными по сравнению с их фактическим участием в революционной борьбе.

Они являлись только движущей силой революции, и взамен за свое участие в ней не получали почти ничего.

Именно такой и была революция 1789 года, 1830 г. во Франции и революция 1848 г. в Германии, Франции, Австрии и целом ряде других стран, при чем 1848 году дано было громкое название «весны народов». Этим она была только в незначительной степени и только по отношению к буржуазии этих стран, которая сумела добиться очень многого для себя, окончательно поделивши власть с феодалами-помещиками.

Коренным образом от всех предшествующих революций отличается Парижская Коммума, которая стоит на рубеже двух различных эпох. Так же, как и все предшествующие революции, она была совершена рабочими, *но при этом рабочие впервые в истории отказались таскать каштаны из огня только для буржуазии и стремились использовать революцию для себя, разрешая те вопросы, которые наиболее остро были выдвинуты тогдашним моментом.*

Революция 1905 года в России носила двойственный характер. С одной стороны необходимо было разрешить вопросы раскрепощения буржуазии и устранения тех социально-политических рамок, которые препятствовали экономическому развитию страны, а с другой — рабочие и крестьяне России не хотели уже мириться только с тем, что они будут движущей силой революции, что они понесут колоссальные жертвы в борьбе с существовавшим тогда строем только для того, чтобы очистить страну от пережитков феодализма и передать власть блоку помещиков и буржуазии, оставляя в прежнем бесправном положении многомиллионные массы рабочих и крестьян.

Полицейско-самодержавное правительство России сильно тормозило социально-политическое развитие страны. Бесправие крестьянства, паспортные, вероисповедные и национальные ограниче-

ния, которые до этого существовали в стране, не давали возможности свободно передвигаться с места на место значительным массам населения, а это болезненно отзывалось на деятельности промышленности и на ее развитии. Не даром же представители капиталистических групп и классов выдвигали во время революции мысль о том, что все эти ограничения должны быть немедленно отменены. Само собою разумеется, их нисколько не интересовал вопрос о правовом и экономическом положении этих групп населения, а они только практически понимали, что паспортные и иные ограничения мешают приливу рабочих в крупные промышленные центры, ограничивают приток рабочих в промышленность, и тем самым относительно удорожают стоимость рабочих рук в промышленном предприятии. Буржуазно-капиталистические элементы отрицательно относились также и к крестьянской общине в деревне, считая ее, совершенно правильно, фактором регресса в жизни страны. Они и добивались того, чтобы община была уничтожена, так как ее существование противоречило развитию и росту свободных капиталистических отношений.

Все жизненные вопросы рассматривались русской буржуазией исключительно только под тем углом зрения, поскольку они оказывали известную помощь или противодействовали развитию капитализма и ее наживе.

До поры до времени эти буржуазные элементы готовы были рассматривать рабочее и крестьянское движение в стране, как факторы, способствующие осуществлению их стремлений. Рабочее и крестьянское движение расчищало путь для буржуазии, открывало возможность ей вступить в переговоры с помещиками и с правительством, расширить свои права, уничтожая попутно все те ограничения, которые сохранились до того времени.

Таким образом, российская буржуазия, которая начала особенно быстро расти и развиваться только с 60-х годов, с момента освобождения крестьянства от крепостной зависимости, добивалась осуществления таких условий, которые способствовали бы ее дальнейшему росту, развитию и усилению ее политического влияния по мере увеличения ее экономического веса в жизни страны. Само собою разумеется, что помещики-феодалы, те знаменитые 180.000 помещиков, которые составляли ядро и основу полицейско-самодер-

жавного правительства России, не хотели ничего и слышать о том, что им придется поделить власть с кем бы то ни было, что могут быть умалены их права и привилегии, которыми они пользовались в течение веков. Они ничего и слышать не хотели о том, что могут быть допущены к власти представители русской буржуазии, которую они презирали и с которой не хотели считаться.

Однако, развитие политических событий в стране выдвигало все более остро вопрос о том, *что помещикам-феодалам нельзя будет удержаться на тех позициях, которые перешли к ним по наследству от предшествующих поколений*. Буржуазия готова была поддерживать в это время рабочее и крестьянское движение, которое со все большей и большей силой било по самим основам политической власти помещиков. Особенно опасным и в этом отношении для помещиков было движение крестьянства, добивавшегося получения земли и довершения таким образом, так называемой, «великой крестьянской реформы», начатой в 1861 году.

Это движение могло и должно было уничтожить основы социально-политической власти помещиков и окончательно вырвать их из российской жизни, экономически сводя их на нет.

Это движение буржуазия готова была использовать, указывая неоднократно на то, что помещики вынуждены будут отказаться от гораздо большего или даже от всего, если не достигнут с ней «справедливого» соглашения на почве раздела власти и использования ее для строительства буржуазно-капиталистической России. В последней должна сохраниться, по их мнению, частная собственность помещиков на землю, при чем им будет предоставлена полная возможность распоряжаться своими землями и угодьями. Этим подготовлялся тот блок между помещиками и капиталистами, который подавил первую революцию 1905 года и отсрочил на 12 лет осуществление тех лозунгов и задач, которые были выдвинуты революцией 1905 года.

Об'ективно революция 1905 года должна была устранить те факторы, на которые опирался самодержавный строй — уничтожить власть помещиков, пережитки феодализма, вырвать землю из их рук, распределить ее в той или иной форме среди крестьянских масс, устранить национальные и вероисповедные ограничения, уничтожить деревенскую общину, стоявшую в резком противоречии

с развитием капитализма в России, предоставить более широкую возможность развитию капитализма, разумеется, не затрагивая в значительной степени его прав и его основ. Таким образом, революция 1905 года должна была только снести политическую надстройку, уничтожить самодержавно-полицейскую власть, совершить типичную буржуазно-демократическую революцию, которая была в известном смысле уже пройденной ступенью для западноевропейских стран. *Она должна была очистить путь для дальнейшей социальной революции в России, которая могла развернуться только тогда, когда был бы уничтожен полицейско-самодержавный строй.*

Политически революция 1905 года готовилась давно, и основные ее моменты намечались в течение ряда лет в программах различных политических партий.

До тех пор, пока капитализм слабо развивался в стране, основой будущей революции могли быть только аграрные отношения. Реформа 1861 года земельного вопроса не разрешила. Крестьянство осталось недовольно этой реформой, постоянно мечтало о том, что она должна быть продолжена, стремилось к расширению своего землепользования, при чем в течение 70—80 годов все время раздавались голоса о том, что должна быть произведена дополнительная нарезка земли, что об'явлен «манифест», разрешающий коренным образом этот наболевший вопрос. Бунтарско-революционные партии того времени широко пользовались этим недовольством и крестьянскими чаяниями, вызывая по временам движение среди крестьянской массы на этой почве. Таким, например, было знаменитое Чигиринское дело, когда крестьянство Чигиринского уезда поднялось, введенное в заблуждение партией насчет якобы появившегося царского манифеста, наделяющего крестьян землей.

В этом отношении весьма характерны те отношения, которые существовали в России. Политические партии «Земля и Воля», «Народная Воля» и «Черный Передел» рассчитывали главным образом на крестьян и имели в виду по преимуществу крестьянские интересы, предполагая, что можно опереться исключительно только на крестьянство, призывая его к активным действиям в борьбе за землю. Все эти партии использовали рабочие массы, исключи-

гельно, как средство связаться с деревней и подойти к агитации среди крестьянства. Знаменитое «хождение в народ» российской интеллигенции имело в виду именно эту сторону дела. В этом коренная Россия отличалась от своих окраин. Одновременно с этим существовала в русской Польше партия «Пролетариат», которая опиралась исключительно только на рабочие массы, не рассчитывая почти совершенно на революционное движение польского крестьянства, так как условия земельной реформы этих двух частей России в корне отличались друг от друга. В то время, как в России царское правительство не хотело ослабить помещиков, и земельную реформу проводило таким образом, чтобы удовлетворить только самые неотложные, самые острые революционные требования, опасаясь того, что иначе крестьяне по собственной инициативе проведут земельную революцию, в это самое время в Польше отношения были другие, и царское правительство стремилось прежде всего ослабить класс помещиков и даже мелкой шляхты, освобождая крестьян со сравнительно большими земельными наделами и подрывая экономически землевладельцев-помещиков.

В результате такой политики на территории России мы видели непрекращающееся брожение в деревне на почве земельной нужды и полное отсутствие таких фактов на территории русской Польши.

Движение на почве неудовлетворенных стремлений и чаяний крестьянства в первые годы после так называемой великой земельной реформы 1861 года носило по преимуществу мирный характер. Однако, с течением времени малоземелье давало себя чувствовать все в большей и большей степени, и крестьянство реагировало все живее на подобные вопросы, примером чего является хотя бы крупное аграрное движение 1902 г. в Харьковской и Полтавской губерниях и особенно голод 1891 года в Поволжье, вскрывший массу отрицательных сторон в жизни и хозяйственной деятельности царского правительства, не умевшего справиться с теми задачами, которые вставали перед ним в связи с промышленно-экономическим развитием страны.

Логика событий неуклонно толкала к тому, что страна должна была вступить на путь капиталистического развития, а между тем правительство сохраняло в полной неприкосновенности все старые методы управления и полицейско-самодержавную адми-

нистрацию. Оно упорно не хотело считаться с тем, что социально вся Россия изменилась до неузнаваемости и что она совсем не то, чем она была в 20-30-х и 40-х годах XIX столетия. Необходимо было считаться с тем, что народился пролетариат, представляющий из себя все более сильный класс населения, что условия крестьянского хозяйства и все отношения в деревне неумолимо толкали на борьбу с самодержавным строем помимо всякой агитации, которую могли бы вести революционные партии. К тому же и само революционное движение становилось все более широким: оно вовлекло уже не одиночки из среды интеллигенции и пролетариата, а массы.

В течение последних десятилетий, предшествующих 1905 году, Россия пережила несколько этапов. Первым из них был конец царствования Александра II, когда радикальная интеллигенция поняла, что народ обманут правительством, что все пышные обещания, данные им, сведены на нет, что земельная реформа проведена в ущерб крестьянству и что необходимо итти к усилению и развитию той революционной борьбы и того брожения среди крестьянства, которое давало себя чувствовать накануне 1861 года. Это сознание привело к мысли о необходимости борьбы с правительством, которая и закончилась, наконец, казнью Александра Второго народовольцами 1-го марта 1881 года.

Затем началось царствование Александра III, составившее второй этап в развитии общественно-политической мысли и жизни России. Это был период мертвого и мертвящего гнета, долженствующего приостановить не только всякое революционное движение, но и задавить всякую свободную мысль. Однако, именно в этот период времени зарождались в массе революционные партии и готовились к борьбе. Крайне характерно при этом то, что эти партии стали опираться не на крестьянство, как это было в период предшествующий, а на пролетариат, который становился все более внушительной силой в общественно-политических отношениях.

Третий период начинается с половины 90-х годов. *Это период усиленного капиталистического развития России, организации ее буржуазии, которая выдвигает политические требования.* В то же самое время идет сосредоточение сил рабочих в виде политических партий, построенных на принципах массовой организации.

В тот же период времени сильно обостряется крестьянское движение, которое стремится добиться благоприятного для крестьянства разрешения земельного вопроса.

Все эти силы шаг за шагом готовили революцию 1905 года, которая затем и должна была разрешить эти вопросы, наиболее серьезные, наиболее наболевшие, и тем самым дать новый толчек социально-политическому развитию страны. Уже тогда, в период боев 1905 года, было совершенно ясно, что революция остановиться на устранении самодержавно-полицейского строя не может и что неизбежным явится ее продолжение,—революция в социально-политических отношениях. Слишком развитыми были экономические отношения в России, слишком обостренными классовые отношения, чтобы рабочие и крестьяне могли удовлетвориться только тем, что они совершат политический переворот, предоставляя политическую и экономическую власть союзу помещиков и капиталистов. С другой стороны владетельные классы великолепно понимали ту опасность, какую представляет из себя развитие классовых противоречий и борьба на этой почве. Они учитывали, что требования рабочих и крестьян идут гораздо дальше того, что желательно буржуазии, и потому наблюдались постоянные попытки буржуазии сговориться с помещиками на предмет солидарных и совместных выступлений, долженствующих подавить революционное движение. Это стремление получило свое завершение к концу 1905 года, при чем с этого момента помещики и капиталисты выступают уже сплоченным фронтом против движения рабочих и крестьян. От времени до времени им удается, кроме того, вколачивать клин между этими отрядами революционного движения и использовывать кажущиеся противоречия между ними.

Революция 1905 года, как известно, оказалась подавленной и разбитой благодаря целому ряду серьезнейших причин. Среди них на первом месте стоит то, что не было в этот период времени необходимой смычки между рабочим и крестьянским движением, был создан и искусственно поддерживался антагонизм между городом и деревней. Кроме того, чрезвычайно важное значение имело также и то обстоятельство, что буржуазия и помещики договорились друг с другом и на время отложили те разногласия, которые раз'единяли их, перед лицом общего врага. Правительство, которое

до того было чисто помещичьим, сделало известные уступки классу капиталистов и тем самым привлекло его на свою сторону, получивши его активную помощь или, в крайнем случае, заручившись его содействием при разрешении наиболее важных проблем.

Тем не менее, все эти острые экономические факторы, которые вызвали революцию 1905 года, не были устранены. Даже больше: ни одна из проблем, которая стояла перед страной накануне революции 1905 г., не была разрешена, и все они ждали своего разрешения под покровом того могильного спокойствия, которое было создано в стране вслед за подавлением движения 1905 года, вслед за разгромом Советов Рабочих Депутатов, организаций, созданных в период революционной бури, вслед за подавлением московского вооруженного восстания, массовых забастовок рабочих, охватывавших сотни тысяч пролетариев. Наконец, с такой же беспримерной жестокостью было подавлено также и крестьянское движение в деревне, которое шло под лозунгами разрешения земельного вопроса.

Все те задачи, которые обуславливали размах революции 1905 года, все они остались неразрешенными и после того как революция оказалась разбитой.

Страну временно можно было успокоить, подавить движение, но оно затем должно было возродиться.

Неудачная и разбитая революция 1905 года не освободила пролетариата и крестьянства, и потому она неизбежно должна была иметь свое продолжение в последующие годы

Это продолжение было задержано на три с лишним года империалистической войной, которая выявила все противоречия, обострила их, и тем самым сделала революцию 1917 года более бурной и стремительной по ее натиску.

Каковы же те важнейшие противоречия и предпосылки, которые обуславливали революцию 1905 года и сделали неизбежным ее продолжение в 1917 году? Это прежде всего земельный вопрос, а затем развитие капитализма в стране, которое оказывалось совершенно несовместимым с существованием самодержавно-полицейского строя.

II. Аграрный вопрос, как фактор революции.

Земельный вопрос в России стоял очень остро все время с момента проведения крестьянской реформы 1861 года.

Крымская война показала, что Россия не может ни в коем случае остаться страной крепостнической в то время, как другие страны быстро идут по пути капиталистического развития. Крепостничество не совместимо с экономическим развитием страны, и потому наиболее дальновидные люди того времени великолепно понимали неизбежность проведения земельной реформы, которая освободила бы крестьянство от личной крепостной зависимости. Однако, если этот вопрос вызывал сомнения только в наиболее реакционных и отсталых группах помещиков-крепостников, то вопрос о наделении крестьян землей при реформе был гораздо более сложным и трудным делом. Русские помещики вели свое хозяйство до реформы таким образом, что известная часть земли находилась в руках крестьян, которые, будучи обязаны оброками и барщиной, в то же время на своих участках земли работали почти самостоятельно и считали эту землю своей собственностью. Реформа была проведена так, что крестьяне не только лишились части той земли, которая принадлежала им, но кроме того поставлены были перед необходимостью в течение долгого ряда лет вносить так называемые выкупные платежи, которые ложились тяжелым бременем на плечи плательщиков. Крестьяне не только оплатили стоимость той земли, которую они получили, но сверх того доплатили еще колоссальные суммы в качестве процента за ту землю, которую они испокон веков считали своей собственностью. Кроме того, в скрытой форме были введены платежи за личное освобождение.

Первоначальной задачей крестьянской реформы являлось стремление создать начала крестьянской собственности в деревне. Однако, в этом отношении были крупные колебания, и самый закон вырабатывался и проводился в течение многих десятилетий. Вот что по этому поводу говорит П. И. Лященко в своей книге «Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика», характеризуя первые этапы осуществления крестьянской реформы:

«Реформа 19 февраля обыкновенно считается наиболее ярким проявлением торжества принципа крестьянской собственности. Однако, не говоря уже о колебаниях и изменениях во взглядах правительства во время самого проявления реформы, и в осуществлении своем она была собственно далека от формального закрепления начала крестьян-собственников. Основною формой земельных отношений, созданых реформой 19 февраля, было закрепление бессрочного пользования землей с бессрочно обязанными за нее отношениями». (Стр. 11).

Эта форма взаимоотношений сохранилась сравнительно недолго, так как она была осуждена самой жизнью и всем предшествующим развитием. Для некоторых слоев крестьянства разрешение вопроса получилось быстро, при чем они были освобождены вполне от каких-либо отношений с помещиками. Это были помещичьи и государственные крестьяне западных губерний и удельные крестьяне. Однако, разрешение вопроса в таком виде было продиктовано только чисто-политическими причинами и стремлением ослабить западных помещиков, а отнюдь не в виде общего торжества этого принципа. «Для другой группы сельского населения, государственных крестьян различных видов и разрядов первоначальное наделение произошло также не в форме наделения в собственность. Наоборот, некоторые группы государственных крестьян при наделении окончательно и формально потеряли свое исконное право собственности на землю. *Все же вообще они были наделены не на началах полной собственности на землю, а лишь на началах владения и бессрочного пользования*». (Стр. 12).

Кроме того, еще одно обстоятельство должно было иметь и впоследствии имело крупнейшее значение для всей крестьянской реформы — это то, что известное количество населения было освобождено совсем без земли, а громадное большинство населения было наделено в заведомо недостаточной степени: «Сама реформа 19 февраля не была свободна даже от безземельного освобождения, не говоря уже вообще о крайне недостаточном наделении громадного большинства крестьянства, реформа дала крупный в полтора миллиона душ обоего пола контингент безземельного населения из бывших дворовых людей. Кроме того, как дополнительными правилами 19 февраля, так и последующими узаконениями относи-

тельно разнообразных видов полуземледельческого полупромышленного населения было применено начало наделения лишь усадебной землей, т.-е. в сущности ушедший вид безземельного устройства, приносящий населению не обеспечение быта, а лишь принудительную связанность с местом жительства.

Эти факторы и должны были с неизбежностью обострить земельный вопрос и выдвинуть перед крестьянством необходимость борьбы за дополнительное наделение их землей и за полное разрешение земельного вопроса. Крестьянство, разумеется, в малейшей даже степени не было удовлетворено теми законами, которые были проведены в жизнь. На этой почве должно было происходить и фактически происходило постоянное и непрекращающееся движение крестьян. Если при проведении земельной реформы крестьянство могло еще удовлетвориться тем, что ему были переданы земли, на которых оно работало, то впоследствии, по мере роста населения, его не могло уже удовлетворить такое разрешение вопроса, и оно требовало гораздо большего — *полной конфискации помещичьих земель с передачей их крестьянству.*

При недостаточности земель, которыми обладало крестьянство, и при стремлении их увеличить во что бы то ни стало свои владения, никаких своеобразных черт развития в русской деревне не было и быть не могло. Она переживала такую же эволюцию в земельных отношениях, какую в свое время переживали и другие местности. Уже в 80-х годах стало совершенно ясно, что деревенская община России из полусоциалистической по внешности оболочки постепенно переходит к буржуазным формам земельной собственности, испытывая и неся на себе все громадные последствия этой перемены. Вот что по этому поводу говорит тот же Лященко: «Вместе с тем окончательно должно будет исчезнуть распространенное до последнего времени мнение о каких-либо исключительных, своеобразных и особенных путях аграрного развития России. Если известного рода своеобразность и можно найти в процессе и в формах первоначального наделения, благодаря значительной сложности старых форм земельных отношений и всего вообще земельного и хозяйственного быта, то с течением времени эти сложные индивидуальные земельные отношения все более упро-

щаются и об'единяются одним общим началом — обычным буржуазным началом земельной собственности». (Стр. 23).

В самой земельной реформе, выдвигаемой революционными партиями, в конфискации помещичьих владений и в передаче их крестьянству не было еще элементов социальной революции, а исключительно только наложили на нее отпечаток стремления уничтожить помещичьи имения и таким образом хотя бы отчасти удовлетворить тот земельный голод, который давал себя чувствовать в стране. Этот земельный голод не был бы столь острым, если бы крестьянство вело прогрессивное сельское хозяйство, перешло от трехполья к более современным методам обработки земли, но этого не было, и это обстоятельство создавало все более значительные затруднения в деревенской жизни. Уже самый закон 19 февраля в значительной степени разошелся с велениями жизни и встал на неправильную и абсолютно недопустимую точку зрения, *считая всю землю России частной собственностью помещиков.* Этим он встал на защиту частных помещичьих классовых интересов, предавая совершенно интересы крестьянства. Это являлось предпосылкой того, что в законе должен был быть заложен принцип выкупа земли у помещиков. К тому же, как указывает Лященко, многие комитеты стремились не только к выкупу земли, но даже и к личному выкупу крестьян. Вот что он говорит по этому поводу: «Во многих комитетах даже сама первоначальная идея выкупа возникла в связи с стремлением провести в той или иной форме выкуп личности, так как многие комитеты, возбуждая вопрос о выкупе земли, одновременно ставят в программу реформы или прямой выкуп личности или замаскированный путем повышенной оценки усадеб. Если формально поползновения комитетов на введение открытого выкупа личности всегда встречали со стороны правительства отказ, то, как известно, замаскированный способ выкупа личности нашел в реформе 19 февраля блестящее развитие путем повышенной оценки первых десятин надела и градации в оценках остальных десятин». (Стр. 43).

Эти выписки из капитального труда, посвященного крестьянской реформе 1861 года, крайне показательны, вскрывая те основные силы, которые действовали при разрешении этого чрезвычайно тяжелого, серьезного и сложного вопроса. Реформа цели-

ком стояла на той точке зрения, что земли принадлежат помещикам, и только в результате выкупа по весьма высокой оценке они могут перейти к крестьянам. Реформа 1861 года начала перераспределение земли между помещиками и крестьянами.

Вот в каком виде представляется эта реформа в смысле количественного распределения земель между тремя основными группами владельцев земли — казна, помещики и крестьяне:

Владения	До реформы.		После реформы.	
	миллионов десятин.	% %	миллионов десятин.	% %
Казны	221	64,6	177,4	45,6
Помещиков . . .	105	30,6	63,7	16,4
Крестьян	3,7	1,7	116,1	30,0

(цифры почерпнуты из книги Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах»).

В результате этой реформы отношения изменились таким образом, что крестьяне вновь получили около 112 миллионов десятин земли сверх тех 4 мил., которыми владели до реформы. Как будто бы произошло в этом отношении колоссальное изменение, но на самом деле не были сохранены за крестьянами даже те земли, которыми они владели до реформы. Первоначально предполагалось крестьян наделить землею в таком количестве, чтобы они получили достаточные средства («для обеспечения их быта и выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком») предполагалось, что будут сохранены за крестьянами те земли, которыми они обладали в 1859 году. Однако, постепенно эти наделы урезались, при чем это понижение достигает весьма крупных размеров. В черноземных губерниях уменьшение наделов произошло, сравнительно с предположениями комиссии, в 50 из 142 уездов, т.-е. в 33% всех случаев, при чем в 8 уездах это уменьшение достигало от 1 до 3½ десятин, а в губерниях нечерноземной полосы уменьшение коснулось 107 уездов из 232, т.-е 46%.

Если до этого крестьянство могло еще сводить концы с концами и в результате реформы могло быть поставлено в маломальски сносные условия, то урезка создала весьма тяжелые условия для крестьянского хозяйства. Один из авторов, писавших по этому поводу, Серебрянский, приводит следующие цифры о величине

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА Историческая

земельных участков, приходящихся на душу населения до крестьянской реформы и после нее:

Губернии.	Дореформенные наделы на 1 ревиз. душу.	Послереформенные наделы на 1 душу.
	Десятины.	
Курская	2,3	2,3
Орловская	2,6	2,6
Рязанская	2,5	2,5
Тульская	2,6	2,3
Тамбовская	3,0	2,7
Воронежская	2,9	2,7
Пензенская	2,8	2,2
Харьковская	2,8	2,6
Екатеринославская	2,8	2,0
Киевская	6,6	2,1
Подольская	5,5	2,2
Саратовская	3,8	2,4
Симбирская	2,9	2,4
Казанская	3,0	2,3
Ярославская	5,2	3,4
Костромская	6,8	4,5

Из этой таблицы видно, насколько удалось помещикам сократить то количество земель, которое принадлежало крестьянам, и тем самым обеспечить за собою преобладание в заготовке и торговле хлебом. Если до реформы известное количество хлеба все же от крестьянства поступало на рынок, то теперь это количество должно было даже уменьшиться. При тогдашнем уровне сельскохозяйственной техники остро встал вопрос о том, чтобы приобрести еще дополнительно известное количество земли путем покупки ее от помещиков.

Вслед за реформой землевладение крестьян и в черноземной и внечерноземной полосе, по абсолютным цифрам, увеличилось. С другой стороны помещики часть своей земли отдавали в аренду крестьянам, которые таким образом также увеличивали свою запашку. Однако, условия, на которых крестьянство пользовалось

землей, были очень тяжелыми, чуть ли не кабальными, и это обстоятельство обуславливало стремление крестьян во что бы ни стало докупить земли, и таким образом расширить свои владения.

Чем же об'яснялось это стремление крестьян к увеличению запашки несмотря на то, что общие земледельческие условия были трудные и доходность, получаемая от работы на земле, была незначительной? Это об'яснялось главным образом стремлением увеличить количество того «хлеба насущного», который был необходим для пропитания себя и своей семьи. Это создавало «власть земли», которая давала себя чувствовать во все время с момента проведения крестьянской реформы вплоть до революции 1905 года и затем вслед за ней. Крестьянство стремилось расширить об'ем зернового хозяйства, так как только продажей зерна крестьяне покрывали чрезвычайно возросшие с реформой денежные расходы.

Крестьянство освободилось от натуральных повинностей помещику, но не от всех. Одновременно с этим увеличилось сильно количество денежных налогов и тяжестей, которые поглощали значительную часть доходов крестьянина. Вместо прежней подушной подати и государственного земского сбора на крестьянском населении стал лежать целый ряд разнообразных сборов: выкупные платежи за земли бывших помещичьих и удельных крестьян, оброчные платежи и подать за земли бывших государственных крестьян, государственный земский сбор, местные земские сборы, подушная подать, мирские сборы, сборы рекрутские, на обеспечение народного продовольствия и др. Все эти сборы составляли вскоре по освобождении сумму до 195 миллионов рублей слишком, т.-е. на душу от 4 р. 30 коп. до 5 руб., на десятину же до 1 рубля. Они ложились таким тяжелым бременем, что по выводу оффициальной комиссии «общая сумма всех сборов и платежей, падающих на крестьян в немногих местностях может покрываться доходами с земельного надела без посторонних заработков и в некоторых местностях даже в черноземной полосе *сумма всех платежей превышает доходность земли в 5 раз*». Податная комиссия, разобрав вопрос о налогах и платежах, приходящихся на крестьянское хозяйство, пришла к заключению, что для нечерноземных губерний платежи бывших помещичьих крестьян при полном наделе составляют от 200 до 276% доходности земли,

а в черноземной полосе до 124% в среднем и до 200% при низшем наделе.

Подобные условия мало благоприятствовали развитию крестьянского хозяйства. Они вызывали стремление отделаться от этого бремени налогов и платежей, которые ложились на крестьянство. Сделать этого было нельзя, так как крестьянство было связано и по ногам и по рукам общиной и круговой повинностью, заставлявшей более успешных владельцев платиться за крестьянскую бедноту, которая справиться не могла в условиях, созданных для нее крестьянской реформой.

Для крестьянства создалась крайне тяжелая обстановка. С одной стороны, как мы видели, наделы были слишком незначительными, с другой стороны налоговое бремя являлось все более и более тяжелым, и это заставляло итти на покупку земли. В результате этого цена земли возрастала все в большей и большей степени. Д. И. Рихтер в его книжке «Аграрные вопросы в России» приводит следующие интересные данные о росте цены десятины земли, покупаемой через крестьянский и дворянский банки. Крайне характерно при этом то, что цены дворянского банка в среднем были выше цен крестьянского банка, при чем только к концу XIX столетия наступил перелом в этом отношении. Так, например, в 1886 году покупная цена десятины земли в крестьянском банке составляла 46 рублей, а по дворянскому банку 49 рублей; в 1891 году соответственные цифры составляли 39 руб. для крестьянского банка и 60 рублей для дворянского. В 1897 году они стояли приблизительно на одном уровне, к 1902—1903 г. цены в крестьянском банке повысились до 108 руб., а в дворянском банке стояли на уровне 87—90 руб. В дальнейшем разница получается еще более ощутительной, так как в 1904—5 г. земля стоила в крестьянском банке 110—112 руб., а в дворянском 80—90 руб.

Эта эволюция цен, при которой за 22 года они увеличились почти в 2½ раза при покупке через крестьянский банк, об'ясняются земельной теснотой. Она сильно давала себя чувствовать Выход из этой нужды крестьянство видело в покупке земли у помещиков. С другой стороны крестьянское движение особенно с девятисотых годов в губерниях европейской России вызвало то, что

дворяне продавали свои земли через банк. Они опасались, что опоздание в этом отношении может привести к самым плачевным для них последствиям.

Однако, эта продажа земли через банки не разрешала земельного вопроса во всем его об'еме и не облегчала положения наиболее нуждающихся крестьян-бедняков. Она помогала более состоятельным слоям разрешить вопрос только для себя, не устраняя основной причины, какой являлось крестьянское малоземелье.

Рост цен на землю затруднял возможность покупки земли даже через банк, не говоря уже о том, что покупка из частных рук становилась почти невозможной для крестьян.

Несмотря на эти малоблагоприятные обстоятельства, все же крестьянское землевладение постепенно увеличивалось, о чем дает представление следующая таблица по 49 губерниям европейской России, приводимая в книге А. Н. Зак «Аграрные вопросы в России».

Он делает следующее сопоставление, сравнивая 1877 год с 1905 годом:

Земель.	1877 г.		1905 г.	
	милл. дес. абсол.	% ко всей площади.	милл. дес. абсол.	% ко всей площади.
Казенных	150,4	39,8	138,1	36,2
Удельных	7,4	2,0	7,8	2,1
Учреждений и юридических лиц (церквей, монастырей, городов, казачьих войск и проч.)	8,5	2,3	6,9	1,8
Крестьянских надельных, кроме неудобных	116,7	31,0	128,9	33,8
Частновладельческих .	94,0	24,9	98,4	26,1
Всего	377,0	100,0	381,1	100,0

К 1905 году крестьянам принадлежало только около $^1/_3$ всех земель, между тем, как все остальное количество находилось

в руках казны, уделов, помещиков и проч. При этом крайне характерно то, *что за 28 лет количество земли, находящейся в руках крестьян, увеличилось только на 10%, что сравнительно весьма мало.* Клубок противоречий в деревне запутывался вокруг вопроса о том, кому должны принадлежать те 250 миллионов десятин земли, которые находились в руках всех прочих владельцев.

По более точным данным, относящимся к 1905 году, в руках частных владельцев 50 губерний находилось около 102 милл. десятин земли в то время, как у крестьян около 139 миллионов а в руках казны, в церковном и удельном ведомстве свыше 154 миллионов десятин земли. Последние распределялись следующим образом: удельные земли 7.843.015 десятин, церковные 1.871.858 дес., монастырские 739.777 дес., городские 2.042.570 дес., войсковые 3.459.240 дес. и иные учреждения 646.885 дес. Все остальное составляли так называемые государственные земли и владения.

Что касается частновладельческих земель, то они распределялись следующим образом:

	В тыс. дес.	Во владениях
а) Обществам и товариществам	15.778,7	74.648
б) Отдельным лицам во владениях:		
До 20 дес.	3.215,3	515.746
От 20 до 50 дес. . . .	3.301,0	103.237
» 50 » 200 »	7.806,8	76.265
» 200 » 500 »	9.509,7	29.800
» 500 » 1.000 » . . .	9.616,2	13.892
» 1.000 » 5.000 » . . .	23.771,8	12.054
» 5.000 » 10.000 » . . .	7.604,7	1.098
Свыше 10.000 дес.	20.798,5	699

Распределение земель было таким, что более мелкие владения принадлежали крестьянам и их товариществам (в общей сумме около 17—18 миллионов десятин); а остальное принадлежало более крупным владельцам, из которых каждый имел не меньше 50 десятин земли. На этот частновладельческий фонд к 1905 году

приходилось около 84 милл. десятин земли, при чем эти земли, вместе с казенными, удельными и всякими другими, составляли тот притягательный магнит, который особенно интересовал крестьянские массы. Последние стремились во что бы то ни стало увеличить свое владение, так как жизненный опыт учил их тому, что условия жизни создаются слишком трудными и будут все более тяжелыми.

Помещичьи земли, разумеется, не все составляли пахотные угодья. По данным 1887 года лесной и неудобной земли было около 50%, и таким образом земельный фонд частных крупных землевладельцев, годный для обработки, составлял около 40 милл. десятин; из него свыше ½ находилось в аренде у крестьян.

Как ни покровительственно относилось правительство к помещикам, как ни старалось оно их всемерно поддерживать, все же помещики не могли удержать в своих руках своих земель. Они их проматывали, и знаменитые «вишневые сады» постепенно переходили в руки всяких других слоев, в том числе крестьян и купцов, о чем дает представление следующая таблица:

	1877 г. (49 губ.).	1887 г. (46 губ.).	1905 г. (50 губ.).
Дворяне	77,8%	68,3%	52,5%
Купцы и торгово-промышленные товарищества	12,2%	13,4%	16,6%
Мещане с обществами и товариществами .	2,0%	2,9%	3,6%
Крестьяне	7,0%	13,1%	23,9%
Прочие	1,0%	2,3%	3,4%
	100%	100%	100%

Из этой таблицы видно, что с 1877 года по 1905 год дворянское землевладение упало с 77,8% общего частновладельческого фонда до 52,5%, а крестьянское увеличилось с 7% до 24%. Площадь дворянского зевлевладения (пахоты) в 1862 году равнялась 87 милл. дес. земли, а к 1912 году уменьшилась до 44 милл. дес.

земли, при чем крестьянское землевладение за пятилетие с 1906 по 1910 г. увеличилось в среднем на 5,6 милл. дес.

Это было непосредственным следствием тех событий, которые происходили в России во время первой революции 1905 г., когда напор на помещичьи земли был особенно сильным. Под влиянием этих событий правительство стремилось часть земли передать крестьянам через Крестьянский банк, рассчитывая, что таким образом интенсивность напора в значительной степени уменьшиться. Насколько сильной была его деятельность, можно судить по следующим данным, охватывающим период времени с 1905 по 1916 г. За это время крестьянский банк выступил посредником по продаже 6.140.737 дес. земли, а кроме того банк купил за свой счет у частных владельцев еще 4.627,050 дес. Крестьянским банком было ликвидировано около 11 милл. дес. земли. Несмотря на это, земельный вопрос оставался таким же больным и острым, каким он был до того, так как не вся эта земля попала к крестьянам, а в значительной степени к другим сословиям и группам населения, которые обладали более значительными средствами и могли скорее покупать землю.

В то время, как за период времени с 1906 по 1910 г., т.-е. в то время когда особенно интенсивно шла ликвидация помещичьего владения, площадь землевладения помещиков уменьшилась на 6½ милл. дес., только 5½ милл. дес. попало к крестьянам и свыше миллиона десятин к купцам, торгово-промышленным и прочим предприятиям и юридическим лицам, о чем дает представление следующая таблица:

	Землевладение в 1905 г.	Мобилизация 1906 — 1910 г. (уменьшение —; увеличение +).	Землевладение в 1911 г.
Дворяне, чиновники, офицеры . . .	49.768,2	— 6.563,3	43.204,9
Духовенство . . .	3.792,5	— 15,4	319,2
Купцы, граждане, т.-пр. и пр. т-ва и юрид. лица . .	16.904,4	+ 1.043,4	17.947,8
Мещане и пр. . .	3.792,5	— 5,5	3,787,0

	Землевладение в 1905 г.	Мобилизация 1906 — 1910 г. (уменьшение —; увеличение +).	Землевладение в 1911 г.
Крестьяне:			
Лично	13.208,5	+ 1.871,4	15.079,9
Общества . . .	3.895,6	+ 747,6	4.643,2
Товарищества . .	7.714,3	+ 2.993,0	10.712,3
Итого	24.818,4	+ 5.617,0	30.434,4
Прочие	2.062,3	— 76,3	1.986,0
Всего	97.680,4	—	—

(Таблица взята из книги А. Н. Зак «Аграрные вопросы в России», стр. 8).

Эти данные о земельной реформе, проведенной правительством под непосредственной угрозой и непосредственным давлением 1905 г., свидетельствуют о том, что аграрный вопрос отнюдь не был разрешен во всем об'еме. Столыпинское законодательство имело в виду наделение землей только наиболее состоятельных слоев крестьянства и нисколько не заботилось о том, чтобы дать землю беднейшим крестьянам.

Последние только в связи с революцией 1905 г. освободились от выкупных платежей и, само собою разумеется, не могли взваливать на себя нового бремени платежей, какими были бы крупные и срочные к тому же платежи за землю, приобретаемую через Крестьянский банк. Купить землю тогда могли только наиболее богатые крестьяне, на которых и была поставлена ставка столыпинского законодательства.

Насколько силен в это время был напор на землю этих состоятельных слоев свидетельствуют цифры роста цен на землю в первые годы проведения столыпинского закона. В это время цена земли доходила до 140—150 рублей за десятину, между тем как в 1907 г. соответственная цифра составляла не больше 120 руб. за десятину.

Столыпинское законодательство было продолжением той же политики, какую вело правительство по отношению к помещичьим землям, переходящим к крестьянам по закону 19 февраля 1861 г. Согласно оффициальным данным, всего крестьянами было

выкуплено в силу этого закона свыше 33 милл. дес. земли, составлявших 9,3 милиона наделов. По данным П. Кованько долг крестьян за земли составлял около 900 милл. руб., при чем на 1 января 1907 г. крестьяне погасили срочными платежами и досрочными взносами 53,2% этой суммы, правительство приняло на себя 45,7%, прекращая выкупные платежи по закону 3 ноября 1905 года, при чем осталась небольшая доля, приходящаяся с крестьян западных губерний, на которых этот закон не распространялся.

С 1861 года создались кабальные условия для крестьянства: по оффициальным данным, на 1 января 1894 года было выплачено крестьянами 895.870.000 руб. Операция выкупа должна была быть по существу закончennой к этому моменту, но такой она не оказалась до революции 1905 года, когда правительство, под напором революционного движения, вынуждено было отказаться от получения этих сумм по выкупным операциям, которые, кстати, при платежах не уменьшались.

С момента проведения крестьянской реформы 1861 года начались операции по покупке земли отдельными крестьянами. С 1883 года по 1915 год через Крестьянский банк было выдано 398.000 ссуд на покупку 17.737.198 дес. земли, из коих, как уже говорилось, около 6—7 миллионов десятин приходится на послéдние годы вслед за революцией.

Из приведенных цифр мы видим, что операции по покупке земли крестьянами являлись сравнительно весьма широкими, но тем не менее в руках помещиков оставалось около 45 милл. дес. пахотной земли, которые притягивали к себе внимание крестьянских масс.

Отчасти в помещичьих имениях велось высококультурное капиталистическое хозяйство, но в значительном количестве их хозяйство стояло на весьма низкой ступени развития. Значительная часть помещичьих имений сдавалась в аренду отдельными клочками более состоятельным крестьянам, которые и обрабатывали их теми методами, на которые тогда были способны крестьянские массы. Само собою разумеется, эти методы были весьма несовершенными, и помещичьи имения не представляли из себя культурных оазисов среди крестьянских хозяйств.

Помещики использовывали то чрезвычайно невыгодное положение, которое создалось для крестьян в связи с земельной реформой 1861 года. Тогда была создана чересполосица и узкополосица крестьянских хозяйств. Им нарезались не те земли, которые были ближе всего к крестьянским дворам, а те, которые угодно было помещикам предоставить «своим» крестьянам. Это порождало невероятную путаницу во взаимоотношениях, и эта путаница в свое время неизбежно должна была привести к серьезным осложнениям.

Вторым фактором, который действовал в том же направлении, были правовые и экономические отношения, в которые были поставлены крестьяне реформой 1861 года. Русское законодательство того времени юридически сохранило так называемую крестьянскую общину. При существовании ее все земли составляли собственность всей общины в целом, а не отдельных владельцев.

Это тормозило хозяйственную инициативу отдельных лиц и уменьшало предприимчивость, а с другой стороны закабаляло каждого отдельного хозяина. Все подати и налоги устанавливались с тем расчетом, что все селение отвечало за их полную и своевременную уплату круговой порукой. Все крестьяне должны были платить за тех своих соседей, которые оказались неисправными. *Тяжесть такого налога ложилась не на наиболее состоятельных крестьян, которые умели отвертеться от подобных обязательств, а на крестьян-середняков.*

С другой стороны, эти же правила мешали проявлению инициативы отдельных крестьян в смысле развития их хозяйства и перехода к более современным методам обработки земли. В это время были установлены так называемые переделы земли, при которых земли делились по истечении известного количества лет между отдельными хозяевами. В смысле хозяйственной деятельности отдельных хозяев эти переделы были чрезвычайно тяжелым и опасным явлением, так как исправному хозяину могли достаться земли хищнически обрабатываемые его предшественником. Кроме того, все должны были в одно время засевать поля одинаковыми культурами, что, разумеется, в огромной степени тормозило развитие крестьянского хозяйства. *Оно должно было равняться не по лучшим хозяйствам, а по худшим, наиболее консервативным и мало предприимчивым.* Все эти обстоятельства вызывали то, что

в крестьянском хозяйстве сохранялось знаменитое традиционное трехполье, так как никто не мог выделяться из обще-крестьянской массы при существовании общих выгонов и пашни. Если бы кто-либо попробовал завести хозяйство, отвечающее в большей степени требованиям современного прогрессивного сельского хозяйства, то он только бы пострадал от консерватизма остальных.

Постепенно переделы земли вставали во все более резкое противоречие с интересами крестьянства, которое к тому же подвергалось все большей дифференциации. Оно превращалось из однородной крестьянской массы в крестьянство, состоящее из отдельных групп. С одной стороны выделялось кулачество, а с другой бедняцкое крестьянство, при чем в общем и целом эти два полюса были численно почти одинаковыми, составляя по 20% общей массы крестьянских дворов, а остальное составляли средние промежуточные слои.

Если эти середняцкие слои и не возражали особенно резко против переделов, то зажиточные крестьяне и, особенно, наиболее кулацкая верхушка, самым решительным образом противились этим изменениям, нарушающим их классовые интересы.

Правильно понимая свои интересы, правительство решило опереться на наиболее зажиточных крестьян, считая, что их может удовлетворить в полной степени приобретение земли через Крестьянский банк, отмена таких законов, которые слишком стесняли их хозяйственную деятельность и предприимчивость. Словом, предоставление им полной возможности наживаться за счет крестьянской массы.

Что касается остальных крестьян—бедняков и середняков, то их не могли удовлетворить законы и постановления, принимаемые царским правительством. Крестьянство в массе страдало главным образом от недостатка земли, от безземелья, при чем этого вопроса не могло разрешить переселение на новые земли или покупка земель через банк. *И в том и в другом случае требовались слишком крупные средства, которыми крестьянство не обладало.*

Постепенный или даже быстрый выкуп тех 40—45 миллионов десятин пашни, которые оставались в руках помещиков к 1905 году, вопроса разрешить не мог, так как все равно эти земли не попали бы к наиболее нуждающимся и были бы закуплены состоятельными слоями деревни. С другой стороны, крестьян-

ство на той ступени развития абсолютно не могло мириться с существованием общины. Последняя играла, по преимуществу, роль полицейско-административного органа, и она должна была рассыпаться в тот момент, когда будет устранен обруч, сдерживающий хозяйство до этого времени.

В отношении к общине сходились почти все элементы крестьян, так как она была в равной степени неприемлемой для всех их слоев.

Еще один вопрос являлся чрезвычайно серьезным и острым для крестьянского хозяйства — это вопрос о технике обработки земли и его методах. Поставленные в те условия, какие были созданы реформой 1861 года, крестьяне с этого времени не изменяли методов обработки земли. Это—традиционное трехполье, давно забронешное уже и оставленное крестьянами Западной Европы, как абсолютно не отвечающее требованиям современного хозяйства. В России оно продолжало держаться по инерции, а отчасти также и потому, что крестьянское хозяйство в самой незначительной степени пользовалось современными орудиями обработки земли. Изготовление сельско-хозяйственных машин на территории России, а также подвоз их из-за границы стояли на весьма низкой ступени развития. Это также в свою очередь обусловливало некультурность и отсталость крестьянского хозяйства. Между тем подсчеты специалистов показывают, что переход от трехполья к четырехполью мог бы увеличить валовой сбор хлеба по крайней мере на 20—30% по сравнению с нынешним и в значительной степени уменьшить те затруднения, которые существовали в крестьянском хозяйстве.

Постепенное экономическое развитие России приводило к тому, что сельское хозяйство становится все в большей и большей степени хозяйством товарным. У крестьянина не хватает необходимых средств для его существования и, несмотря на трудные условия жизни, он вынужден отрывать у себя известное количество хлеба и продавать на сторону, чтобы как-нибудь просуществовать. В этом отношении чрезвычайно характерны цифры перевозок хлеба по железным дорогам. Если в 1889 году они составляли 493 миллиона пудов хлебных и семенных грузов, то к 1898 году они увеличись до 710 милл. пуд., при чем эти цифры шли за счет основного фонда потребляемого крестьянством.

Перевозки увеличивались в большей степени, чем происходил за тот же период времени прирост урожая. Так, например, если мы возьмем два периода времени с 1883 по 1887 г. и затем с 1894 г. по 1898 г., то получается следующая картина: урожай четырех главных хлебов в первый из этих периодов составлял 1.534 милл. пуд., а перевозки их 371 милл. пуд. Соответственные цифры для второго четырехлетия составляли 1.930 милл. пуд. по урожаю и 550 милл. пуд. по перевозкам. Таким образом, урожай за этот период времени увеличился только на 25% в то время, как перевозки на 48%. Рост перевозок идет быстрее возрастания урожаев, рост торгового обмена быстрее роста самого производства. Часть урожая, поступающая на рынок, с каждым годом становится все значительнее: в 80-х годах железные дороги и водные пути выбрасывали на рынок 24,2% сбора четырех хлебов, а в 90-х годах процент этот повышается до 28,5%. Хлеб становится все в большей и большей степени товаром, производимым не только для собственного потребления. Одновременно возрастает и вывоз хлеба за границу. Об этом дают представление следующие сопоставления урожаев важнейших хлебов и вывоза их в такие страны, как Великобритания, Германия, Франция и Италия.

За период с 1894 по 1904 г. урожаи важнейших хлебов изменились следующим образом:

Хлеба.	1894 г.	1904 г.
	в миллионах пудов.	
Пшеница	751	1.107
Рожь	1.382	1.564
Ячмень	371	460
Овес	699	996

Таким образом, за десятилетие, сравнительно спокойное и не сопровождавшееся особенно крупными внутренними потрясениями, сбор важнейших хлебов увеличился в среднем на 50% по пшенице, 42% по овсу, 24% по ячменю и 13% по ржи. Что касается вывоза хлеба на внешний рынок, то по годам он представляется в следующем виде, при чем мы имеем в виду только вывоз в четыре перечисленные страны, являющиеся наиболее крупным потребителем хлебных продуктов (в мил. пудов).

	1894 г.				1904 г.			
	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес.
Великобритания .	52,0	2,5	38,6	60,3	72,9	2,5	20,8	37,9
Германия.	17,1	32,7	17,9	32,5	54,0	26,0	17,2	68,5
Франция .	30,5	0,3	19,9	10,7	3,4	—	0,1	0,5
Италия .	28,1	0,2	0,1	1,5	46,8	0,2	0,5	0,1
	127,7	35,7	76,5	105,0	177,1	28,7	38,6	107,0

Таким образом, вывоз хлеба в эти важнейшие страны-потребительницы, играющие особенно выдающуюся роль во внешней торговле России, сильно возрос, несмотря на то, что Франция перестала быть потребителем русского хлеба.

Приблизительно такая же картина получается при сопоставлении урожаев и экспорта пяти хлебов (пшеницы, ржи, ячменя, овса и кукурузы) с 1 июля по начало декабря, соответственно года.

Средние урожаи.	Мил. пудов.	Экспорт 5 хлебов.	% к валовому сбору.
1899—1900	3.646	253	7
1902	4.108	270	6,6
1903	3.923	264	6
1904	4.371	312	7,1

(Данные почерпнуты из докладной записки к росписи на 1905 г.).

В то время как валовой урожай за 1904 г. увеличился на 20%, экспорт возрос на 24%. С другой стороны, в 1899—1900 году экспорт пяти важнейших хлебов составлял 7%, а в 1904 г. уже 7,1%.

Это обстоятельство обусловливает значительное понижение потребления хлеба в России во время, предшествующее первой революции. Душевое производство хлеба в России за последнее десятилетие до революции осталось почти на прежнем уровне, составляя 26,6 пуда—в 1894 г. и 26,3 пуда—в 1904 году. В то же самое

время потребление хлебов резко уменьшилось, при чем получается следующая характерная таблица в пудах:

	1894 г.	1904 г.
Пшеница	4,56	3,53
Рожь	10,6	9,0
Овес	5,1	3,85
Ячмень	1,82	1,73
Кукуруза	0,1	0,23
Всего	22,8	18,34

Эти цифры свидетельствуют об интенсивном росте вывоза, который совершался за счет уменьшения потребления самого населения.

Главными поставщиками хлеба являлась многомилионная крестьянская масса, которая урезывала и уменьшала свое потребление, так как ей необходимы были денежные и всякие другие средства для ведения хозяйства.

В общем крестьянство страдало от малоземелья, от чрезвычайно стесняющей его жизнь общины, от которой необходимо было избавиться в целях дальнейшего экономического роста и развития, и, наконец, от того, что необходимо было слишком много продуктов отдавать для продажи на внешнем и внутреннем рынке.

Условия крестьянского хозяйства в огромной степени стесняли хозяйственную работу и инициативу, приводили к тому, что обработка земли становилась все менее удовлетворяющей общим европейским условиям, и, таким образом, весь экспорт хлеба, являвшийся по тогдашним временам весьма значительным, *покупался за счет недоедания крестьянства и общего обеднения его хозяйства.* Все эти обстоятельства вызывали стремление крестьянства к расширению своего землевладения, но это было неосуществимо в тогдашних условиях. Дело в том, что крестьянство и так урезало все свои потребности, и, естественно, не могло сэкономить никаких средств для того, чтобы землю прикупать. Аренда помещичьих имений, как уже говорилось, носила кабальный характер, связывающий крестьянство по рукам и по ногам.

Если сюда присоединить еще и влияние дальне-восточной войны, которая требовала колоссальных жертв со стороны крестьянства, то станет совершенно понятным то недовольство, которое нарастало все в большей степени среди крестьянства, особенно в бурные 1904—1905 г.г

Война требовала не только предоставления со стороны крестьянства массы солдат, которых давала в первую очередь деревня, но, в то же время она обострила также промышленный кризис, начавшийся еще в начале девятисотых годов, который охватил в связи с войной важнейшие отрасли нашей промышленности. Кроме того промышленный кризис косвенно коснулся также и деревни, вызвав в ней целый ряд тяжелых осложнений. Если до этого душевое потребление таких продуктов, как, например, железо или хлопок, стояло на низком уровне по сравнению с другими европейскими странами, составляя в среднем около 4 фунтов для России, 13 фунтов для Германии, 18 фунтов для Соединенных Штатов и 44 фунтов для Великобритании, в 1894 г., то к 1904 г. все эти цифры возросли на 10% для других стран и для России достигли 5 фунтов на душу, что свидетельствует о ее росте. Во всяком случае, потребление хлопка в России было втрое ниже, чем в Германии, вчетверо ниже Соединенных Штатов и в восемь с лишним раз ниже потребления Великобритании.

Эти цифры дают яркое доказательство сравнительной отсталости России к началу войны. Сама по себе война сильно увеличила потребность военного ведомства в подобных продуктах, и уменьшила потребление их населением, косвенно ухудшая и без того тяжелое положение крестьянства.

Однако, не в этом лежали главные затруднения для крестьянского хозяйства в этот период времени, а в том, что обще-государственные расходы возрасли, а тем самым должно было с неизбежностью увеличиться бремя платежей, падающих на крестьянство.

Если и до этого ¾ крестьянства едва сводило концы с концами, то с момента об'явления войны, потребовавшей целого ряда экстренных расходов, положение стало еще гораздо более трудным. Косвенным доказательством этого является тот факт, что непосредственно после революции 1905 года правительство должно было отменить выкупные платежи и, тем самым, уменьшить бремя налогов на

крестьянство. Это совершенно понятно. Война, как известно, требует громадных расходов, не только в период ее ведения, но также и после подписания мира. Это положение особенно ясно сейчас, когда все империалистические державы никак не могут изжить тех последствий, которые вызвала империалистическая война 1914—1918 г.г. В такой же степени приложимо это и к русско-японской войне. *В процессе ее крестьянские массы должны были давать своих сыновей для войска, а непосредственно вслед за ней должны были платить увеличенные налоги для ликвидации последствий войны.* Было абсолютно невозможно оставить неприкосновенными выкупные платежи, так как тогда крестьянство не могло бы оплатить стоимости ликвидации войны. Пришлось выбрать одно, и правительство решило ограничиться только тем, что возложило на крестьянство расходы по ликвидации империалистической авантюры. И в процессе самой войны, и непосредственно после нее материальное положение крестьянства было чрезвычайно тяжелым.

Все факторы, которые давали себя чувствовать за весь период времени с момента освобождения крестьянства, особенно резко проявились в царствование Николая II и особенно в начале 1900-х годов. Малоземелье, чрезвычайно высокие налоги и платежи, чересполосица, длинополосица, кабальная аренда у помещиков, безвыходное материальное положение — вот что заставляло крестьянство искать выхода из этого положения. Единственным выходом могло быть только расширение площади крестьянского землевладения, достигаемое путем конфискации помещичьих имений. Это дало бы возможность крестьянству преодолеть одно из наиболее серьезных затруднений — малоземелье, при чем, само собою разумеется, крестьянство не могло заплатить даже десятой части тех сумм, какие готовы были начислить за конфискуемую землю. Это составляло бы такие грандиозные суммы, что, если бы даже и возможно было бы вступить на этот путь, создалась бы новая кабала по отношению к крестьянству, на подобие того, что было непосредственно вслед за ликвидацией крепостного права. Однако, если тогда можно было говорить о сотнях миллионов рублей, при чем платежи были рассрочены на 40 с лишним лет, то при выкупе всей массы помещичьих имений пришлось бы иметь дело с гораздо более крупными

суммами, при чем выплата их неизбежно растянулась бы на такой же длительный период времени.

Это не представляло выхода для крестьянской массы из ее тяжелого положения. Различные авторы в этот период времени могли рассуждать сколько угодно о том, что по денежным, материальным и всяким другим условиям разрешение земельного вопроса может быть проведено исключительно только при выкупе земли по так называемой «справедливой оценке». Таков, например, Герценштейн и вместе с ним кадетская партия, отстаивавшая необходимость разрешения земельного вопроса именно в таком направлении. Однако, все они слишком мало считались с требованиями жизни и с ее обстановкой. У крестьянства не было средств для того, чтобы эту землю выкупить и таким образом разрешить чрезвычайно острый и больной вопрос о земле, который неотложно требовал своего разрешения.

В этом отношении сказывалось то, что реформа 1861 года была проведена не удовлетворительно, не разрешила вопроса о земле, запутала и осложнила все отношения. Само правительство, проводя ее в таком именно виде, бросило семена будущих осложнений. Если бы в 1861 году имелись хотя бы в небольшой степени в виду интересы крестьянства, а не только интересы помещиков, то земельный вопрос был бы разрешен не так, как он был разрешен «великой» крестьянской реформой, и его не пришлось бы разрешать снова в 1905 году.

В 1861 году были заложены основы будущих конфликтов и осложнений в области земельного вопроса. Крестьянство было лишено части тех земель, которыми оно обладало до реформы, созданы были полицейско-бюрократические рамки, в которые было поставлено крестьянство. Развивающееся капиталистическое и товарное хозяйство требовало все больших жертв от крестьянства, не давая ему взамен ничего или почти ничего. Это должно было довести до логического конца те предпосылки, которые были созданы в 1861 году.

Выход из крестьянского малоземелья тогдашние владельцы и руководители политической жизни рисовали в виде покупки земель через Крестьянский банк. Однако, крестьянская масса об этом не могла даже и мечтать, так как все равно средств не хватило бы.

Она должна была «спокойно» наблюдать за тем, как известное количество помещичьих имений ликвидировалось и переходило к наиболее богатым и зажиточным крестьянам, к выбивающимся из деревни кулакам, на которых, кстати, и поставил ставку Столыпин в своем знаменитом аграрном законодательстве, основой которого являлось выделение наиболее зажиточных крестьян на хутора и отруба и полное обезземеление крестьянской бедноты.

Какой же выход для крестьянства рисовался в этот период времени из того положения, которое создалось земельной теснотой, непосильными платежами, налогами и проч.? Этот выход рисовался в форме крестьянской борьбы за землю.

Первые более крупные примеры аграрных движений были в 1901—1902 г.г. среди крестьян Полтавской и Харьковской губерний. Однако, в это время правительство справилось с движением, выдвинув против него войска и карательные экспедиции, под предводительством князя Оболенского, которые расправились с движением с невероятной жестокостью. Ни правительство, ни его агенты, ни придушенная всесильной в это время цензурой печать не могли ничего сказать по поводу этих крестьянских волнений. Движение оказалось совершенно не понятым правительством, а в то же время оно было как бы преддверием к тем событиям, которые разыгрались в 1905 году. Основные причины крестьянского движения уже тогда имелись на лицо, а затем оно выявилось во всем об'еме в 1905 г., когда сказались кроме того и последствия русско-японской войны и связанного с ней промышленно-экономического кризиса.

В 1905—1906 г.г. крестьянское аграрное движение разлилось колоссальной волной по всей России. Оно охватило Поволжье, центральные губернии, так называемый Прибалтийский край и т. д. В зависимости от местных условий оно носило тот или иной характер. В тех местах, где преобладала аренда земли, где не велось помещиками крупно-капиталистического хозяйства,—там движение имело целью согнать помещиков с земли, отнять у них землю, уничтожить их имения, сжечь дома и постройки, словом устранить все основы, на которые опиралось помещичье землевладение.

В тех местах, где велось более прогрессивное хозяйство, приближающееся к капиталистическому типу, где имения пользовались трудом батраков, там движение носило характер близкий к проле-

тарскому движению на фабриках и на заводах. Батраки и крестьяне требовали сокращения рабочего дня, увеличения заработков, предоставления сносных жилищных условий и т. д. Именно такой характер приобрело движение в Польше, Литве, белорусских губерниях и Прибалтийском крае. Здесь происходили забастовки сельско-хозяйственных рабочих, которые охватывали целые крупные районы и носили классовый характер. В этом отношении особенно характерным было движение в Польше, где забастовки приурочивались к моменту жатвы или других сельско-хозяйственных работ.

В такие моменты помещики наиболее склонны были итти на уступки крестьянам, а это обеспечивало возможность успешного проведения забастовок и, естественно, увеличивало авторитет революционных партий.

Однако, эти явления в центральной России встречались сравнительно редко. Здесь главную роль играл аграрный террор, поджоги помещичьих имений, при чем эти выступления носили часто дикий и неорганизованный характер. По существу иначе и быть не могло. Крестьянство в своей массе было слишком озлоблено той эксплоатацией, с которой оно постоянно встречалось; с другой стороны в том же направлении действовал и политический гнет, при котором власть сосредоточивалась в руках тех же помещиков — земских начальников. Наконец, здесь же сказывалась также и традиционная вековая темнота, которая культивировалась и поддерживалась правительством на всем огромном пространстве России. В таких условиях совершенно понятна была та острота, которая характеризовала в 1905—1906 г.г. крестьянские выступления и борьбу. Помещичьи имения уничтожались до тла, скот истреблялся, постройки предавались огню. Крестьянство расчитывало, что ненавистные помещики не вернутся уже в эти места, опустошенные огнем аграрного террора. В марте 1905 года деревня ответила на события в городах тем, что аграрное движение охватило 62 уезда. В конце октября и в ноябре 1905 года, аграрным движением был охвачен 161 уезд. В это время правительство уже расправлялось с движением в городе. Однако, отклики городской революции только тогда начали проникать в деревню, и в результате этого весной 1906 года аграрное движение охватило уже 215 уездов.

Само крестьянство в этот период времени еще не сознавало необходимости связи между его движением и революцией в городе. Оно было распылено между десятками и сотнями различных пунктов движения, селами и деревнями, которые жили своей обособленной жизнью. Многие из них поднимались на борьбу в то время, когда в других местах движение уже было разбито и подавлено. Это обусловливало слабость отдельных, разрозненных выступлений, которые в таких случаях были обречены на неудачу. В действительности так оно и произошло. Имея сравнительно незначительные силы для борьбы с революцией, правительство перебрасывало их с места на место и подавляло движение прежде, чем оно успело разрастись. В результате крестьянского аграрного движения свыше 4.000 деревень пострадало от карательных экспедиций.

В этот период времени во главе крестьянского движения и аграрного террора стояла партия эс-эров, лозунги которой особенно легко и особенно широко воспринимались крестьянством.

Она говорила о том, что «земля ничья, божья», что пользоваться ею имеет право тот, кто на ней работает, что земля по ровну должна быть разделена среди крестьянского населения. Эти идеалы были приспособлены к мелко-буржуазной крестьянской психике. Это был тот же идеал, который в свое время развивали представители «Народной Воли» в деревне. Эти лозунги, вместе с лозунгами воли, освобождения от полицейского самодержавного гнета, воспринимались широко крестьянской массой.

Происходившие в период первой революции крестьянские с'езды, всероссийского и областного характера, легко и быстро принимали эти основные лозунги и несли их в крестьянскую массу, которая и проводила свое движение под лозунгом «Земли и Воли».

Однако, в этот период времени ни революционные партии, ни сами крестьянские массы не сознавали еще в достаточной степени необходимости связать свое движение с движением рабочих в городе. Они еще не усвоили мысли о том, что крестьянское движение с его распыленностью среди тысяч отдельных деревень не может быть движущей силой революции. *Оно может поддержать и развить успехи городской революции, но само застрельщиком оно ни в коем случае быть не может.* Крестьяне думали, что будет вполне достаточно, если они сожгут помещичьи имения, выгонят помещиков

из их имений и насиженных гнезд, и не рассчитывали на то, что затем придут те же помещики во главе карательных экспедиций и разделаются с ними с той беспримерной жестокостью, с которой разделалось правительство с аграрным движением 1905—1906 г.г.

Это движение показало, что в деревне имеется колоссальное количество горючего материала, что деревня бурлит, ищет выхода из аграрно-продовольственных условий, бьется в тисках помещичьей и правительственной эксплоатации, намечает даже правильные пути выхода, но еще не сумела в полном об'еме разрешить исторического вопроса, поставленного перед ней.

От эпохи так называемых «великих реформ» 1861 года осталась масса феодальных пережитков, остался чрезвычайно сильный слой помещиков-землевладельцев, сохранилась их власть над страной в экономическом и политическом отношении. Русская деревня поставила перед собою задачу уничтожить остатки этого феодализма, что было совершенно необходимо для дальнейшего капиталистического развития страны. Однако, внутренние и внешние условия сложились таким образом, что в 1905—1906 г.г. еще не имелось достаточно сил для того, чтобы разрешить эту грандиозную задачу. Революция оказалась разбитой. Земельная проблема осталась не разрешенной во всем ее об'еме, и она продолжала быть движущей и революционизирующей силой, какой она была в период первой революции 1905 года.

Об'ективные условия создавали именно такое положение в земельном вопросе, и крайне близорукими были те, кто эту постановку вопроса приписывал зловредной агитации революционных слоев и групп. Рамки старой феодальной жизни становились слишком тесными для капиталистически развивающейся России, и они должны были быть устранены.

III. Капиталистическое развитие России, как фактор революции.

Промышленность в России не могла развиваться до тех пор, пока существовало крепостное право. Трудным было развитие непосредственно вслед за отменой такового. Это совершенно понятно. Капитализм для своего роста и развития требует в качестве непре-

менной и обязательной предпосылки, наличия известного количества так называемых «свободных» рабочих, которые могли бы продавать свою рабочую силу, и тем самым быть основой работы промышленности. С другой стороны обязательным условием для развития капитализма в стране является товарный характер всего государственного хозяйства, что стало возможным только после отмены крепостного права. С этого момента Россия бесспорно вступила на путь капиталистического развития, и все цифровые данные свидетельствуют о том, что это дело пошло быстрыми шагами вперед. О темпе капитализации страны свидетельствуют следующие данные, почерпнутые из книги «Производительные силы России», изданной министерством финансов в 1896 году. В ней подведены итоги первых десятилетий непосредственно после крестьянской реформы.

В период времени с 1880 по 1894 г.г. мы видим следующий темп развития важнейших отраслей промышленности:

Продукты.	1880 г.	1894 г.	% увеличения.
Медь	195.517	331.000	70
Чугун	28.418.339	81.055.143	185
Железо	17.830.521	30.302.321	70
Сталь	18.761.098	41.441.249	121
Уголь	200.784.874	528.521.927	163
Нефть	21.500.000	318.600.000	1400
Марганцовая руда	614.540	14.915.242	2330

О чем говорят эти цифры? Они свидетельствуют о быстром развитии нашей промышленности, особенно таких отраслей, как уголь, нефть, металлургия и пр. Чрезвычайно характерно то, что начинают развиваться новые районы, которые до этого находились в загоне.

Центром промышленности, при существовании крепостного права в России, был Урал, на котором широко развернулось металлургическое и металлическое производство. Здесь же были важнейшие предприятия по добыче и обработке меди, по металлургии, при чем остальные районы в это время были развиты очень слабо. За рассматриваемый период времени медное производство увеличилось

на 70%, при чем особенно значительную роль в этом отношении играло развитие медного промысла на Урале, но еще большую — быстрый рост медеплавильного производства на Кавказе. Однако, это обстоятельство не столь характерно, как развитие железного производства. Урал начинает все в большей и большей степени терять свое значение, при чем, по отношению к нему, выдвигается мощный конкурент — южно-русский район.

Если в 1880 году из общего количества 28.418.339 пудов 18.402.683 пуд. приходилось на Урал и только около 1¼ милл. на южный район, то к 1893 г. общая выплавка возрасла на 41,7 милл. пуд., увеличившись почти в 2½ раза. Особенно быстро этот рост пошел после 1887 года, который во многих отношениях можно считать переломным годом для России. Правда, в этот период времени Урал еще удерживает свое первенствующее значение, но в процентном отношении ко всему производству роль его уменьшается. В 1880 году. он дал 65% всего производства, а в 1893—1894 г. не больше 44%.

За тот же период времени сильно увеличилась выплавка чугуна на минеральном топливе, что в свою очередь тоже свидетельствует о капиталистическом развитии. Эти цифры очень характерны:

Выплавлено чугуна (пуд).	1880 г.	1893 г.
На древесном горючем	25.636.257	41.467.394
На минеральном	1.739.113	26.696.499

Урал, правда, увеличил свою выплавку чугуна, но он поставлен в полную зависимост от лесных его богатств, и потому сильное развитие его деятельности вряд ли возможно. Между тем на юге России отношения складывались крайне благоприятно, так как там имелись по соседству уголь и железная руда.

Покровительственная правительственная политика дала сильный толчок югу, который стал стремительно развиваться, при чем особенно серьезное значение получило для него изготовление стали. *В этом отношении за период в 15 лет юг не только догнал, но и обогнал Урал.* За этот период времени общее производство в России железа возросло на 70%, а стали на 106%, при чем относительно все большее и большее значение начинает иметь юг.

В начале 70-х годов общая добыча руды на территории России не превышала 50 милл. пуд. в год. К 1880 г. она достигла 60 милл. пуд. Особенно быстрый рост отмечается с половины 80-х годов, при чем все большее значение приобретает юг России. Об этом даст представление следующее сопоставление:

Годы.	Добыча железных руд в тысячах пуд.		
	Вся Россия.	Юг.	Урал.
1885	64.962	7.237	39.997
1891	119.559	28.816	61.628
1895	178.521	59.117	74.151
1899	359.345	187.016	96.710
1901	288.160	145.016	107.688
1903	257.172	167.488	67.543
1905	301.473	188.721	82.671

Как видно из этой таблицы, центр тяжести рудной промышленности, а вместе с ней и металлургической, перемещается с Урала на юг. В 1870—1880 г.г., Урал давал 62—63%, а юг от 3 до 4½% добычи руды всей России. В 1890 г. соответственные цифры составляли для Урала 52,9%, для юга—21,6%, а в 900-х годах юг дал уже около 60%, а Урал около 25% общерусской добычи.

Обратимся теперь к характеристике металлургической промышленности России и в том числе юга. В 1860—1861 г.г. при общей выплавке чугуна в России около 20 милл. пуд., юг не давал ничего. Вплоть до 1876 года его выплавка составляла менее одного миллиона пуд. в год, т.-е. в среднем около $^1/_{20}$ общероссийской выплавки. В 1871 году были открыты Криворожские железные руды, и это сразу же дало толчок промышленному развитию юга. После проведения железных дорог, соединяющих Кривой Рог с Донецким бассейном, началось быстрое развитие южной металлургии.

В 1886 году П. И. Губонным и В. Ф. Голубевым было положено основание Александровскому заводу Брянского Общества в Екатеринославе. В 1889 году был пущен завод О-ва Варшавского сталелитейного завода, переименовавшегося в Южно-Русское Днепровское Металлургическое О-во. В 1892 году построен в Криворожье Гданцевский доменный завод, в 1895 году открыло свое дей-

ствие Донецкое Общество в Дружковке, в том же году было приступлено к постройке заводов Донецко-Юрьевского О-ва и Русско-Бельгийского О-ва.

«Пустынный юг наш, еще так недавно представлявший одни лишь безбрежные ковыльные степи, ожил. Среди белых пустынь выросли гиганты, извергающие миллионы пудов железа. Потянулись во все стороны России рельсовые пути. Нагруженные железом пароходы стали разносить по всему свету неведомое дотоле никому имя Донецкого бассейна. Сотни тысяч рабочего люда нашли здесь себе пропитание. Возникли поселки и целые города там, где так недавно шумел один бурьян». (Гливиц «Железная промышленность в России»).

С 1876 года начинается постоянное увеличение выплавки чугуна на южных заводах. В 1886 году они дают около 10% общерусской выплавки (3,1 милл. пуд. из 31,6 милл. пуд. всей России). С 1886 г. южная металлургическая промышленность по производству чугуна обгоняет польскую, в 1888 году производство чугуна на заводах центрального района и с 1895 года юг, давая 33,6 милл. пуд. из общей выплавки 86,8 милл. пуд., занимает первое место среди всех районов, оттеснив на второе место даже Урал, и сохраняет свое первенствующее положение за весь рассматриваемый период времени.

О дальнейшем развитии металлургической промышленности юга дает следующее представление таблица:

Годы.	Всего в России.	В том числе на Юге.
1896	97,0	38,8
1897	112,6	46,1
1898	134,8	61,1
1899	163,2	82,2
1900	176,8	91,5
1901	172,9	91,7
1902	156,9	84,1
1903	149,4	83,4
1904	180,6	110,8
1905	165,9	103,1

Особенно интенсивный рост металлургической промышленности юга России приходится на девяностые годы прошлого столетия. Это было время особенно крупного развития промышленности вообще во всей России, о чем говорит тов. Фин-Енотаевский в своей книге «Современное хозяйство России».

«В 1893 году промышленный капитал начал у нас свой новый и на этот раз наиболее значительный цикл движения. Этому благоприятствовали и условия международного рынка. Ряд конвенций в главнейших европейских странах, совершенных в период застоя начала 90-х годов, толкнул массу капиталов на путь промышленности. Привлеченные нашей высокой нормой прибыли, охраняемые покровительственными таможенными пошлинами и не менее высокой прибавочной прибылью, вытекающей непосредственно из государственного казначейства в норме заказов, — иностранные капиталы широкими ручьями текли в Россию. Содействовало этому и доверие к прочному состоянию наших финансов, вызванное с одной стороны прекрасным положением России в то время в концерте европейских держав, а с другой стороны прекращением сильнейших колебаний курса рубля, закончившихся введением золотой валюты. Но в гораздо большей степени в под'еме 1893—1899 годов, принял участие отечественный капитал, накопленный раньше в сфере торговли земледельческими продуктами и ростовщичества в деревне.

Возраставшее разорение последней, усиливавшийся мировой сельско-хозяйственный кризис побуждали эти капиталы еще со второй половины 80-х годов искать приложения в покровительствуемой правительством индустрии.

Кроме того и'винная монополия освободила несколько десятков миллионов рублей. Далее важную роль сыграло техническое усовершенствование министром финансов Витте нашего государственного банка, расширения поля его деятельности, открывшееся для этого банка поприще финансирования промышленных предприятий. Наконец, и биржа могла расширить свои операции, благодаря разрешению ей в 1893 году сделок на срок со всеми бумагами, кроме валюты. Все это дало толчок широкому развитию грюндерства и спекуляции».

В этот период времени наблюдался также усиленный прилив иностранного капитала в русскую промышленность и в частности

в горно-металлургическое дело. Это обусловливалось тем, что доходность промышленных предприятий была очень высокой, несомненно гораздо более значительной, чем за границей, и потому иностранный капитал устремлялся в Россию особенно интенсивно. По подсчетам М. И. Галицкого, $^1/_3$ всех капиталов, вложенных в русскую промышленность, приходится на иностранные капиталы, при чем около $^3/_4$ этих капиталов вложены в русскую горную и горнообрабатывающую и металлообрабатывающую промышленность. По подсчетам Гливица общее число иностранных капиталов в нашей промышленности составляет 72% общей суммы вложенного капитала, а для юга последнее соотношение поднимается до 95%.

Отчасти это обстоятельство, а отчасти также и то, что русская промышленность была очень тесно связана с промышленностью остальной Европы, обуславливает то обстоятельство, что промышленные кризисы Европы отзывались резко и определенно на положении русской промышленности. Так, например, очень сильно дал себя чувствовать кризис начала 90-х годов. На положении юга России этот кризис оказал очень сильное влияние. Так, например, 26-й с'езд горнопромышленников юга России отмечал, что еще в 1900 году было остановлено за недостатком работы 14 доменных печей, а в 1901 году это количество достигло 26, при чем в дальнейшем не произошло улучшения, а, наоборот, промышленный кризис продолжался и в последующие годы вплоть до 1905 года. Он еще обострился в результате последующих событий. Этот длительный кризис является одной из причин, почему так бурно разыгралась революция 1905 года. Длительный кризис в металлургической промышленности обуславливает также и то, что промышленные предприятия юга России все время были слабо загруженными. В 1891 году они должны были дать около 90 милл. пуд. чугуна в то время, как наименьшая подготовленность заводов составляла 141 милл. пуд., а полная производительная способность всех заводов юга России достигала 161 милл. пуд.

Это обстоятельство предрешало высокую себестоимость изделий русской промышленности, на что жаловался тот же 26-й с'езд горнопромышленников юга России. Несмотря на эти обстоятельства, а может быть и в результате этих обстоятельств, промышленники юга России ухитрялись обставить дело таким образом, что

они не несли особенно крупных убытков. Выдаваемый ими дивиденд являлся сравнительно очень высоким, особенно для тех заводов, которые связывали доменное производство с добычей каменного угля, железной руды и производством чугуна. Сравнительно меньше доходы чистых доменных и передельных заводов.

Представление об этом дают следующие цифры: первая группа заводов в 1895 году выдала 21,31% дивиденда, в 1897 году — 17,28%, в 1899 году — 16,35%, в 1900—1901 г. от 12 до 13%, в 1903—1904 г. от 8 до 9½% и в 1905 г.—6,76%. Кстати, к тому времени величина выдаваемого дивиденда сравнялось с дивидендом чистых передельных предприятий, которая до сих пор составляла от ⅓ до ¼ дивиденда, выдаваемого первой группой.

В этом отношении важную роль играли и всякие капиталистические ухищрения, при которых предприятия старались скрыть свою высокую доходность, великолепно понимая, что выдача слишком крупных дивидендов может иметь для них неприятные последствия в смысле увеличения обложения их налогами и проч.

Приведенные данные характеризуют резкий перелом, происшедший в смысле снабжения России металлом. Центр тяжести перемещается, как мы видели из этих цифр, в Донецкий бассейн, который организуется по последнему слову техники, строя лучшие металлургические предприятия и увеличивая их работу на минеральном топливе.

Приблизительно такую же эволюцию пережила и вторая отрасль нашего хозяйства, имеющая серьезнейшее значение для всей хозяйственно-промышленной жизни — угольная промышленность.

Добычей минерального топлива до начала так называемых великих реформ Россия совершенно почти не занималась. В то время, как Великобритания в 1870 году дала уже 1.800 миллионов пудов угля, в России добыча совершенно не производилась. Только в 1860 году было добыто 18 миллионов пудов. Правда, за этот период времени с 60-х годов производилась добыча угля в небольших размерах, но она имела в виду главным образом местные нужды, и количество добываемого угля не имело существенного значения. С шестидесятых годов начинается довольно медленное развитие нашей угольной промышленности. В 1880 году было добыто около 201 милл. пудов, при чем добыча в Донецком и Домбровском бас-

сейне была почти одинаковой. С этого времени Донецкий бассейн начинает прибретать все большее и большее значение, при чем, однако, почти до 1893 г. добыча этих двух районов стояла почти на одном и том же уровне.

О росте каменноугольной промышленности за период времени с 1880 по 1894 г. дает представление следующая таблица, почерпнутая из той же книги «Производственные силы России».

Годы.	Общерусская добыча.	Донецкий бассейн.	Домбровский бассейн.
1880	200.784.874	86.347.334	78.448.947
1881	213.258.477	91.298.166	85.774.707
1882	230.193.536	106.250.170	84.330.701
1885	260.577.775	114.946.318	109.282.497
1888	316.593.914	136.759.719	147.357.074
1889	379.350.192	189.869.078	151.108.996
1892	424.053.380	218.056.792	175.991.231
1894	528.521.927	293.125.637	202.397.167

За этот промежуток времени добыча в России увеличилась в $2^1/_3$ раза, при чем особенное значение имело развитие Донецкого и Домбровского бассейнов, которые играли все более крупную роль.

В 1880 г. они, как уже говорилось, стояли на одном и том же уровне, в 1894 г. добыча Донецкого бассейна была на 50% больше добычи Польши. За этот же промежуток времени слабо развивалась уральская и даже падала подмосковная каменноугольная промышленность. К тому же и самый характер каменноугольной промышленности Донецкого бассейна начинает постепенно изменяться. Она все в большей степени становится промышленностью крупной. Так в 1893 году из 240 миллионов пудов каменного угля, добытого в районе, 129 миллионов приходится на 11 копей, дававших не менее 5 миллионов пудов каждая. Шел довольно быстрый процесс концентрации каменноугольной промышленности, имеющий чрезвычайно серьезное значение для дальнейшего экономического развития всей страны.

С половины 90-х годов Донецкий бассейн приобрел особенно крупное значение, и этого значения он уже не теряет за весь период времени, последовавший за этим переломом.

О развитии каменноугольной промышленности России после 1894 года дают представление следующие цифры:

Годы.	Добыча угля в России. в милл. пудов.
1894	535
1895	555
1896	573
1897	684
1898	751
1899	853
1900	986
1901	1.009
1902	1.005
1903	1.091
1904	1.197
1905	1.139

Таким образом к 1905 году Россия подошла с добычей угля в 1.200 миллионов пудов и, таким образом, далеко отошла от того времени, когда преобладающее значение имел ввоз иностранного угля. Как это ни странно, а Россия, страна весьма богатая углем, нуждалась в его подвозе, и в период времени 1866—1870 г. ввоз угля составлял 58% всего ее потребления.

По мере усиления добычи собственного угля роль иностранного ввоза уменьшалась, при чем по соответственным пятилетиям она колебалась от 46% за время с 1871 по 1875 год, до 25% за 1886—1890 год, до 20—21% — с 1891 по 1900 год и с 1901 по 1905 год в среднем составляла 17,3%.

Между прочим этот ввоз главным образом направлялся в Петроград и в другие районы, расположенные по берегам Балтийского моря.

Нельзя сказать, чтобы вполне благополучно обстояло дело со снабжением углем населения. Душевое потребление этого продукта стояло в России все же гораздо ниже, чем за границей. о чем дает представление следующее сопоставление, весьма неблагоприятное для России:

В 1894 году душевое потребление чугуна составляло для России 0,74 пуд. и каменного угля 5,62; в 1904 году эти количества составляли по чугуну 1,08 п. и по каменному углу 9,9 пуд. В это самое время для Соединенных Штатов соответственные цифры составляли в 1894 году 6,1 пуд. чугуна и 135,4 пуд. угля, и в 1904 году — 14 пуд. по чугуну и 238 пуд. по каменному углю. Для Великобритании соответственные цифры составляли 10 пуд. чугуна и 228 пуд. угля в 1894 году и 11 пуд. чугуна и 239 пуд. каменного угля в 1904 году. Потребление этих государств составляло в 11—14 раз больше, чем у нас. Это же обстоятельство обусловливало постоянный угольный и металлический голод, который испытывала особенно наша деревня, все время сильно нуждающаяся в этих продуктах, абсолютно необходимых для ее промышленной и хозяйственной работы и для ее экономического развития.

В отношении угля мы переживали такое же положение, как и в отношении металла. Тот же кризис 90-х годов, который, как мы видели, сказывался на положении металической промышленности и обусловливал недостаточно полную нагрузку металлургических предприятий, вызывал то, что угольные предприятия не давали всего того, что они могли бы дать в нормальных условиях.

Однако, общая экономическая обстановка была такова, что потребление угля и металла не могло особенно развиваться. Деревня была крайне бедна, ее покупательная способность была ничтожна, благодаря тем общим условиям, в которые она была поставлена. Из деревни высасывали максимальное количество всевозможных богатств и взамен ей ничего не давали. В таких условиях деревня не могла быть тем массовым потребителем, каким она могла бы быть в нормальных условиях. Это сдерживало темп развития промышленности, и обусловливало то, что мировые промышленные кризисы отзывались крайне болезненно также и на ней. По своим огромным богатствам угля, Россия могла бы развиваться гораздо быстрее, чем она развивалась.

Несмотря даже на это, развитие ее угольных районов свидетельствует о быстрой индустриализации страны, при чем уже не могло быть и речи о том, чтобы она могла с этого пути свернуть.

Третья важная отрасль промышленности, на которой в такой же степени строится промышленное хозяйство, нефтяная промышленность, пережила такой же процесс роста и развития. Опять-таки и она начала развиваться только с того времени, когда установились более или менее нормальные условия капиталистического развития в стране.

До этого нефтяная промышленность, получившая широкое мировое распространение в половине XIX столетия, была в загоне. Уже в 50-х годах прошлого столетия добыча нефти была известна на Кавказе, но она была крайне ничтожной, при чем она добывалась колодцами и потреблялась в необработанном виде, главным образом для освещения, смазки колес и других надобностей. В 1850 году добыча составила 337.000 пуд. и только в 1872 году достигла 1.395.000 пудов.

С этого времени началось довольно быстрое развитие бакинской нефтяной промышленности, которой суждено было играть все более крупную роль в хозяйстве России. В 1871 году Мирзоев поставил первую буровую машину, а в 1873 году он добился первого успеха, получивши нефть с глубины 14 саженей. С этого времени и началось быстрое увеличение количества буровых скважин, а тем самым и того количества нефти, которое получалось. В 1873 году было 17 буровых скважин, в 1874 году — 40, в 1875 — 65 и в 1876 — 101 скважина. Результаты не замедлили сказаться, и добыча нефти стала быстро расти: в 1872 году было добыто 1½ миллиона пудов нефти, в 1873 г.—3,9 милл. пуд., в 1874 г.—4,9 милл. пуд., в 1875 г. — 5,8 милл. пуд. и в 1876 г. — 11 милл. пуд. Это значительное увеличение добычи нефти понизило ее стоимость и сделало ее более доступной для масс. Цена упала до 2 коп. за пуд, что вызвало крупные затруднения для промышленников. В последующие годы мы видели также рост добычи нефти, а именно в 1877 году было добыто 15 милл. пуд., в 1879 году — 24 милл. пуд., при чем за весь этот период времени главным образом имела значение бакинская нефтяная промышленность. За период времени с 1880 года по 1894 год нефтяная промышленность пережила период крупного роста, о чем дает представление следующая таблица, в которой, кстати, бакинская промышленность дает около 90% общей добычи:

1880 г. — 21,5	1885 г. — 116,3	1890 г. — 242,9
1881 г. — 40,6	1886 г. — 120,4	1891 г. — 290,4
1882 г. — 50,5	1887 г. — 166,9	1892 г. — 298,9
1883 г. — 60,4	1888 г. — 194,3	1893 г. — 353,6
1884 г. — 90,2	1889 г. — 202,1	1894 г. — 318,6

Для нефтяной промышленности особенно крупное значение имеет Бакинский район, который снабжал жидким топливом страну. За это время он пережил следующую эволюцию: в 1896 г. дал 384 милл. пуд., в 1898 г. — 486 милл. пуд., в 1900 г. — 600 милл. пуд., в 1901 г. — 668 милл. пуд., что и составляло максимальную цифру его добычи. С этого времени начинается уменьшение добычи этого района, при чем в 1903 г. он дал только 597 милл. пуд., в 1904 г. — 615 милл. пуд. и в 1905 г.— 409 милл. пуд.

Крупную роль играли отголоски промышленного кризиса, а также и политические события, развернувшиеся особенно широко на Кавказе.

Сравнительно подсобную роль в этот период времени играли другие районы (Грозненский), которые дали все вместе около 40 миллионов пуд. нефти.

Сильный и быстрый рост нефтяной промышленности и потребления нефтяного топлива свидетельствует о процессе капиталистического развития и этой отрасли промышленности, в которой особенно крупную роль играли иностранные капиталы, и в частности английский капитал.

По данным П. В. Оля, относящимся к периоду времени, предшествующему империалистической войне, по крайней мере 60% добычи нефти на территории России приходилось на долю английских капиталов, которые были заинтересованы как значительными нефтяными богатствами, так и теми огромными доходами, которые получались от эксплоатации этих районов.

Сопоставление развития этих трех важнейших отраслей промышленности свидетельствует о быстроте капиталистического роста и развития России. Параллельно с этим и шло увеличение количества рабочих в важнейших отраслях промышленности.

Возьмем хотя бы горную промышленность. Во всей горной промышленности в 1889 году было занято 416.836 чел., к 1893 году это количество увеличилось до 465.000 чел., из коих 242.000 приходилось на Урал, почти 69.000 на юг России, 33.000 — на Польшу, а остальное было разбросано по другим районам. С этого времени произошло быстрое увеличение количества рабочих, так, например, в каменноугольной промышленности в 1893 году было занято 48.000 чел., а в 1904 году уже 117.000 чел.

В других отраслях промышленности наблюдался такой же рост, свидетельствующий о быстроте экономического развития России.

В течение всего XIX века быстро увеличивалось количество фабрик, заводов и занятых в них рабочих, при чем этот процесс получает особенно сильный толчек вслед за крестьянской реформой. Об этом дает представление следующая табличка:

Годы.	Число фабрик.	Число рабочих.
1804	2.423	95.202
1825	6.261	210.568
1850	9.843	517.679
1887	25.865	866.238

По другим более полным данным Варзара, относящимся к более позднему времени («Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности России за 1908 г.»), развитие русской фабрично-заводской и горной промышленности за последний период времени шло следующим темпом:

Годы.	Число заведений	Тысяч рабочих	Производство в милл. руб.
1887	30.888	1.318,0	1.334,5
1897	39.029	2.098,2	2.839,1
1908	39.866	2.679,7	4.908,7

Таким образом число рабочих в крупной промышленности в период времени с 1850 по 1887 год или за 37 лет возросло всего лишь на 67%, т.-е. темп развития индустрии России был крайне медленным, не составляя и 2% в год. С начала 90-х годов промышленность стала быстро развиваться, при чем темп оказался во много раз выше, и за период времени с 1887 г. по 1908 г. общее число рабочих возросло на 103%. Ежегодный прирост рабо-

чих составлял около 5%, т.-е. более, чем вдвое выше, роста за период 1850—1887 г. С 90-х годов окрепла южная металлургическая промышленность, которая и сделалась главным потребителем угля и вообще минерального топлива.

По темпу роста добычи каменного угля за десятилетие с 1894 г. по 1904 год Россия обогнала другие капиталистические страны.

Несмотря на это, русская промышленность уперлась в тупик, созданный для нее бедностью крестьянского рынка, который не мог быть потребителем в широких размерах изделий фабрик и заводов.

Как мы видели из предыдущего обзора, положение деревни в общем и целом было очень трудным. Она недоедала, оплачивая за счет своего недоедания стоимость тех продуктов и изделий, которые ей приходилось покупать, несмотря на крайне трудные и тяжелые условия ее жизни.

Царское правительство не понимало той основной мысли, что промышленность и вообще хозяйство может развиваться только в том случае, если будет обеспечен достаточно обширный и мощный рынок потребления.

В такой стране, как Россия, таким рынком мог быть только и исключительно только крестьянский рынок. Однако, все мероприятия правительства были как раз направлены на то, чтобы этот рынок ослабить и сделать его работу менее интенсивной.

Параллельно с этим давало себя чувствовать также и влияние войны. Последняя должна была вызвать приостановку и уменьшение деятельности важнейших отраслей промышленности. К тому же имели место и крупные революционные осложнения. Бакинское революционное движение, например, разрушило значительное количество предприятий и вызвало падение нефтяной промышленности, деятельность которой, как мы видели, сократилось приблизительно на 50% с 1904 по 1905 г. Уже и без того промышленность Бакинского района работала сравнительно слабо. Этими событиями был нанесен еще лишний удар, который на несколько лет подорвал ее и уменьшил размах ее деятельности.

Помимо этого мы видели известное падение важнейших отраслей промышленности. Возьмем хотя бы такие отрасли промышленности, которые всегда являются мерилом и показателем экономического развития и экономической деятельности той или

другой страны. Так, например, на 294 копях, состоящих в ведении Горного управления южной России (отчет Горного департамента за 1905 г.), было добыто 528.829.000 пуд. каменного угля, при чем по сравнению с предшествующим годом количество шахт увеличилось, а добыча осталась почти неизменившейся. Чугуноплавильные заводы за этот период времени в значительной степени сократили свою деятельность, в результате чего добыча железной руды уменьшилась на 33½ миллионов пудов.

1905 год по результатам его деятельности можно считать временем уменьшения производства продуктов на всех важнейших предприятиях горнозаводской промышленности юга России, о чем дает представление следующее сопоставление, относящееся к следующим предприятиям (Краматорский завод, Гланцевский, Александровский, Днепровский, Дружковский, Петровский, Новороссийский, Никополь-Мариупольский, Русский Провиданс, Кадьевский, Ольховский, Донецко-Юрьевский).

Продукты.	1903.	1904.	1905.
Чугуна	71.569.913	95.807.193	89.870.126
Железа торгового . .	21.086.689	35.004.823	33.579.155
Стали сорт. и лист. .	21.086.689	35.004.823	33.579.155
Рельс, бандажей и скреплений	23.578.739	19.716.251	18.784.180
Чугунных изделий . .	3.691.825	2.319.714	2.948.611
Изделий железных и стальных . . .	1.755.684	1.776.197	998.802

В 1905 году наблюдается уменьшение выплавки чугуна на 6,2%, выделки железа и стали на 4%, уменьшилось количество железных и стальных изделий почти вдвое.

Приблизительно такие же явления можно было наблюдать и в других районах.

В деятельности горной и металлургической промышленности наблюдался застой с начала XX столетия, вызываемый теми общими условиями, в которые тогда поставлена была вся промышленность. Это было также последствием промышленного и хозяйственного кризиса, вызванного колониальной авантюрой царского правительства.

Само собою разумеется, некоторое усиление деятельности заводов, в связи с обслуживанием военного ведомства, было неизбежно. Однако, это не изменило общего положения на заводах. Особенно сильно должно было сказаться это явление вслед за прекращением войны, которая вызвала дальнейший упадок промышленности.

Этот застой давал себя чувствовать уже в целом ряде отраслей промышленности, о чем дает представление всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1905 год.

Характеризуя в этом документе общее положение, министр финансов склонен рассматривать его со значительной долей оптимизма, при чем эти оптимистические предположения не оправдались. Уже до этого промышленность переживала кризис, при чем, представляя роспись доходов и расходов, министр финансов предполагал, что из этого положения удастся выбраться. Некоторое улучшение в области горной и горнозаводской промышленности об'яснялось исключительно только повышенными требованиями, пред'являемыми войной, нуждающейся в усиленном питании ее углем и железом. Если принять во внимание это обстоятельство, то грозным было уменьшение работы других отраслей промышленности, на которые указывает этот доклад, старающийся доказать, что положение не так уже трудно, как это оказалось на самом деле.

Для того, чтобы получить представление о перспективах промышленности и хозяйства в это время, мы приводим обширную выписку из этого доклада:

«Наша железная и каменноугольная промышленность, которая находилась еще в недавнее время в застое, сопровождавшемся сокращением производства и падением продажных цен, со второй половины 1903 года стала оживляться. Начало 1904 года как для железоделательной и механической, так и для каменноугольной промышленности было временем значительного под'ема, об'ясняемого тем, что в предшествовавший период запасы товаров исчерпались и вместе с тем многие железоделательные заводы приспособились к новым условиям производства и сбыта. В 1904 г. выплавка чугуна Европейской России ожидается в размере около

180 милл. пудов против 149 милл. пудов за предшествовавший год, а добыча ископаемого угля обещает дать 1.135 милл. пудов вместо 1.069 милл. пудов, добытых в 1903 году. Таким образом, в количествах, превосходящих высший уровень производительности, который был достигнут у нас этими отраслями когда-либо ранее. *Однако, производительная способность железоделательных заводов и каменноугольных копей далеко не исчерпана под'емом производства, и в настоящее время в некоторых отраслях железной промышленности заметны падение продажных цен и признаки затруднений в сбыте.* Дела каменноугольной промышленности особенно в Донецком бассейне продолжают находиться в удовлетворительном положении, но застой в мануфактурных производствах Царства Польского не мог не отразиться во второй половине истекающего года сокращением спроса на уголь в Домбровском бассейне.

Нефтяная промышленность находилась в 1904 году под влиянием положения, созданного сокращением за последние годы вывоза нефтяных продуктов из Соединенных Штатов Северной Америки, а также добычи нефти на бакинских промыслах и увеличением спроса на керосин для заграничных рынков. С осени 1903 года запасы русских нефтяных товаров стали быстро иссякать, а цены на эти товары повышаться, и бакинская промышленность приступила к расширению работ на промыслах. Необходимость продолжительного и глубокого бурения задерживает скорый под'ем добычи, которая достигла поэтому за первые десять месяцев 1904 года только 529 милл. пудов нефти против 499 милл. пудов за соответствующий период 1903 года.

Мануфактурная промышленность в России занята почти исключительно удовлетворением потребности внутренних рынков, от состояния которых зависит ее благополучие. Поэтому чрезвычайные обстоятельства не могли не отозваться на положении мануфактурных производств, хотя влияние военного времени сказалось на главнейших промышленных районах не одинаково. Наибольшее стеснение испытывает промышленность Привислинского края, особенно ткацкая и прядильная в лодзинском районе и производство галантерейного товара в Варшаве. Причины затруднений этих производств коренятся в сокращении требований на товар, особенно на галантерею, в некоторых районах сбыта местных изделий,

где покупная сила населения уменьшилась вследствие недобора хлебов и призыва запасных воинских чинов на действительную службу. При том предшествовавший быстрый рост производства Привислинского края, преимущественно в лодзинском районе, заставил местных фабрикантов всемерно стремиться к расширению своей клиентуры. С наступлением военного времени, когда положение некоторых посредников-торговцев поколебалось, сбыт товаров уменьшился, и фабрикам пришлось сократить производство. Стеснения, испытываемые промышленностью Привислинского края, не повели за собой серьезных потрясений для крупных фабрик; но положение средних и мелких предприятий, особенно ремесленников и кустарей, неудовлетворительно; некоторая их часть осталась без заработков. Следует заметить, что кризис местной промышленности не денежный, а чисто товарный, так как для солидных фирм кредиты не стеснены; недостаток в средствах испытывается лишь менее кредитоспособными производителями, которые не могут представить банковым учреждениям гарантий солидности своих обязательств. В последнее время в настроении лодзинского промышленного рынка было заметно улучшение; сбыт товаров с фабрик возрос, и расчеты производятся исправнее; некоторые фабрики начали увеличивать производительность. Вызванные чрезвычайными обстоятельствами затруднения отразились и на московском промышленном районе, но в меньшей степени, чем на привислинском, что об'ясняется, с одной стороны, преобладанием крупных предприятий, которые более способны противостоять неблагоприятным условиям военного времени, а с другой — обильным урожаем в районе сбыта московских изделий.

Обнаружившееся в военное время сокращение производства в некоторых отраслях фабрично-заводской промышленности, не являясь чем-либо неожиданным, могло бы, однако, внушать опасения при неизвестности, как велики его размеры и насколько затронуты им интересы рабочего класса. Для освещения этих весьма важных вопросов были собраны, по распоряжению министра финансов, осенью истекающего года сравнительно данные о производительной силе промышленных заведений в 1903 и 1904 г.г. по трем главным ее признакам: количеству рабочего времени, числу рабочих и сумме заработной платы. Сведения эти получены путем

опроса через посредство чинов фабричной инспекции всех промышленных заведений с числом рабочих свыше 50 человек в Европейской России и Закавказье (за исключением казенных предприятий и горных заводов, которые не находятся в ведении министерства финансов). Хотя для сравнения могли быть взяты только три летние месяца (июнь, июль и август), и количество подлежавших обследованию фабрик (4,610) составило лишь 26% общего числа промышленных заведений по данным 1902 года, но опрошенные заведения имели свыше 70% всего числа рабочих, занятых в обследованных отраслях промышленности, и таким образом полученные сведения могут до некоторой степени характеризовать положение нашего промышленного труда. Они показывают, что по количеству рабочего времени производительность обследованных фабричных заведений уменьшилась всего лишь на 2,5% [1]). По отношению к отдельным отраслям производств получается следующее уменьшение или увеличение производительности в 1904 году, сравнительно с 1903 годом, выраженное в процентах по каждому отдельному производству.

Производства.	Уменьшение (—).
Обработка хлопка	— 5,9
» шерсти	— 15,4
» шелка	— 25,7
Смешенные производства по обработке волокнистых веществ	— 7,1
Обработка минеральных веществ	— 6,8
» питательных веществ и химических продуктов	— 2,0

[1]) При измерении количества затраченного на каждой фабрике рабочего времени за единицу принимается обыкновенно один час труда одного рабочего или так называемый часорабочий, т.-е. определяется, сколько рабочих часов в общей сложности проработано за известный период времени всеми рабочими предприятиями. Выраженная с помощью этого приема в количестве рабочего времени общая производительность 4,610 крупных фабричных заведений составляла за три летние месяца 1904 г. 973.6 милл. часорабочих, против 998,2 милл. за тот же период 1903 г., т.-е. уменьшилась на 24,6 милл. часорабочих, или на 2,5%.

	Увеличение (+)
Обработка льна	+ 8,6
Писчебумажное производство	+ 4,3
Обработка дерева	+ 4,1
» металлов, производ. машин и орудий ремесл.	+ 6,3
» животных продуктов	+ 8,9
Производства, не вошедшие в другие группы	+ 9,2

Из этих данных видно, что влияние военного времени отразилось, главным образом, сокращением производства предметов потребления состоятельных классов населения — шелковых и шерстяных товаров, а также галантереи (смешанные производства по обработке волокнистых веществ). Кроме того заметно уменьшение производства хлопчато-бумажных изделий. Пострадали также все виды промышленности, производящие строительные материалы (кирпич, цемент и проч.), которые указаны в группе минеральных веществ, что связано с сокращением строительного дела. Несколько уменьшилась обработка питательных продуктов: производства сахароваренное, дрожжевое, пивоваренное и пр. С другой стороны, потребности военного времени вызвали под'ем производительности фабрик, обрабатывающих дерево и металлы, т.-е. производящих вагоны, машины, снаряды и пр., а также заводов, выделывающих кожу (обработка животных продуктов) и холст (обработка льна).

Обращаясь ко второму признаку состояния фабрично-заводской промышленности — числу рабочих, необходимо заметить, что, судя по уменьшению производительности в различных отраслях этой промышленности, следовало бы ожидать сокращения количества рабочих на фабриках в летние месяцы 1904 года по сравнению с 1903 годом. Полученные сведения свидетельствуют, однако, что общее число рабочих в 4.610 предприятиях, достигавшее в среднем за три летние месяца 1904 года 1.221 тыс. человек, не уменьшилось сравнительно со средним числом их за тот же период 1903 года. *Это явление об'ясняется, повидимому тем, что фабрики, сокращая рабочее время и производство, удерживали однако рабочих.* Например, согласно точным данным, в сократившихся производствах хлопка и галантереи число рабочих за указанный

период 1904 года не уменьшилось по сравнению с 1903 годом, а увеличилось; в производствах по обработке шерсти, шелка, строительных материалов хотя и замечалось уменьшение числа рабочих, но оно не было пропорционально сокращению рабочего времени. Обстоятельство это указывает, что военные события, неизбежно отражающиеся стеснением в области промышленного труда, в общем, насколько можно судить по исследованному периоду времени, не вызвали крупного сокращения спроса на труд, а повели лишь к уменьшению рабочих часов.

Благоприятными представляются и сведения по третьему признаку положения промышленного труда — сравнительному количеству заработной платы, полученной рабочими за трехмесячные, летние периоды 1904 и 1903 годов. В общем итоге заработок рабочих, по сравнению с предшествовавшим годом, увеличился на 1.260 тыс. руб. Это обстоятельство находит себе об'яснение в том, что значительная часть прироста заработка падает на производства по обработке металлов, в которых заработная плата, высокая вообще, еще более повысилась вследствие усиления заказов и необходимости прибегать к сверхурочным работам.

Изложенные сведения о положении фабрично-заводских предприятий в летние месяцы 1904 г. не противоречат имеющимся в министерстве финансов данным другого рода о состоянии промышленного труда в последующие месяцы этого года.

Для уяснения положения промышленности имеют также серьезное значение сведения о влиянии, оказанном на нее мобилизацией войсковых частей. Путем опроса тех же 4.610 предприятий, дававших в летние месяцы 1904 года работу 1.221 тыс. человек, установлено, что в этих предприятиях число рабочих, которые оставили фабрики и заводы вследствие призыва их на действительную военную службу из запаса, не превышало к 1 октября истекающего года 17.000 человек.

С положением промышленности было тесно связано и положение внутренней торговли, на которой в истекающем году отразились кроме того ближайшим образом затруднения в доставке товаров на рынки Сибири. С постройкой Сибирской железной дороги многие предприятия расширили свои обороты за счет непосредственных по новому пути сношений с Сибирью; равным образом

развились сношения с Дальним Востоком морским путем. На деятельности этих предприятий неизбежное сжатие движения частных торговых грузов в Сибирь не могло не отозваться тяжело, особенно в первое время, пока они не приспособились к новым временным условиям, сократив соответственно обороты или направив товар на другие рынки. Однако, обильный урожай 1904 года, сделав внутренний рынок более емким, помог нашей торговле, о чем отчасти свидетельствуют результаты главнейших ярмарок. После благоприятного в 1903 году поворота в торгово-промышленном положении России, отразившегося на ярмарках этого года, расторжка на январьских ярмарках 1904 года шла также вполне удачно: товары сбывались по сравнительно выгодным ценам. Война, возможность которой не предвиделась коммерческими кругами, внесла заметное изменение в ход ярмарочной торговли. Ухудшение тотчас сказалось на делах ирбитской ярмарки, в самый разгар которой начались военные действия: с'езд покупателей из Сибири во вторую половину ярмарки приостановился, а бывшие уже в Ирбите сибирские скупщики, вследствие изменившихся первоначальных расчетов стали закупать товар в ограниченном размере. Под конец ярмарки окрепли, однако, сделки с кожевенным товаром, закупаемым для нужд армии. Вялое настроение внутреннего рынка сказалось также на крупной по своим оборотам контрактовой ярмарке в Киеве. В общем, зимние ярмарки за время после об'явления войны и, главным образом, ярмарки весенние нужно признать не вполне благоприятными по общим оборотам, а по некоторым товарам — и неудовлетворительными. Один из крупных предметов торга — мануфактурный товар шел вяло: его было продано, по сравнению с тем же периодом прошлого года, значительно менее. Сокращение дел с мануфактурою находит себе об'яснение и в том, что в апреле фабрикантами была сделана надбавка в цене, на которую покупатели долго не соглашались. Дела с мануфактурой развивались слабо и на летних ярмарках, но выяснившийся ко времени нижегородской ярмарки урожай уже отчетливо отразился на этой последней и обусловил успешные обороты на всех последующих ярмарках.

Нижегородская ярмарка в истекающем году по размерам оборотов приближалась к ярмарке 1902 года, считавшейся одною из

нормальных, и уступала всего на 20% исключительной по благоприятным условиям и успешной развязке ярмарке 1903 года. Влияние обильного урожая, в особенности в Волжском районе, подчинило себе все влияния, заставлявшие было опасаться неблагоприятного исхода ярмарки: и исключительные условия военного времени, и резко уменьшившиеся, в виду карантинных по холере мер, привоз товаров и с'езд торговцев из Персии, и понижательное движение цен на хлопок. В общем, нижегородская ярмарка прошла удовлетворительно как по развязке с товарами, так и по условиям денежным расчетов, а по некоторым товарам, преимущественно идущим на удовлетворение потребностей армии, она может быть признана хорошею. Сибирскими покупателями в самом начале ярмарки были совершены спешные закупки в расчете отправить товар водным путем. С хлопчато-бумажными изделиями расторговались удовлетворительно, при чем ситцы прошли по московским ценам, повышенным с 1 апреля; слабее были дела с шелковыми тканями и вообще с предметами роскоши. На последующих за нижегородской ярмарках, рядом с благоприятною расторжкою мануфактурным товаром, замечалось, между прочим, отсутствие усиленного предложения крестьянского скота, несмотря на значительный спрос на скот и на продукты животноводства. Это об'ясняется тем, что минувшею осенью, благодаря хорошему урожаю хлебов вообще и, в частности, весьма обильному сбору овса, крестьяне в большинстве местностей не продавали живого инвентаря вследствие достаточного количества и дешевизны корма.

В заключение сведений, характеризирующих положение в истекающем году торгово-промышленной жизни страны, падлежит отметить, что, несмотря на серьезное влияние, которое война не могла не оказать на внешнюю торговлю России, обороты нашего международного обмена достигали за 11 месяцев 1904 года 1.375 милл. руб.[1]). Эта сумма значительно превысила средние обороты внешней торговли за последнее пятилетие (1.222 милл. р.) и лишь весьма немного уступала оборотам исключительного в этом отношении 1903 года (1.426 милл. руб.). При том пре-

---

[1]) По европейской и кавказско-черноморской границам и по торговле с Финляндией.

вышение нашего отпуска над ввозом оставалось на высоком уровне прошлого года (свыше 300 милл. р.), который в свою очередь был, как известно, наиболее для нас благоприятным за все ближайшее десятилетие».

Таков этот интересный документ, характеризующий экономическое положение тогдашней России. Разумеется, он не мог быть абсолютно об'ективным, так как министерство финансов старалось представить дело таким образом, что денежные, материальные и финансовые условия и обстоятельства сравнительно весьма благоприятны. На самом деле весь период времени с начала девятисотых годов ознаменовался промышленно-экономическим кризисом, носящим длительный и тяжелый для России характер, при чем важнейшие отрасли промышленности переживали длительный застой.

Этот кризис в известном смысле являлся отголоском тех событий, которые происходили вообще в Европе и в других странах. К этому моменту Россия оказалась втянутой в обще-мировой хозяйственный оборот, и таким образом в ней преломлялись те же события, которые имели место за границей. *Известная экономическая отсталость ее обусловливала то, что кризисы и экономические потрясения доходили до нее сравнительно медленно, но в тоже время они держались более упорно, чем в других странах.*

Как мы видели из приведенных цифр, Россия экономически развивалась сравнительно быстро, и это обусловливало то, что ей все более тесно становилось в тогдашней политической обстановке.

Феодальное полукрепостническое правительство больше всего было заинтересовано в том, чтобы сохранить старый, ничем не нарушаемый уклад экономической и хозяйственной жизни. На самом деле это оказывалось невозможным, так как в жизнь властно вторгались такие факты, как создание новых фабрик, постройка железных дорог, усиление внешних сношений и проч. *Все эти факторы способствовали тому, что страна уже не могла уложиться в те рамки, которые были созданы для нее царским правительством.* Из этих рамок Россия должна была вырваться, при чем здесь стремления нарождающейся и крепнущей буржуазии

должны были столкнуться с консерватизмом помещиков, которые слушать ничего не хотели о том, что эти изменения могут произойти.

Кроме того еще одно чрезвычайно важное обстоятельство вмешивалось сюда. Это был вопрос политической власти и преобладания. Буржуазия, которая приобретала все большее и большее значение в экономическом хозяйстве страны, не могла и не хотела мириться с той подчиненной ролью, которая отводилась ей помещиками. В экономических отношениях тоже наблюдались сильные противоречия между этими двумя классами. В то время, как помещики были заинтересованы в высоких ценах на хлеб внутри и вне страны, буржуазия стремилась эти цены понизить, при чем для нее имело чрезвычайно существенное значение состояние их внутри страны, так как от этого зависели заработки рабочих. Чем выше были хлебные цены, тем выше должны были быть заработки, и тем самым доходы буржуазии были меньше. В то же самое время помещики были заинтересованы в том, чтобы изделия промышленности попадали к ним наиболее дешевыми, так как тогда тем меньшей долей дохода им пришлось бы делиться с капиталистами. Эти отношения предрешали также желательность для помещиков подвоза промышленных изделий из-за границы, если они могли быть там изготовлены по более дешевым ценам.

Само собою разумеется, что в таких условиях русская промышленность не могла бы существовать, так как более мощная и более экономически развитая промышленность Европы ее бы побивала и разрушала.

Желая обеспечить за собою преобладание на русском рынке, промышленники все время добивались установления высоких защитительных таможенных тарифов, которые не допускали бы проникновения иностранных изделий на русский рынок, и тем давали бы возможность промышленным предприятиям экономически развиваться, расти и усиливаться. Исходя из этой мысли, промышленники добивались таких защитительных тарифов, под охраной которых развивалась русская промышленность. Под охраной и защитой их возможна была такая политика, которая приводила к хроническому угольному, металическому и всякому другому голоду.

Промышленники считали, что для них отнюдь не обязательной является полная нагрузка промышленных предприятий заказами и изготовление такого количества продуктов, которое было бы необходимо для страны по общему состоянию ее хозяйства. *Напротив, они старались проводить такую политику, чтобы их предприятия никогда не работали с полной нагрузкой, чтобы всегда в стране ощущался сильный голод на продукты и изделия промышленности.* В конечном итоге они привели к тому поразительному факту, что всегда чувствовался недостаток соответственных продуктов. Проф. И. М. Гольдштейн, рассматривая вопрос о работе «Продугля» за 1912—13 г.г., говорит: «Сокращая производство в прежние годы, «Продуголь» ставил нашу угольную промышленность в такое положение, при котором, вследствие невозможности проложить сразу новые шахты и достать сразу необходимое количество опытных рабочих, при наступлении под'ема кон'юнктуры неизбежно должна была появиться нехватка угля».

Подобные явления можно было также наблюдать и в металлургической промышленности, о чем писал орган П. П. Рябушинского «Утро России» во время империалистической войны. В № 5 своей газеты за 1916 год, он говорит: «Положив в основу своей деятельности ясно и определенно формулированный принцип, что не железо существует для потребителя, а наоборот, потребитель существует для железа, «Продамета» с самых первых шагов своего существования решительно повела свою линию в строго указанном направлении и продолжает благополучно вести ее и по сие время. Сделавшись полновластным хозяином на железном рынке и крепко забронировавшись от всякого общественного контроля, «Продамета» начала нормировать и регулировать производство металла, стараясь замедлить естественное развитие металлургической промышленности и искусственно задерживать выпуск на рынок железа, чтобы цена на последнее не могла упасть ниже известного уровня, который наиболее выгоден «Продамете». Тому печальному обстоятельству, что Россия в настящее время занимает одно из последних мест в Европе по количеству потребляемого на душу железа, и что в настоящий момент страна находится накануне металлического голода, мы в значительной степени обязаны деятельности «Продамета», много положившей труда и организаторской способ-

ности для того, чтобы принести целиком в жертву этому синдикату интересы российского потребителя». Эти строки писались в то время, когда обнаружилась колоссальная неподготовленность России к империалистической войне и когда выяснилось, что это обстоятельство приведет к полному поражению царской России на войне. Однако, *эта характеристика вполне приложима не только к «Продамете», не только к металлической промышленности, но и ко всем другим отраслям российской промышленности, которые вели подобную же политику.*

Все промышленники вообще были заинтересованы в том, чтобы спрос был всегда выше предложения и чтобы цены держались на высоком желательном для них уровне.

Рост промышленности и увеличение ее экономического значения для страны приводили к тому, что страна отгораживалась стеной таможенных тарифов от остальной Европы. Правительство считало необходимым поддерживать промышленность, способствовать ее развитию, и тем самым не допускать иностранных товаров и изделий в больших количествах на российский рынок. В свою очередь это обуславливало высокие прибыли капиталистов, работавших на территории России, которые нередко в 5-6 превышали среднюю прибыль предпринимателей в западно-европейских странах. Это опять-таки приводило к приливу иностранных капиталов в русскую промышленность, которые достигли весьма значительного количества в таких отраслях промышленности, как угольная, металлургическая, нефтяная, медная и проч. В среднем, те предприятия, в которых принимал участие иностранный капитал, давали около 60% продуктов, добываемых во всей России.

Таможенное покровительство и таможенная политика создавали то, что экономически страна сравнительно быстро развивалась, при чем этому не могли помешать даже своеобразные комбинации различных промышленников, имеющие целью создать голод в соответственных отраслях, и тем добиться наиболее высоких цен на продукты своего производства.

Хотя самодержавное правительство и было правительством помещичьим и, тем самым, отстаивающим главным образом интересы помещиков, все же оно не могло не считаться с необходи-

мостью развития промышленности и капитала на своей территории.

Оно поддерживало стремление капиталистов и промышленников, давая им такую огромную уступку, как защитительные тарифы, которые, разумеется, мало могли удовлетворять помещиков. Последние вынуждены были покупать изделия русских заводов по тем ценам, которые заблагорассудилось поставить капиталистам и промышленникам.

С другой стороны это же обстоятельство способствовало тому, что иностранные государства тоже пробовали отгораживаться от русского хлеба таможенной стеной, а это в свою очередь, должно было повлиять на понижение цен на хлеб, что затрагивало в значительной степени интересы помещиков.

На этом вопросе особенно рельефно проявлялась та борьба, которую, в силу необходимости, должны были вести друг с другом эти два господствующие класса, стремившиеся поделить политическую власть в стране между собою.

Как мы видели из предыдущего обзора, промышленность России росла очень быстро, при чем временами темп ее развития становился даже быстрее, чем в западной Европе и в других капиталистических странах. Это обстоятельство властно ставило вопрос о политической власти и политическом преобладании, так как, только добившись известного политического значения и преобладания, русские промышленники и капиталисты могли бы проводить ту линию поведения, которая в наибольшей степени соответствовала их требованиям и их желаниям.

Однако, как мы видели из предыдущего обзора, в 900-х годах наступил кризис, приостановился быстрый темп развития страны. Хотя абсолютные цифры не всегда уменьшались, например, по добыче угля или выплавке металла, что явилось наиболее реальным показателем промышленного и экономического кризиса, но самый темп развития стал более медленным.

Если в 90-х годах ежегодно добыча угля увеличивалась на 10 — 12%, выплавка чугуна 10 — 15%, то начиная с 1900 года застойное положение представляется в следующем виде:

Годы.	Добыча угля.	Выплавка чугуна.	Добыча нефти.
1900	100	100	100
1901	102,3	98	111,3
1902	101,9	89	—
1903	110,6	85	96,1
1904	121	102	102,5
1905	116	94	68,1

Типичная картина застоя и кризиса.

В этом отношении чрезвычайно сильное влияние оказал факт русско-японской войны, который успел еще застой в промышленной работе всей страны.

Если такие отрасли, как угольная и металлургическое дело, не могли жаловаться особенно серьезно на застой, так как им приходилось работать на войну, то все другие отрасли испытывали значительно большие затруднения. Так, например, сильно от войны страдала петроградская промышленность, московская и вообще промышленность центрального района и целый ряд других отраслей хозяйственной работы. Известный расцвет переживали только те отрасли промышленности, которые работали непосредственно на войну, а вся остальная Россия переживала затруднения. В связи с войной, как мы видели, наблюдался застой в деревне, ее экономическое благосостояние, которое никогда не было хорошим, еще в большей степени пошатнулось. Она естественно не могла покупать изделий промышленности, а между тем и тогда и сейчас главным покупателем промышленных продуктов могут быть только крестьяне, составляющие громадное большинство населения России.

В связи с войной, промышленный кризис еще обострился, при чем стали обнаруживаться, разумеется, несомненно в меньшей степени все те затруднения, которые так резко и определенно проявились в России во время империалистической войны 1914 — 1917 г.г. Увеличилась дороговизна, усилилась безработица среди рабочих, стало в некоторой степени давать себя чувствовать бестоварье, т.-е. проявились все факторы, с которыми приходилось иметь дело во время империалистической войны и которые наложили такой сильный отпечаток на все наши отношения. Само

собою разумеется, что тогдашняя война была детской игрушкой по сравнению с империалистической войной 1914 года. В соответствии с этим и влияние ее на хозяйственную жизнь страны было несравненно меньше и слабее. Тем не менее, по тогдашним временам, она оказала сильное влияние на все положение страны и прибавила последнюю каплю, переполнившую чашу долготерпения русского народа.

Рост капитализма и экономическое развитие страны вставали во все более резкое противоречие с феодально-крепостническим строем. Сохранение общины, паспортные, вероисповедные и национальные ограничения, постоянное вмешательство правительства во все частно-правовые отношения — все это противоречило развитию капитализма. Эти ограничения должны были быть отменены для того, чтобы страна экономически безболезненно могла развиваться.

К этому дело шло бы, может быть, в течение длительного промежутка времени медленно и постепенно, если бы не вмешался факт войны, который сразу же поставил и заострил все эти проблемы, прибавляя к ним еще целый ряд острых и больных вопросов, которые должны были быть разрешены в желательном для масс населения направлении.

Революция 1905 года подготовлялась постепенным экономическим развитием промышленности и сельского хозяйства, при чем выявление ее ускорил факт войны, правда, далекой и чуждой народу, но тем более ненавистной и разорительной.

IV. Организация промышленников.

Приобретая все большее и большее значение в экономической жизни страны, промышленники считали необходимым организоваться для того, чтобы это влияние было еще большим и чтобы получить тем более существенное значение во всех отношениях.

Они не придумали ничего нового, имея перед глазами пример Западной Европы и Америки, где процесс об'единения промышленников шел особенно быстрыми шагами, охватывая все большее количество промышленных предприятий. Влияние этих организаций на промышленную и экономическую жизнь этих стран,

особенно Америки и Германии, было колоссальным. Достаточно указать на то, что пять промышленных королей в Америке—Рокфеллер, Гарриман, Пирпонт Морган, Вандербильд и Гульт, к началу этого столетия, контролировали и держали в полной зависимости от себя огромный капитал в 16 миллиардов рублей, т.-е. почти половину всех капиталов, помещенных в банковских и промышленных предприятиях Соединенных Штатов.

Огромным было влияние таких крупных об'единений, как железнодорожное хозяйство, где 95% всех железных дорог находилось в руках 6-ти финансовых групп. В нефтяной промышленности около 90% добычи в 1903 году находились в руках крупных об'единений. Американский стальной трест в начале 1900-х годов сосредоточил в своих руках от 60 до 65% сбыта всех стальных изделий Северо-Американских Соединенных Штатов.

Трестированным и синдицированным в американской промышленности было огромное количество промышленных предприятий, при чем на долю различных трестированных производств приходился следующий процент:

В текстильной промышленности	50%
» производстве стеклянных изделий	54%
» » пищевых продуктов	62%
» » алкогольных напитков	72%
» » металлических изделий (кроме железа и стали)	77%
» » бумажных и печатных изделий	60%
» химической промышленности	81%

(Г. Цыперович, «Синдикаты и тресты в России», стр. 19).

Такой же быстрый процесс синдицирования и трестирования промышленности можно было наблюдать и в Германии, где в 1879 году насчитывалось 14 синдикатов различного типа, в 1890 г.—210, а в 1914 г.—около 400.

Имея перед глазами подобные примеры, русские промышленники, само собою разумеется, готовы были пойти по такому же пути, создавая у себя подобные об'единения, преследующие самые различные цели.

Прежде всего такие организации промышленников стремятся установить так называемые монопольные цены и монопольные условия использования рынка. Они искусственно сдерживают производство для того, чтобы взвинчивать цены и создавать для себя наиболее «выгодную» промышленно-экономическую конъюнктуру. Кроме того каждое промышленное предприятие, будучи предоставлено только своим собственным силам, не может добиться таких условий, какие желательны для всех промышленников в целом, для всей отрасли промышленности. Только вступая в об'единения, они могут противопоставить себя рабочим и с другой стороны требовать от правительства таких уступок, какие они считают наиболее желательными и необходимыми для себя в данный момент. Со всех этих точек зрения создание трестов и синдикатов для промышленников крайне желательно, при чем оно может произойти только тогда, *когда промышленность вообще достигла определенного уровня экономического и хозяйственного развития*. Синдикаты и тресты рождаются только на определенной ступени хозяйственного развития.

Именно потому об'единение синдикатов и трестов на территории России началось сравнительно поздно, только в половине 80-х годов. Первым, настоящего типа синдикатом, был синдикат гвоздильных и проволочных фабрикантов, сорганизованный 6-ю фирмами в Петербурге в 1886 году.

Цель синдиката выражена в его уставе: «путем установления общих продажных цен привести цены на проволоку, гвозди и т. д. в должное соотношение стоимости производства, задержать происходившую в последнее время конкуренцию, и тем поставить торговлю этими предметами и их производство снова на прочную почву». Этот синдикат просуществовал недолго, и быстро уступил место новым местным об'единениям таких же фабрикантов.

В уставе этого первого синдиката цели выражены чрезвычайно определенно, с гораздо большей определенностью, чем это имело место впоследствии, когда соответственные отрасли промышленности, организуясь, не подчеркивали так резко и определенно тех задач, которые они ставили перед собою, считая не совсем для себя выгодным выступать с открытым забралом. Обычно они говорили о выгоде для всего хозяйства страны, про-

износили пышные фразы, которые должны были маскировать их монополистические и грабительские стремления, преподнося их под видом чрезвычайно патриотических действий.

К половине 80-х годов относится также создание синдиката сахарозаводчиков, возникшего при деятельной поддержке и покровительстве правительственных сфер. В своем докладе комитету министров от 5 сентября 1886 года министр финансов указывал на то, что «соглашение заводчиков между собою во имя их общего интереса могло бы принести существенную пользу делу и что заводчики могли бы образовать между собою синдикат». 28 апреля 1887 года был создан синдикат, при чем из 219 заводов в состав его вошло 78%, а в 1892—1893 г.г. в состав его входило 91% всех предприятий, занятых изготовлением и переработкой сахара.

Вскоре после этого в такой крупной отрасли промышленности, как нефтяная, стали организовываться синдикаты и тресты. Первые шаги имели целью упорядочить продажу жидкого топлива за границей для того, чтобы победить конкуренцию иностранных капиталов и крупных мировых фирм. Первая попытка, сделанная в 1892 г., потерпела неудачу, и вслед за этим был создан экспортный синдикат бакинских керосинозаводчиков, на следующих основаниях: «все нефтепромышленники в Баку по общему соглашению избрали из своей среды пять фирм с товариществом бр. Нобель во главе, представителей которых уполномочили производить безвозмездно продажу керосина за границей за общий их счет, а правительство с своей стороны понизило значительно фрахт на Закавказской железной дороге, и тем дало синдикатчикам возможность вести борьбу с американскими промышленниками до тех пор, пока они не войдут в соглашение с русскими, чтобы образовать международный или русско-американский союз и тем установить более или менее нормальные отношения этой промышленности». (Янжул, «Промысловые синдикаты», стр. 120).

Этот синдикат первоначально имел в виду борьбу на внешнем рынке. Однако, он чрезвычайно быстро сделался полным властелином на внутреннем нефтяном рынке. Это было для промышленников абсолютно необходимо, так как колебания цен на нефть были очень сильными и особенно для них опасными, вызывая по временам жестокие кризисы в этой отрасли хозяйства. Приблизи-

тельно с этого времени и датируется упрочение положения нефтяной промышленности, при чем синдикатчикам были предоставлены специальные льготы и привилегии на Закавказской железной дороге.

В 1895 году создано тайное об'единение угольных и металлургических промышленников. Они начали с того, что пред'являли требования к правительству, назначая все более высокие цены за свои изделия, которые они поставляли главным образом для правительственных учреждений и предприятий.

Таковы те наиболее сильные об'единения, которые создались в этот период времени на территории России и которые стали играть все более крупную роль.

Они старались выдвигать при своем создании громкие патриотические фразы, но на самом деле ими руководило только стремление захватить и использовать наиболее широко рынок внутри страны, устанавливая чрезвычайно выгодные для себя и весьма убыточные для всего населения цены на свои продукты и изделия.

Однако, этот период времени нельзя считать особенно богатым с точки зрения организации синдикатов и трестов. В известном смысле это был только подготовительный период, а затем с 1901 года начинается более интенсивный рост капиталистических об'единений, синдикатов и трестов. Толчок этому дали промышленный кризис, а также неурожай 1891 и 1900 г.г. В этот период времени значительно уменьшилась покупательная способность населения, что вызвало стремление промышленников привести в соответствие свое производство с потребительским рынком. Промышленники добивались того, чтобы их классовые интересы не пострадали от пережитых только-что событий. Основные отрасли промышленности, в которых это явление дало себя особенно сильно чувствовать, были горное и металлургическое дело.

Металлургия в своем развитии в значительной степени форсировалась правительством, которое сильно нуждалось в металле для военной промышленности. В то же время внутренняя потребность страны в металле, благодаря ее экономической отсталости, была сравнительно весьма невысокой. В результате этого получалось такое положение, что в 1902 году производительная способность металлургических заводов составляла 260 миллионов пудов, тогда

как потребление этого продукта не превышало 125 миллионов пудов в год. В 1903 г. металлургические предприятия могли бы изготовить около 60 миллионов пудов балок и рельс, а потребление страны составляло 27½ миллионов пудов. Точно также, листового железа металлургические предприятия могли бы прокатать до 27 миллионов пудов, а потребность составляла около половины этого количества.

Выпуск такого количества продуктов металлургической промышленности на рынок привел бы к резкому падению цен, что, разумеется, было нежелательно для металлургов. Промышленная и экономическая отсталость России мстила за себя. Можно было бы развернуть металлургическую промышленность до таких размеров, чтобы она удовлетворяла более широкие потребности страны, чтобы толкнула ее на преобразования в экономическом отношении, но дело все в том, что русские промышленники к таким шагам не привыкли. Они стремились только к более легкой наживе, к получению максимальных выгод от эксплоатации удачно сложившейся кон'юнктуры, и потому они считали необходимым усилить напор на правительство, требуя все новых заказов и параллельно с этим создавая свои об'единения, синдикаты и тресты.

Таким об'единением явился знаменитый синдикат «Продамета», который первоначально мыслился в форме соединенного представительства южных заводов или частных металлургических заводов, а затем в виде специального синдиката «Общество для продажи изделий русских металлургических заводов» (Общество «Продамета»). Это общество было утверждено в июле 1902 года, при чем в состав его вошли все крупнейшие заводы юга России. В общем к 1905—1906 г.г. дело представлялось в таком виде, что общество «Продамета» сосредоточило в своих руках свыше 80% продаж сортового железа, листового железа, балок и швеллеров, около 75% продажи бандажей и около 40% продажи чугунных труб и фасонных частей.

Все входящие в состав синдиката предприятия и заводы предоставляли ему право продажи на контрагентских началах во всей России за наличный расчет и в кредит всех производимых ими продуктов. Заказы концентрировались исключительно только в главном правлении «Продамета», которое и раздавало их отдель-

ным промышленным предприятиям, при чем, естественно, общество устанавливало свои монопольные цены, не считаясь абсолютно с потребностями страны, покупательной способностью населения и пр. Промышленники считали, что население нуждается в железе, часть его необходима для правительства, для железных дорог, военных нужд и проч., и потому можно наверняка рассчитывать на то, что по монопольным ценам это железо будет куплено. С другой стороны это об'единение устранило совершенно возможность взаимной конкурентной борьбы друг с другом отдельных промышленных предприятий, чего особенно боялись металлургические короли.

«Продамета» не задавалась мыслью о том, что можно способствовать развитию страны. Об этом цинично и совершенно откровенно говорит записка «Совета с'ездов представителей промышленности и торговли», правда, датированная 1908 г., но в то же время чрезвычайно характерная для всего предшествующего периода времени. Вот что она говорит: «Мечтать об укреплении нашей металлургической промышленности на почве подков, осей, кованных колес, плугов и спасительных для русского крестьянина железных крыш, практическим людям вовсе не приходится. Разумеется, можно заняться арифметикой и подсчитать, сколько железа потребуется на все русские крыши, сколько пойдет на ковку лошадей. Однако, все это останется лишь арифметикой, не имеющей ничего общего с велениями текущей жизни, которая скажет, что и железная крыша не является еще спасительною кровлей и что кованная лошадь и железная ось, при условиях нашей общей культуры, далеко не всегда бывают разумным применением железа и денег».

Придерживаясь таких взглядов в течение длительного промежутка времени, промышленники и капиталисты выбрали наиболее простой и легкий путь, стремясь к концентрации и централизации промышленных предприятий, создавали мощные синдикаты и тресты, особенно в такой капиталистически подготовленной отрасли хозяйства, как металлургическая промышленность. В последней возникают исключительно только крупные предприятия. Сюда особенно энергично устремился франко-бельгийский капитал, перенесший туда свои организационные навыки и стремления.

Отчасти также повлияло и то обстоятельство, что ожидания промышленников и капиталистов Запада не оправдались в отношении сказочного обогащения на территории России. Они несомненно обогащались, получали доходы большие, чем при работе у себя в стране, но они рассчитывали на значительно большее, и потому были недовольны и стремились еще увеличить свои доходы, создавая подобную организацию.

Кроме общества «Продамета» в том же 1902 году был сорганизован союз Русских Трубопрокатных заводов под названием «Общество для продажи чугунных труб и устройства водопроводов и канализации».

Этот синдикат об'единил все промышленные предприятия, работающие в этой области, и связался с берлинским синдикатом, который руководил работой международного синдиката трубопрокатных заводов.

Кроме того в 1903 году был основан еще целый ряд синдикатов в области металлообработки, а именно синдикат по изготовлению кованных и прокатных вил, синдикат железозаводчиков по продаже железных балок, синдикат 28-ми гвоздильно-проволочных и 4-х проволочно-прокатных заводов в Польше, синдикат по производству жести для нужд бакинской керосиновой промышленности, синдикат варшавских фабрикантов ламп и общее представительство для продажи изделий медно-прокатных заводов.

К этому же времени относится создание синдиката по продаже донецкого каменного угля и антрацита под общим названием «Акционерное общество донецкого минерального топлива». Кроме того тогда же был создан синдикат уральских углепромышленников и соглашение углепромышленников Домбровского района.

Эти об'единения повели определенную политику, стремясь вызвать в полном смысле этого слова угольный голод в России. Они настолько сократили производство и вздули цены, что владельцы металлургических предприятий и заводов вынуждены были покупать в собственность угольные предприятия и таким образом создавать комбинированные синдикаты и тресты. Не делая этого, они были бы поставлены в полную и абсолютную зависимость от углепормышленников, чего они не могли желать и от чего должны были спасти себя. Насколько «Продуголь» сжимал общее

производство в целях увеличения своей доходности, можно судить по книге проф. И. М. Гольдштейна, который говорит: «сокращая производство в прежние годы, «Продуголь» ставил нашу угольную промышленность в такое положение, при котором, при наступлении под'ема кон'юнктуры, неизбежно должна была появиться нехватка угля». Тайные пункты соглашения контрагентов «Продугля» говорили о том, что если создастся конкуренция со стороны брикетов, производство и продажа которых первоначально не входили в круг деятельности синдиката, то тогда может быть составлено новое соглашение, и их продажа может быть поручена обществу. «Продуголь» связал все промышленные предприятия по добыче угля друг с другом, и поставил рынок в полную зависимость от себя, при чем от его деятельности страдали даже такие крупные предприятия, как металлургическая промышленность.

Синдицирование и трестирование промышленности в период времени, предшествующий революции 1905 года, проникло не только в так называемую тяжелую индустрию, но оно охватило также и другие отрасли промышленности. Об этом говорит тов. Цыперович в своей книге «Синдикаты и тресты в России»: «В текстильной промышленности процесс синдицирования дал несколько более или менее прочных организаций, среди которых наиболее значительным является синдикат петербургских фабрикантов полотна, вступивших в довольно тесную связь с польскими фабриками, успевшими в свою очередь об'единиться к этому времени. К 1901 г. у нас образовался синдикат джутовых фабрик, об'единивший 12 предприятий и централизовавший продажу производимых ими изделий по ценам периодически устанавливаемым правлением синдиката. Наконец, в 1903 году состоялось соглашение Невской ниточной мануфактуры с английским ниточным трестом, которое вскоре привело к установлению почти полного господства этого международного синдиката на нашем внутреннем рынке» (стр. 38).

Об'единительный процесс проник и в деятельность таких предприятий, как производство бумаги, зеркальных заводов и т. д. Наконец, имелись еще многочисленные местные синдиктаы и об'единения, которые играли крупную роль в жизни русской промышленности. Об этом говорит тот же тов. Цыперович в своей книге:

«Кроме перечисленных выше организаций, к 1904 г., в России функционировало значительное количество местных соглашений и синдикатов, из которых наиболее влиятельными и устойчивыми были следующие: локальные синдикаты спичечных фабрик, синдикат польских фабрик мебели гнутого дерева, синдикат южно-русских крахмальных фабрик, синдикат петербургских электрических обществ, стоявший в тесной связи с подобным же немецким синдикатом, и, наконец, синдикат мукомольных мельниц, основанный в 1903 году».

Из этого обзора возникновения и организации синдикатов и трестов в русской промышленности мы видим, что революцию 1905 года русский капитал встретил в значительной степени организованным.

Кроме таких организаций, которые имели отчасти производственный, отчасти также и боевой характер и которые обслуживали основные нужды и потребности промышленности, в этот период времени возник целый ряд весьма важных организаций промышленников, которые вели борьбу на два фронта. С одной стороны они отстаивали специфические нужды той или иной отрасли промышленности и целых даже промышленных районов перед правительством, а с другой стороны они вели решительную борьбу против рабочего класса в тех случаях, когда выступления рабочих угрожали в той или иной степени их классовым интересам и стремлениям. Таковы, например, с'езды промышленников юга России, Кавказа, Урала и других районов, которые создавали свои специальные организации, возглавляющие эти отрасли промышленности. Кроме того возникали в это время общества заводчиков и фабрикантов по территориальному признаку, при чем эти общества состояли из отдельных секций, отстаивавших интересы промышленников данной отрасли, независимо от того, входили ли они в соответственный синдикат или нет.

Общество заводчиков и фабрикантов, например, Петроградское, было органом энергичной борьбы с рабочим классом. Оно выступало об'единенным фронтом каждый раз, когда рабочие дерзали пред'явить те или иные требования, особенно когда эти требования шли вразрез с желаниями капиталистов и промышленников.

Пока требования рабочих носили по преимуществу политиче-

ский характер, и тем самым в известной степени разрешали, как это увидим дальше, вопросы необходимые для капиталистов и богачей, до тех пор они не оказывали энергичного противодействия рабочему движению. Так было в период времени до конца 1905 г., когда рабочее движение отстаивало такие требования, какие желательно было осуществить представителям русского капитала. Крайне характерно в этот период времени, что фабриканты и заводчики соглашались платить рабочим за забастовочные дни, как это было во время январьского движения «Гапоновских дней», или октябрьского выступления 1905 года. Однако, после этого произошел резкий перелом в отношении капиталистов и промышленников. Наиболее грубые проявления феодально-самодержавной власти по отношению к промышленности были повидимому устранены манифестом 17 октября, и это поставило промышленников перед возможностью круто изменить свою позицию. Требования рабочих с этого момента становятся уже совершенно неприемлемым для буржуазии, и она организует решительный отпор. Во главе этого отпора становятся местные общества заводчиков и фабрикантов, которые и предписывают своим членам определенное поведение по отношению к рабочим и беспощадную борьбу с революционными требованиями пролетариата.

Эту борьбу вели и возглавляли общества заводчиков и фабрикантов, с'езды промышленников различных отраслей и, наконец, синдикаты, тресты и прочие соглашения.

До революции 1905 года правительство опасалось подобных организаций промышленников, считая, что они могут потребовать слишком много от правительства и в известном смысле нарушить интересы того господствующего сословия, каким являлись земледельцы-феодалы, составляющие главное ядро правительственной власти в дореволюционной России.

Правительство великолепно понимало, что само его существование и его деятельность создают такую атмосферу, при которой не может быть быстрого развития производственных и экономических сил страны. Наиболее дальновидные представители этого правительства понимали необходимость известных преобразований, но этих преобразований правительство ввести не хотело, опасаясь ослабления земледельческого класса.

В революции 1905 года самодержавное правительство видело свою гибель и учло необходимость предоставления известных политических и экономических прав также представителям буржуазии для того, чтобы их привлечь на свою сторону. Это обстоятельство и обусловливает перемену политики правительства и правительственных органов к синдикатам и трестам, которым предоставлена была полная возможность организовываться. С другой стороны промышленники и капиталисты понимали великолепно, что те организации, которые были ими созданы за предшествующий период времени, не достаточно сильны для борьбы с рабочим движением и для отстаивания своих интересов. Необходимо, по их мнению, создание более мощных организаций, которые в большей степени об'единяли бы всю промышленность. С этой точки зрения и понятен тот громадный толчок, который получил процесс синдицирования и трестирования промышленности вслед за 1905 годом.

С этого момента идет быстрыми шагами процесс организации синдикатов и трестов, которые охватывают все в большей и большей степени промышленность. Главным образом синдикаты и тресты организовывались в железоделательной, угольной и нефтяной промышленности. Быстрыми шагами при этом шла также концентрация промышленности. Так, например, в металлургической промышленности в 1901 году имелось 20 акционерных компаний с основным капиталом в 148 миллионов рублей и с производством в 91 милл. пуд. чугуна и 64 милл. пуд. готовых изделий, в 1913 году было всего 18 акционерных предприятий с основным капиталом в 224 милл. руб., с производством чугуна около 190 милл. пуд. и 133 милл. пуд. готовых изделий.

В 1906 году была завершена организация угольной промышленности, чему предшествовали многочисленные попытки создания такой же организации за предшествующий период времени. Знаменитый синдикат «Продуголь» сосредотачивал в своих руках около 60% всей российской добычи угля. Точно такими же быстрыми шагами пошло синдицирование нефтяной промышленности, при чем так называемые местные соглашения свели на нет взаимную конкуренцию между отдельными фирмами и отдали потребителя всецело в руки нескольких крупных фирм. К началу империалистической войны все нефтедобывание России было фактически сосредоточено

в руках или находилось под непосредственным контролем четырех крупнейших международных обществ: Русско-американской генеральной нефтяной компании, английской компании Шелл, Голландской королевской нефтяной компании и товарищества Нобель.

В металлургии процесс об'единения пошел по нескольким направлениям. Самым мощным об'единением была знаменитая «Продамета», которая к началу войны об'единила в своих руках 83% продаж сортового железа, 81%—листового, 95%—по балкам и швеллерам, 75%—по железнодорожным рельсам и 81%—по бандажам и осям. Кроме того, созданы были об'единения в целом ряде других мест. Так, например, возникло об'единение в 1903 году гвоздильно-проволочных заводов при чем в 1908 году, оно сосредоточило в своих руках 87% всего производства гвоздей в России. Уральские предприятия об'единились для продажи кровельного железа в синдикат «Кровля», при чем они сбывали через синдикат почти все кровельное железо. Синдикат «Медь» сосредоточил в своих руках около 95% продажи всего этого продукта в России.

Можно было бы привести десятки подобных примеров, которые свидетельствуют о чрезвычайном усилении промышленных и фабрикантских организаций, ставящих перед собой задачу монопольного господства на рынке.

Весь период времени с 1905 года был временем организации подобных капиталистических об'единений, которые все в большей и большей степени охватывали территорию России и позволяли капиталистам и промышленникам выступать об'единенным фронтом и по отношению к правительству и особенно по отношению к рабочим массам.

Владельцы промышленных предприятий только после 1905 г. оценили во всем об'еме колоссальное значение всевозможных видов организаций и создали свои руководящие органы, которые довели до крайних пределов внутреннюю дисциплину, особенно в области борьбы с рабочими.

Самым крупным недостатком отдельного промышленника или руководителя промышленного предприятия считалась излишняя мягкотелость по отношению к рабочим, излишняя уступчивость в экономических конфликтах. Для борьбы с этим промышленники готовы были прибегать к жестоким репрессиям, штрафам, бой-

коту, исключению из общества и пр. Эта их сплоченность сильно помогла правительству разбить революцию 1905 года, которая все в большей степени угрожала классовым интересам не только помещиков, но и капиталистов.

V. Развитие транспорта и торговли.

Мы проследили рост важнейших отраслей промышленности и хозяйства на территории России за весь период времени с момента освобождения крестьян вплоть до 1905 года. Мы видели, как освобождение крестьян повлияло на экономическое развитие страны. Старые рамки экономических, хозяйственных и политических отношений становились все более и более тесными; они превращались во все большее препятствие для экономического роста страны и неминуемо должны были быть устранены, тем более, что Россия попадала все в большей степени в орбиту международных сношений и международной торговли. В этом отношении чрезвычайно характерен рост железных дорог, торговых связей и пр., в свою очередь определенно характеризующий рост экономической мощи страны.

Железнодорожное строительство в России начинается только с момента освобождения крестьян. До этого железнодорожное дело не играло почти никакой роли.

По данным М. Покровского (IV том его «Истории», стр. 112), железнодорожное строительство в России развивалось следующим образом:

Годы.	1857.	1867.	1870.	1876.
Число верст ж.-д. путей, открытых для движения (без Польши)	671	3.408	6.724	16.700

Уже Николай I мечтал о постройке железных дорог, которые больше всего ему были необходимы для стратегических целей, но хронический недостаток денег не дал ничего сделать в этом направлении. Крымская война подтвердила необходимость железнодорожного строительства, но оно начало действительно развиваться только после реформы 1861 года.

В 1896 году, вся длина железнодорожной сети в России в круглых цифрах, в европейской ее части, составляла 33.736 верст, в 1899 г.—40.268 верст, в 1901 г.—43.714 верст, в 1902 г.—44.791 версту. Если к этому присоединить еще сибирские дороги и под'ездные пути, то получаем общую их длину в 54.341 версту. В одной Европейской России количество железных дорог за 6—7 лет возросло на 30%, что свидетельствует о мощном толчке, который был дан железнодорожному строительству за последние годы, начиная с половины 90-х годов, экономическим и хозяйственным развитием страны, требующим соответствующего развития внутренних связей в государстве. В значительной степени возросла перевозка грузов по железным дорогам: в 1896 году она, по оффициальным данным, составляла в круглых цифрах 6.145 милл. пудов, а в 1902 г. по дорогам только Европейской России 9½ миллиардов пудов и около 10 миллиардов пудов, если присоединить сюда также сибирские дороги и под'ездные пути. В тот же период времени увеличился валовой доход, получаемый от железных дорог.

Несмотря на такое усиленное строительство железных дорог, которое характеризовало в особенности период времени с половины 90-х годов до 1904—1905 г.г., в отношении развития железнодорожной сети Россия очень сильно отстала от других государств. В то время, как для всего мира на 10 тыс. квадратных километров площади приходился 51 километр железных дорог в 1894 году и 65 километров в 1904 году, для России соответственные цифры составляли 15 километров в 1894 году и 28 километров в 1904 г.

За этот период времени густота сети, правда, увеличилась вдвое по сравнению с положением в начале десятилетия, но тем не менее она сильно отстает по сравнению с другими странами, где соответственные цифры составляют в 1894 г. для Великобритании 1.152 кил., Германии—1.027 кил., Франции—744 кил., Австро-Венгрии—579 кил., Италии—566 кил. и Соединеных Штатов—365 кил.

По абсолютным цифрам Россия невероятно отстала от европейских государств, но по темпу железнодорожного строительства их опередила. За рассматриваемое десятилетие увеличение железнодорожной сети по европейским государствам в среднем составляет

от 10 до 15%, между тем, как для России соответственные цифры возросли почти вдвое.

В известном смысле это соответствует тому росту экономической жизни, который можно было наблюдать на территории России (угольное дело, металлургия, нефтедобыча и т. д.).

Соответственно с этим возросло и количество паровозов, вагонов и прочего железнодорожного оборудования, с которым приходилось иметь дело. В 1894 году на территории Европейской России имелось 7.622 паровоза, 8.970 пассажирских и почтовых вагонов, 169.475 товарных и багажных вагонов. К 1904 году эти цифры возросли вдвое, составляя 14.271 парвоз, 15.777 вагонов пассажирских и почтовых и 325.976 товарных и багажных вагонов. Опять-таки этот рост соответствует тому развитию страны, которое можно было наблюдать во всех отраслях народного хозяйства.

Другим доказательством развития мировых сношений и того, что Россия не могла остаться в стороне от них, является ее участие в международной торговле. По абсолютным цифрам обороты внешней торговли России за десятилетие предшествующее 1905 году возросли в среднем на 30%. Однако, за тот же период времени и мировой товарообмен сделал такой же быстрый скачок, и в результате этого процентное отношение оборотов России к мировым оборотам осталось почти тем же, составляя от 3% до 4% мирового оборота, о чем дает представление следующая таблица, почерпнутая по книги Гулишамбарова «Сравнительная статистика России в мировом хозяйстве».

	Обороты в миллионах рублей.		
	Мирового хозяйства.	В том числе России.	Процентное отнош. России.
1894	31.832	1.229	3,9
1895	33.119	1.228	3,7
1896	34.374	1.279	3,7
1897	35.662	1.287	3,6
1898	37.365	1.350	3,6
1899	40.066	1.277	2,2
1900	41.801	1.343	3,2
1901	42.501	1.355	3,2

	Обороты в миллионах рублей.		
	Мирового хозяйства.	В том числе России.	Процентное отнош. России.
1902	43.284	1.459	3,4
1903	46.253	1.683	3,6
1904	47.947	1.657	3,5

Если по отношению к мировому обороту участие России уменьшилось или осталось приблизительно на том же уровне, то по отношению к внешней торговле самой России все же произошло изменение, свидетельствующее о том, что Россия была втянута в оборот мировой торговли, в течение этого десятилетия в большей степени, чем в начале его. Так, напр., в 1894 году обороты по внешней торговле на одного жителя составляли 9,93 руб., а в 1904 г.—11,9 руб. Правда, эти цифры в 2—2½ раза меньше мировых оборотов, приходящихся на отдельного жителя, но все же некоторое увеличение наблюдается, при чем особенно важным является это, как фактор, свидетельствующий об усилении связи русского рынка с международным.

Обороты внешней торговли России составляли в 1894 г.—1.229 милл. руб., из коих 560 милл. приходится на привоз и 669 милл. на вывоз. В 1904 г. соответственные цифры составляли 1.683 милл. руб., из коих 682 милл. приходится на привоз и остальное на вывоз.

За этот период времени участие отдельных государств в торговле с Россией изменилось. В то время, как в 1894 году Великобритания давала 25% внешней торговли с Россией, эта цифра к 1904 году уменьшилась до 19,7%. За тот же период времени возросла доля Германии в оборотах с Россией: в 1894 году она давала 23,7%, а в 1904 г.—28,2%.

По абсолютным величинам эти цифры внешнего оборота невелики. Тем не менее они доказывают, что Россия, как целое, принимала живое участие в мировой торговле. Экономически она росла и усиливалась, как мы видели из предыдущего обзора; в то же время увеличивались ее международные связи. Как известно, эти факторы являются сильно революционизирующими элементами для всех без исключения стран. Капитализм никогда не может

примириться с тем, что рядом с ним существует страна отсталая и экономически слабая. Он старается проникнуть туда и поработить ее экономически и политически.

Политически по отношению к России это было неосуществимо, так как она сохраняла политическую самостоятельность, несмотря на свою экономическую отсталость. Превратить в таких условиях ее в колонию не представлялось возможным, но в то же время капитал мог проникать в промышленность, в торговлю и во все экономические отношения страны.

Россия отделила себя таможенной стеной от всего остального мира. В то же время она создавала под охраной защитительных пошлин промышленность, в которую все в большем и большем количестве вливался иностранный капитал. Под охраной этих защитительных пошлин и выростала русская промышленность, которая в других условиях не могла бы существовать. Ей необходимо было иметь защиту от более мощной и сильной иностранной промышленности. Россия не могла экономически замыкаться только в рамках своей собственной страны. На той ступени экономического развития она не могла вывозить продуктов и изделий своей промышленности, потому что она в этом отношении была еще слаба, но в то же время она могла вывозить все большее количество сырья. За ней установилась и упрочилась репутация страны-поставщика всевозможных видов сырьевых продуктов. Об этом дают представление хотя бы следующие данные, характеризирующие обороты ее торговли за 11 месяцев 1902, 1903 и 1904 г.г. За этот период времени было вывезено жизненных припасов на 484 милл. рублей, в 1902 г., на 558 милл. руб. — в 1903 г. и 556 милл. руб.—в 1904 году, т.-е. произошло увеличение в среднем на 12—15%. Сырье и полуобработанные материалы составляли соответственно 234 милл. руб.—в 1902 г., 280 милл.—1903 г. и 271 милл.—в 1904 г. Изделия промышленности составляли в среднем за эти годы по вывозу от 18 до 22 милл. руб. Наоборот, в ввозе преобладали изделия промышленности, а отчасти полуфабрикаты, которые ввозились для окончательной обработки их на фабриках и заводах России, составлявших передко отделения европейских фирм.

Россия все в большей степени связывалась узами товарообо-

рота с заграницей, а в таких условиях она не могла оставаться экономически отсталой самодержавно-полицейской страной, а должна была приспособиться к тем экономическим и политическим условиям, которые встречала на западно-европейском общественно-политическом рынке.

Чем сильнее и разностороннее были связи между Россией и остальным капиталистическим миром, тем в большей степени необходимо было итти на смягчение и преобразование форм политического гнета господствующего в стране, и это начинали понимать более подготовленные и дальновидные деятели России.

VI. Японская война, как один из факторов революции.

Мы видели, как повлияла война на положение важнейших отраслей хозяйства, в значительной степени приостанавливая их работу и вызывая экономический регресс страны. Война сказалась почти на всех отраслях экономической деятельности, при чем чрезвычайно сильные и жестокие удары нанесены были в первую очередь финансам России.

Россия незадолго до этого закончила денежную реформу, соответствующую в значительной мере интересам развивающегося капиталистического государства. С точки зрения этих интересов ей необходим был длительный период внутреннего спокойствия, который мог бы привести к ее дальнейшему экономическому и хозяйственному росту. Однако, этого не было. Японская война нарушила тот процесс экономического роста, который был начат в России после турецкой войны и который ознаменовался особенно плодотворной и энергичной деятельности Витте, имеющей крупное значение для государства.

Государственные доходы в России возрастали сравнительно очень медленно. В 1867 году поступило обыкновенных государственных доходов всего только 415 милл. руб., в 1893 году—961.222.000 руб., в 1897 г.—1.364 милл. руб., в 1902 г.—1.800 мил. руб., в 1903 году—1.897 милл. руб., в 1904 году—2.818 милл. руб. В соответствии с этим росли также и государственные расходы. В 1893 году они составляли 947 милл. руб., в 1897 г. около 1.250 милл. руб., в 1900 г.—1.500 милл. руб.,

в 1903 г.—1.880 милл. руб. Соответственая цифра для 1904 г. составляла 1.911 милл. по обыкновенным расходам и 897 милл. по чрезвычайным расходам.

Таким образом государство предполагало свести концы с концами и продолжать войну, которая требовала крупных расходов, так как ассигнования по военному и по морскому министерствам составляли около 450 милл. руб.—по обыкновенным расходам, т.-е. около $^1/_3$ всех обыкновенных расходов. Кроме того требовались еще дополнительные расходы по смете чрезвычайных расходов. К тому же платежи по займам составляли очень крупную сумму около 288 милл. руб. в 1903 г. и значительно больше за последующие годы.

Вот в каком виде рисует это финансовое положение страны докладная записка о государственной росписи, составленная министром финансов на 1905 год.

Сама смета в этой докладной записке расписана следующим образом: обыкновенные и чрезвычайные доходы должны были составить 1.979.795.618 руб., а расходы 1.994.634.256 руб. При всем усилии налогового пресса и тех требований, которые пред'являлись к плательщикам, все же получался дефицит почти в 15 милл. руб. Последний пришлось покрыть путем позаимствований из так называемых наличных средств государства, уменьшая тот золотой запас, который в стране имелся. В результате этих позаимствований, так называемая свободная наличность государственного казначейства сильно пошатнулась. Ее накопляли долго и упорно: в 1893 г. она составляла всего только 112 милл., к 1 января 1902 г. она поднялась до цифры 268 милл. руб., к 1 января 1904 г.—до 381 милл. руб., а затем началась усиленная трата ее, при чем к 1 января 1905 г. она составляла всего только 62 милл., т.-е. за год было позаимствовано свыше 320 милл. руб. На 1 января 1906 года не было уже никакой наличности и, наоборот дефицит, по ней составлял 158 милл. руб. За два года войны и ее ликвидации из запаса было потрачено около 540 милл. руб. золотом.

В докладе не принято во внимание увеличение государственной задолженности, которая неминуемо должна была возрастать по мере того, как государство все в большей степени запутывалось

во внешние долги. Задолженность государства увеличивалась, при чем к 1909 г. она достигла 2¼ миллиардов рублей. Это было совершенно необходимо, так как, по самым скромным подсчетам министерства финансов, чрезвычайные расходы, вызванные войной с Японией, оценивались в 2½—2¾ миллиарда рублей.

При всем оптимизме, который вообще присущ был составителям общегосударственных смет, министерство финансов должно было признать целый ряд неблагоприятных обстоятельств. *В докладной записке к росписи указывается на то, что бремя войны является очень тяжелым,* хотя там же говорится, что средства для продолжения или имеются или могут быть получены без крайних затруднений. Общая сумма расходов на войну на 1905 год должна была составить 621 милл. руб.

Каким же образом министерство финансов предполагало такую сумму покрыть? Ответ на это дает тот же доклад: «предварительным исчислением чрезвычайных военных расходов необходимо противопоставить предварительный же расчет средств государственного казначейства, обращенных на покрытие этих расходов. В январе 1904 г., т.-е. до возникновения войны с Японией, свободной наличности государственного казначейства числилось 352,4 милл. руб., а за исключением из них 195,8 милл. руб., необходимых для покрытия чрезвычайных расходов, вошедших в государственную роспись 1904 г., наличность казначейства свободная от каких-либо обязательств достигала 156,6 милл. рублей». По высочайшему повелению было произведено сокращение обыкновенных расходов на 148,3 милл. руб. Кроме того был выпущен заем 5% обязательств и в августе 1904 г. билеты государственного казначейства по 3,6%. Таким образом было получено 432 милл. руб., что вместе с упомянутой свободной наличностью и со сбережениями по смете составляет 736,9 милл. руб. Из этой суммы необходимо исключить около 20 милл. руб., которые были употреблены в 1904 г. для платежей по займам, и таким образом получилось 717 милл. руб. для финансирования войны.

В том же докладе приведены некоторые перспективы денежного хозяйства России: «Сравнение росписи на 1905 г. со сметными предположениями ближайших предшествующих лет указывает, что война остановила рост нашего государственного бюджета, ко-

торый, после быстрого увеличения в конце прошлого и начале текущего столетия, три года подряд сводится к цифрам около 2-х миллиардов рублей. При этом значительно сократились издержки на сооружение железных дорог. Обыкновенные расходы остались по большинству смет без значительного изменения или немного уменьшены. В общем, однако, эти расходы несколько увеличены вследствие военных обстоятельств, вызвавших возрастание военных расходов военного и морского министерств, а равно сметы по системе государственного кредита. Все свободные рессурсы государственного казначейства во время войны предназначаются на военные расходы».

Крайне важно при этом, как и отмечает это обстоятельство докладная записка, положение с золотым и вообще устойчивым запасом и с другой стороны *увеличение количества находящихся в обращении кредитных билетов.* Об этом дает представление следующая таблица, приведенная в той же записке к государственной росписи:

	Золото.		Высокопробное серебро.		Кредитные билеты.	
	В Гос. банке и гос казнач.	В обращении.	В Гос. банке и гос. казнач.	В обращении.	В Гос. банке и гос. казнач.	В обращении.
	В миллионах рублей.					
В конце 1903 г.	1.058	787	64	155	46	584
	1.845		219		630	
В конце 1904 г.	1.239	683,3	54,1	144,5	72,1	827,9
	1.922,3		198,6		900	

Правда, за этот период времени золотой запас увеличился, но это было достигнуто путем усиленных займов за границей, которые затем связали царскую Россию по рукам и по ногам. С другой стороны сильно увеличено количество кредитных билетов в обращении почти на 300 милл. руб. Министр финансов утешал тем, что золотое обеспечение весьма высокое, превышающее даже

нормы, обязательные по закону, но это утешение было слабым, так как затруднения были неизбежными в связи с продолжением войны, ростом задолженности и всякими другими отрицательными факторами, сопровождавшими ее.

Если сюда присоединить еще и крупную задолженность, возникшую в течение войны и непосредственно вслед за ней (эти средства необходимы были для ликвидации войны), то станут понятными затруднения, в которые попала русская государственность. В таких условиях пришлось итти, например, на самые тяжелые условия русско-немецкого торгового договора, ставящего русскую промышленность в зависимость от немецкого империализма.

Самым трудным, однако, было не то, что война стоила непосредственно, а то, что приходилось выплачивать грандиозные суммы по окончании войны и запутываться в колоссальные долговые обязательства по отношению к большинству европейских государств. К тому же к окончанию войны началось революционное движение, которое правительство подавляло с небывалой, колоссальной жестокостью и с полным напряжением тех сил и средств, какими обладало в это время государство. Если учесть при этом необходимость сначала подвоза продуктов и изделий в армию, а затем и эвакуации армии, то станут понятны те денежные затруднения, которые создались для России к моменту ликвидации войны. Пришлось обратиться с настоятельной просьбой к Франции и вообще европейской буржуазии, которая и дала средства, позволившие выпутаться из затруднений и подавить революцию 1905 года. Поражением революции 1905 года в значительной степени мы обязаны активной помощи Франции, которая помогла царскому правительству выйти из почти безвыходного для него положения.

VII. Позиция помещиков.

В такой об'ективной обстановке должны были действовать с одной стороны революционные силы, а с другой — те силы, которые были заинтересованы в поддержании и сохранении самодержавного строя.

Среди них на первом месте стоят помещики, те 180.000 человек, на которых опиралось царское правительство и которые вели борьбу со всем народом за сохранение политического строя и тех 40 миллионов десятин земли, которыми они обладали. Эти земли были в значительной степени заложены и перезаложены в банках, но их, разумеется, не хотели выпустить помещики из своих рук, так как ни один класс никогда не откажется от того экономического базиса, на котором он стоит и за счет которого существует.

В противовес аграрному крестьянскому движению, которое разлилось широкой волной по всей территории России, помещики выдвигали консервативный порядок и отстаивание своих прав и привилегий. Один из их идеологов Петр Полежаев в книге под заглавием «За 6 лет», подводит некоторые итоги движению и старается выяснить, почему крестьянство дало себя увлечь, как он выражается, «агитаторам и революционерам». Он приходит к заключению, что крестьянство было слишком темным и потому поддавалось как будто бы злостному гипнозу. В результате создалось положение, о котором он говорит: «Несчастен народ, который хочет видеть свое будущее не в труде, не в личных заботах каждого о своем деле и долге, а в грабеже, в уничтожении всякой разницы между своим и чужим. Сегодня все деревенские станут толпой захватывать и грабить помещичье добро, а завтра начнутся грабежи и захваты между своими же деревенскими, и дойдет это всеобщее грабительство до той поры, пока все одинаково не разорятся или пока все же не явится какая-нибудь сила, которая, не останавливаясь ни перед какими крутыми мерами, каждого поставит на свое место».

Весь чрезвычайно сложный и трудный вопрос о крестьянском малоземелье и о необходимости довести до конца ту реформу, которая была частично и скверно проведена в 1861 году и которая настоятельно нуждалась в необходимости продолжить ее и довести до логического конца, все это крупное движение крестьянских масс, которые не могли существовать в условиях созданных помещичьей и крепостнической Россией, он рассматривает как сплошной грабеж, проповедуемый различными партиями. В этом отношении он всецело стоит на почве того, что говорили с'езды об'единенного дворянства как по отдельным губерниям, так

и всероссийские. Он квалифицирует аграрные программы не только революционных, но даже и буржуазных партий, как сплошной грабеж: «Сколько было разновидностей революционных программ, столько предлагалось и всяких рецептов. *Впрочем, при всей их многочисленности, они основывались исключительно на самом обыкновенном грабительстве.* Если спорили, то только о том, которое из предлагаемых грабительств следует считать прекраснейшим. Одни говорили: отобрать все в казну, а потом начать делить; другие говорили: отобрать в каждой волости на волость, и пусть там делят, как хотят; третьи говорили: пусть делят на местах только одну часть, а другая пусть будет отписана в казну, которая уже от себя даст каждому, кто попросит причитающуюся ему долю. Наконец, кадеты, с Герценштейном во главе, предложили грабить под флагом принудительного отчуждения» (стр. 22).

Точно таким же образом и почти теми же словами аргументировали по поводу предполагаемой земельной реформы представители черносотенных помещиков. Они считали, что их права на землю ни в коем случае не могут и не должны быть нарушены. Единственное на что они могли пойти — это на добровольную продажу земель через банки, к чему они и стали довольно широко прибегать под влиянием страха перед революцией. Однако, это ни в малейшей степени не было разрешением земельного вопроса, так как давало землю только наиболее состоятельным и богатым крестьянам-кулакам, а всю остальную массу оставляло в прежнем чрезвычайно тяжелом положении.

Если отдельные идеологи помещиков с пеной у рта говорили о том, что различные политические партии стремились к грабежу частновладельческих земель, и пробовали подвести известную теоретическую базу под практическую деятельность помещиков и их организации, то сами помещики выражались гораздо более определенно по наиболее важным вопросам внутренней русской жизни. Они и слушать ничего не хотели о принудительном отчуждении земель в какой угодно форме, и требовали от правительства самых энергичных мер борьбы с крестьянским аграрным движением.

В этом отношении чрезвычайно характерны выступления представителей помещиков в 1-й и во 2-й Государственной Думе,

а затем в 3-й, которая являлась, в полном смысле этого слова, торжеством помещиков над разбитым революционным движением. Они все и не думали о том, что аграрное движение в деревне может повториться, преследуя те же основные задачи, которые ставила перед собою революция 1905 года.

Если представители помещиков в Государственной Думе должны были соблюдать хотя бы некоторую видимость культурности, то с езды об'единенного дворянства не прибегали к этим фразам. Они могли себя вести совершенно откровенно, требуя жесточайших репрессий против революционного и в частности аграрного движения. Именно эти слои и группы помещиков, среди которых преобладали феодально-крепостнические элементы, требовали карательных экспедиций, расстрелов, висслиц и проч., причем они всецело одобряли и вдохновляли реакционную политику, которую вело в это время царское правительство.

Среди помещиков все же имелось некоторое количество, может быть, более прогрессивных, которые признавали, что аграрный вопрос может быть и должен быть разрешен путем конфискации помещичьих земель, каковая уничтожит пережитки феодализма. Эти элементы, однако, составляли такое ничтожное меньшинство среди черносотенной помещичьей массы, что их голос в этих слоях не только не был авторитетным, но его почти не было слышно. С ними не считались, и само дворянство устраняло из своей среды тех, кто выдвигал какие-либо проекты разрешения аграрного вопроса, хотя бы в духе кадетской программы — «отчуждение земли за плату по справедливой оценке».

Русское дворянство в своей массе ненавидело не только представителей революционных партий, но даже и кадетскую партию, которая совершенно не думала о нарушении основ буржуазно-капиталистического строя и в своей программе выдвигала только такие вопросы, которые отвечали экономическому развитию и росту России, как капиталистической страны, при условии сохранения власти в руках помещиков и капиталистов.

В то время, как по отношению к революционным партиям дворяне выдвигали программу беспощадной борьбы, террора, смертных казней и проч., по отношению к лидерам кадетской партии они проповедывали убийство из-за угла, при чем черносотенные

и погромные элементы устраняли таких лиц, как Герценштейн, Иолос и др., которые были идеологами кадетской партии в аграрном вопросе.

Эта буржуазная партия во главе с Герценштейном, лучшим ее знатоком аграрного вопроса, понимала, что удержаться помещичьему землевладению в России невозможно, что напор малоземельных и безземельных масс слишком силен для того, чтобы можно было отстоять цельность помещичьего землевладения. Поэтому, не нарушая принципов частного землевладения, к.-д. проектировали новую земельную реформу по образцу 1861 года с многомиллиардными выкупными платежами, которые должны были затянуться уже не на многие годы, а на многие десятилетия.

Кадетская партия, состоящая отчасти из представителей прогрессивного землевладения, промышленников и интеллигенции, с другой стороны, понимала что удержаться на феодальных позициях не представляется возможным, что перед Россией снова встает необходимость крестьянского освобождения снизу, при чем на этот раз движение может оказаться гораздо более сильным. Это они поняли из фактов аграрного движения того времени. Для того, чтобы противодействовать росту и расширению этого движения, кадетская партия говорила о том, что необходимо отказаться от земли, передать ее крестьянам, смягчить то острое малоземелье, которое признавали абсолютно все, но при этом ни в малейшей степени не нарушить принципов частного землевладения и частной собственности.

Этого не хотели понимать помещики, и поэтому они решительно восстали против кадетской программы, хотя на самом деле очень многие из помещиков, под влиянием революционных событий, вынуждены были от своей земли отказываться, пуская ее в продажу через Дворянский и Крестьянский банки. И 1-ая и 2-ая Государственная Дума были носителями идеалов крестьянской массы. В обоих Думах земельные требования были поставлены чрезвычайно резко и остро, и это вызвало необходимость разделаться с Государственной Думой и в противовес ко всем революционным требованиям народа выдвинуть свою собственную программу. К чему же сводилась эта программа?

Прежде всего к переселениям. С момента революции правительство усиленно пропагандировало переселения, при чем напуганные революцией помещики против этого не возражали, хотя они таким образом лишались части чрезвычайно дешевого человеческого труда. Кроме того само правительство решило предоставить часть земли крестьянам. Вот что по этому поводу говорит тот же автор: «Где у крестьян земли мало, а переселяться не хотят, там нужно устроить так, чтобы нуждающиеся в земле могли тут же на месте *купить землю на возможно льготных условиях, но непременно купить, а не получить даром».*

На кого при этом могло рассчитывать правительство? На какие слои крестьянства? Само собою разумеется, не на крестьянскую бедноту, потому что бедняк-крестьянин не может ни переселиться, ни купить земли даже при условии максимальной помощи со стороны банка и правительства. Для этого у него нет необходимых, может быть, даже минимальных средств, и, таким образом, он остается на той же самой земле, на которой испытывал малоземелье до революции 1905 года и из чего искал выход путем революционной борьбы.

Правительство широко развернуло дело крестьянского переселения. По выражению того же автора, «никого не принуждая, ничего не отчуждая, а только посредничая между теми, кто сам хотел продать, и теми, кто хотел купить, государство в самый короткий срок образовало очень большие земельные запасы везде, где была хоть какая-нибудь нужда в земле. Сначала, конечно, крестьяне колебались и покупали землю неохотно, так как все еще верили пустым слухам о том, что мол все это только так и что решено непременно дать землю даром, но вскоре поняло, что слухи эти глупые и что, этак выжидая, можно дождаться только того, что более умные и догадливые придут из других мест и всю землю, как есть, раскупят через тот же Крестьянский банк (стр. 24).

Это и была, в полном смысле слова, ставка на крепкого, богатого крестьянина и ничего больше. Представителем помещиков в составе правительства в это время был Столыпин. Он беспощадно подавил крестьянское аграрное движение, разослал карательные экспедиции, загнал в Сибирь и на каторгу сотни тысяч крестьян,

заподозренных в участии в движении, и добился таким образом, как он выражался, полного успокоения страны, и тогда решил приступить к земельным реформам. Не даром же он неоднократно повторял, что «сначала необходимо успокоение, а затем реформы».

Не без основания он предполагал, что наиболее реакционные слои помещиков постараются противодействовать проводимой им реформе. В этом отношении весьма убедительны были примеры 1861 года и предшествующих лет, когда все более широкие слои убеждались в том, что реформу необходимо провести, и тем не менее реакционные земледельцы-зубры всячески ей противодействовали. Он мог предполагать, что и в 1906—1907 году помещики, даже напуганные революционной бурей 1905 года, все же решат, что можно за землю держаться и не захотят ее продавать даже на наиболее выгодных для них условиях. Между тем Столыпин считал, что не достаточно опираться только на помещиков и на капиталистов, что необходимо создать еще один многочисленный слой населения, который мог бы послужить надежной опорой для правительства. Этим слоем должны сделаться крестьяне-кулаки, которых нужно избавить от влияния и от их зависимости от общины, сделать их самостоятельными хозяевами, достаточно зажиточными, словом, дифференцировать деревню. На этом и был построен его закон о землеустройстве и выделение на хутора и отруба.

Наиболее зажиточные и состоятельные элементы захватывали известную часть крестьянской земли, округляли свои владения, при чем правительство форсировало земельные «реформы», выделяло все большее и большее количество чиновников и землемеров для того, чтобы как можно скорее иметь соответственный слой крестьян, на который можно бы опереться. Свою земельную реформу, принятую помимо даже реакционной 3-й Думы, правительство проводило следующим темпом: в 1907 г. всего имелось около 200 землемеров, а к концу 1911 г. — более 5.000 В 1907 г. было создано всего только 186 уездных землеустроительных комиссий, а к началу 1911 г. было создано еще сверх этого 431 уездная комиссия и 47 губернских. За четыре первых года с 1907 по 1910 г. земельные работы были закончены на площади превышающей 7 миллионов десятин, при чем за последний

из указаных годов было сделано в 12 раз больше, чем за первый. За один 1911 год работы были закончены на 3½ миллионах десятин. Как вообще пошло дело, можно видеть из того, что к 1 января 1912 года заявили требования об укреплении земли в личную собственность 2,6 милл. домохозяев; окончательно же укрепилось свыше 1½ миллиона (около 16%) всех домохозев с площадью земли в 11½ миллионов десятин

Ход этого процесса можно представить при помощи следующих цифр: за 1907 г. были закончены землемерные работы на 287.683 дес.; за 1908 г. — 863.787 дес., за 1909 г. уже на 2.567.412 дес., за 1910 г. — на 3.447.297 дес. А вот ход заявлений об укреплении: в 1907 г. поступило 221.679 заявлений; в 1908 г. — 385.810; в 1909 г. — 711.553; в 1910 г. — 651.011; в 1911 г. — около 500.000.

Это была одна сторона этого вопроса, которая временно не затрагивала помещиков, так как касалась устройства крестьян только на тех землях, которые выделялись из общины. Одновременно началась ликвидация части помещичьих имений через Крестьянский банк. Помещики видели, что им удержаться на своих землях нельзя, во многих местах прокатились аграрные беспорядки, которые подорвали основы помещичьего землевладения и вызвали стремление часть земель продать, особенно, если за них будет уплачена «приличная» сумма денег.

Индивидиуальные, личные сделки не могли здесь играть особенно крупной роли. Гораздо важнее были операции с казенными землями и с частными через банки. О том, как развертывались эти операции, можно судить по следующим данным, приводимым тем же Полежаевым в его книге. За время после революции 1905 г. по 1 ноября 1911 г., Крестьянский банк приобрел 4 милл. дес. земли, заплатив в среднем по 105 руб. за десятину. По годам эта общая цифра распределяется следующим образом: в 1906 г. 1.144.461 дес., в 1907 г.—1.519.848 дес., в 1908 г.—572.082 дес., в 1909 г.—172.855 дес. и в 1910 г.—172.189 дес.

О чем же говорят эти цифры? Они свидетельствуют о том сильном напоре на землю со стороны зажиточных слоев, которые эту землю *могли* покупать и которые в первые же годы приобрели все то, что им было необходимо. Затем больше никто уже не мог

покупать земли, и волна покупок и заявок спала. Кстати, это совпадало со стремлением помещиков ликвидировать частично те имения, которыми они обладали. За первые годы после 1905 года ими было предложено к покупке около 14 милл. дес. земли при средней цене по 138 руб. С задачей в таких огромных размерах банк не мог справится, и в среднем он закупил около $^1/_3$ предложенных земель. За то же время банк продал крестьянам около 2½ милл. дес., из которых около 2 милл. были куплены отдельными домохозяевами.

Малоземелье, кроме того, разрешалось нарезкой земель из бывшего казенного фонда. Это выразилось в предоставлении крестьянам существенных льгот по аренде казенных земель и оброчных статей. Особым законом в конце 1906 г. была организована продажа казенной земли в виде участков, укрепляемых в личную собственность, а также была поставлена на иных началах сдача казенной земли в аренду. За 1907—1910 г.г. таких участков приготовили и сдали в аренду до 4 милл. дес., продали же крестьянам за это время около 280.000 десятин, при чем из них 259.000 дес. перешло в руки 15.000 хуторян и отрубников, т.-е. опять-таки в руки наиболее состоятельных элементов деревни, так как покупная цена составляла около 102 руб. за десятину, что было слишком дорого для крестьян.

Понимая колоссальную опасность крестьянского малоземелья, вызвавшего и обусловившего аграрное движение 1905—1906 г.г. и предшествующих лет, правительство пыталось разрешить земельный вопрос путем переселения. Для переселяющихся крестьян было предоставлено около 18 миллионов десятин в течение первых пяти лет после революции 1905 г.

Каковы же по мнению представителей помещиков и их идеологов те результаты, которые получились в результате земельной реформы? Вот что по этому поводу говорит Полежаев, которого мы смело можем считать ярким выразителем нужд помещиков и выразителем их воли: «если теперь мы сведем к одному все эти данные по земельной реформе, то получим в общем следующий вывод: кроме того, что крестьянство получило в эти годы широкую возможность перейти к лучшим, более выгодным и во всех отношениях более плодотворным формам землевладения, в их

собственность поступило свыше 25 милл. десятин такой земли, которая раньше принадлежала или казне или помещикам» (стр. 42).

Кто же однако извлек максимальную выгоду от этой реформы? *Только наиболее зажиточные слои крестьянства, а общая масса осталась в том же положении, в каком она была накануне революции 1905 года.* Что это именно так и было, доказывает стихийный колоссальный напор на землю, который обнаружился после февральской революции, не говоря уже о стремлении к разрешению аграрного вопроса, какое мы наблюдали после октября.

Все факторы и стимулы аграрного движения 1905 г. остались в полной неприкосновенности. Помещичий класс России подходил к аграрному вопросу только таким образом, чтобы самому получить максимальную выгоду, и правительство, которое являлось выразителем классовых интересов помещиков, естественно встало на ту же точку зрения. Оно попыталось сделать все возможное для того, чтобы расслоить крестьянство и создать с одной стороны зажиточные слои и группы, на которые можно было бы опереться в своей дальнейшей деятельности, а с другой стороны предоставить промышленности большое количество безземельного пролетариата, отсутствие которого могло бы затруднить дальнейший рост промышленной и хозяйственной жизни.

Разрешение земельного вопроса, проведенное помещичьим правительством и в частности Столыпиным в таком духе, носило ярко выраженный отпечаток классовых желаний помещиков, как господствующего сословия.

Из революции 1905 года помещики вышли таким образом, что они почти ничего не потеряли и по-старому сохраняли в своих руках власть, допуская в самой незначительной степени участие в ней представителей торгово-промышленного класса, поскольку развитие этого последнего выдвигало необходимость предоставления и ему большей доли власти, чем это имело место до тех пор.

VIII. Программа капиталистов.

Экономическое развитие России за предшествующие десятилетия имело своим последствием то, что создан был сильный класс капиталистов, который становился все более влиятельным. Он

пред'являл все более серьезные требования на предоставление ему известной доли участия в разрешении общегосударственных дел для того, чтобы его интересы, как класса, не забывались и не игнорировались правительством в угоду помещикам.

В это время создавались с одной стороны синдикаты и тресты промышленников, а с другой—промышленные организации и об'единения, которые пред'являли определенные требования преобразований в области политических и экономических вопросов и отношений.

Зародившаяся российская буржуазия великолепно понимала, что для ее развития необходимо полное и окончательное устранение тех остатков феодализма, которые были в русской жизни и которые налагали отпечаток на все общественно-политические отношения. Русская буржуазия требовала для себя охранительных пошлин, что, разумеется, не могло нравиться помещикам, но что было абсолютно необходимо для ее беспрепятственного усиления и развития. С другой стороны она требовала уничтожения всяких пережитков в деревне с тем расчетом, чтобы таким образом получить по возможности большее количество рабочих для промышленных предприятий. Буржуазия требовала отмены всяких ограничений, связывающих деревню, уничтожения паспортных формальностей, так как это опять-таки препятствовало проникновению в города рабочих, необходимых для деятельности промышленности. С этой же точки зрения буржуазия не хотела мириться со всякими вероисповедными и другими ограничениями, которыми так богата была русская действительность. Программа кадетской партии настаивала на отмене всяких выкупных платежей, что, между прочим, понимало и само правительство, отмене круговой поруки в деревне, равноправии национальностей и проч. Само собою разумеется, эти требования не носили революционного характера. Это были такие же пожелания, какие пред'являла буржуазия всех европейских стран, считающая необходимым подготовить известные политические и экономические предпосылки для дальнейшего развития капитализма.

Российская буржуазия не могла совершенно мириться с периодическими переделами земли, так как этим самым приостанавливался рост товарности крестьянского хозяйства. Круговая порука, при-

меняемая в деревне при взимании податей и всяких других повинностей крестьянства, являлась еще более резким проявлением отсталости в деревне. Страна не могла развиваться нормально с точки зрения буржуазно-капиталистических взглядов. Само собою разумеется, против этого возражала буржуазия, так как считала, что эти обстоятельства и факторы тормозят экономическое развиие страны. Буржуазия требовала отмены всех этих пережитков.

Выдвигая эти довольно радикальные, с ее точки зрения, требования и взгляды, буржуазия нисколько не хотела нарушить основ частной собственности и высказывалась за то, чтобы земля была *выкуплена* по «справедливой оцепке» у помещиков, чтобы не был ни в малейшей степени нарушен принцип «священной частной собственности», так как она великолепно понимала, что рабочее и крестьянское движение, уничтожая, например, частную собственность на землю, не остановится в нерешительности перед промышленными предприятиями, фабриками, заводами, железными дорогами и проч., считая, что не настало время их национализации. Поэтому русская буржуазия отстаивала принцип оплаты за конфискуемую землю, считая, что таким образом разрешаются две основные задачи: уничтожаются пережитки феодализма, мешающие развитию промышленности в стране, а кроме того создается кадр пролетариата для развития и роста промышленности. Эти стремления капиталистов стояли в противоречии с программами и стремлениями помещиков, но это были разногласия, которые должно было устранить дальнейшее экономическое развитие страны. Возражая в принципе против принудительного отчуждения земли, помещики на деле соглашались с ним, широко распродавая свои земли крестьянам.

Кроме этого промышленники и капиталисты пред'являли все более серьезные требования в области внутреннего хозяйства и управления страны. Так, например, 31-ый с'езд горнопромышленников юга России, происходивший в ноябре 1906 года, т.-е. непосредственно после событий революции 1905 года, выдвинул целый ряд экономических требований, имеющих крупное значение для государства. Так, например, было поручено Совету С'езда, «заручившись соответствующими данными, выработать размеры тарифных

льгот по экспорту и войти с надлежащими ходатайствами перед правительством».

Это немаловажный вопрос, так как он разрешает целый ряд проблем, имеющих крупное значение не только для горнозаводской промышленности, но даже и для всего государства.

Не менее крупное общественное значение имеет постановление того же 31-го с'езда по вопросу об участии в государственной Думе. В докладе по этому поводу говорится: «Комиссия с'езда пришла к тому общему заключению, что для выяснения в государственной Думе нужд южной горной промышленности, этой важной отрасли народного хозяйства, необходимо, чтобы из среды горных деятелей было избрано несколько членов государственной Думы, совершенно независимо от того, к каким политическим партиям эти горные деятели принадлежат». Само собою разумеется, что с'езд наперед был убежден в том, что будут избраны такие делегаты, какие нужны русской буржуазии. Считая необходимым провести своих представителей в государственную Думу, с'езд выработал ряд положений по этому вопросу и даже специальное обращение к избирателям. В этом воззвании он говорит: «С'езд горнопромышленников юга России не представляет собою какой-либо политической партии, не может агитировать за тех или других определенных лиц, но считает своим долгом настоящим обращением к избирателям обратить внимание населения на необходимость, для защиты интересов края, избрать в государственную Думу нескольких горных деятелей юга России, хорошо осведомленных о нуждах края и населения».

В такой форме выступала русская буржуазия и в частности та ее часть, которая сплачивалась вокруг горной промышленности юга, развитой в промышленном и техническом отношении больше других районов.

Что касается тех проблем, которые могли выдвинуть промышленники, известную расшифровку дают постановления по другим вопросам порядка дня того же с'езда. Так, например, по вопросу о с'ездах горнопромышленников юга России соответственная комиссия говорит: «быстро развиваясь в количественном отношении и усложняясь по своим условиям существования и своей организации, благодаря развитию техники, увеличению масштаба

производства, усложнению торгово-промышленных и общественно-экономических отношений и рабочего вопроса, горная и горнозаводская промышленность выдвигает все более и более вопросов в области законодательства и торгово-промышленной политики и общественно-экономических отношений и возлагает все большие и большие задачи на выразителя своих интересов — с'езд.

Происшедший переворот в нашей государственной жизни ставит промышленность в совершенно другие отношения к органам государственного управления и вызывает целый ряд новых вопросов, требующих от представителей промышленности, с одной стороны, много работы и энергии для надлежащей разработки и освещения входящих в сферу интересов промышленности, чтобы, когда таковые вопросы станут предметом рассмотрения народных представителей, последним даны были бы в руки материалы достаточно разработанные и освещенные; а с другой стороны, эти вопросы требуют много настойчивости в достижении того, чтобы справедливые интересы горной и горнозаводской промышленности получали надлежащее удовлетворение».

Исходя из этих предпосылок, промышленники считали необходимым усилить работу с'езда, сделать его таким, чтобы он все в большей и большей степени был выразителем и защитником интересов горной промышленности юга России. Не даром же резолюция по этому поводу говорит, что совету с'езда принадлежит роль руководителя деятельностью всех горнопромышленников юга. Исходя из этих основных соображений, с'езд переработал положение о с'езде горнопромышленников юга России и деятельность совета.

Как коллективный представитель интересов горнопромышленников юга России, с'езд считал необходимым принимать участие в так называемых общеимперских с'ездах представителей промышленности, на что указывал еще и предшествующий 30-ый с'езд горнопромышленников юга России в заседании 15 апреля, когда он постановил: «поручить совету с'езда отпечатать и разослать всем горнопромышленникам проект положения об общеимперских с'ездах представителей промышленности и торговли для ознакомления и отзыва». Согласно тогдашнему проекту, разработанному и дополненному на следующем с'езде, целью таких с'ездов являлось

об'единение интересов промышленности и торговли и защита их перед общегосударственными органами. Само собою разумеется, что горнопромышленники юга России наперед заявляли о том, что они не признают общеимперских постановлений, которые противоречили бы их интересам, и не намерены им подчиняться. «В случае, если бы постановления общеимперских с'ездов существенным образом нарушали постановления южно-горнопромышленного с'езда, этот последний в каждое данное время может выйти из состава общеимперских сьездов» — говорит резолюция, принятая по этому вопросу.

Побудительной причиной, которая заставляла горнопромышленников итти на общеимперские с'езды, является стремление представить и защищать нужды промышленности, а тем самым и буржуазии. С'езд горнопромышленников юга России великолепно понимал, что он, как представитель об'единенной и сильной промышленности, имеющей колоссальное значение для жизни страны, дающей около ¾ добычи угля и выплавки металла, будет господствующей силой на с'ездах. Между тем «русская промышленность в целом нуждается в общей организации, представляющей ее интересы в правительственных и законодательных учреждениях, в государственной Думе и государственном Совете. Несомненно общеимперским с'ездам могло бы принадлежать авторитетное выступление на защиту интересов как всей русской промышленности, так и отдельных отраслей и районов ее. В виду возможности для общеимперских с'ездов получить столь большое значение, с'ездам горнопромышленников юга России следовало бы занять подобающее их значению место среди общеимперских с'ездов — говорит доклад с'езда.

Российская буржуазия стремилась к участию в разрешении других вопросов хозяйственной и экономической жизни. Так, например, она добивалась участия в комиссии по пересмотру положения о земских учреждениях.

Может быть наиболее интересным является вопрос, стоящий на том же с'езде, о рабочем законодательстве. Этот вопрос был особенно крупным и боевым вследствие широко развернувшегося революционного движения в стране. Само собою разумеется, предприниматели очень мало интересовались бы таким вопросом,

если бы он не был поставлен в порядок дня революционными событиями 1905 года.

Промышленники смотрели чуть ли не глазами Столыпина на вопрос о революционном движении в стране. Они также стремились к тому, чтобы сначала наступило успокоение, и вслед за этим обещали реформы. В период времени, когда рабочее движение вздымало особенно сильной волной прилива, они стремились к подавлению этого движения, проводя ряд мероприятий, направленных против рабочих. Наиболее энергичные рабочие расчитывались, вносились в черные списки, и тем самым лишались возможности получить работу в промышленных предприятиях, устраивались массовые локауты, словом промышленники в это время стремились подавить рабочее движение «костлявой рукой голода».

Пока движение носило по преимуществу политический характер и пока оно выдвигало требования, которые могли интересовать также и буржуазию, она не возражала против рабочих забастовок и демонстраций. Но, когда последнее начало угрожать в известном смысле интересам капиталистов, они изменили свою точку зрения и применяли всякие допустимые и недопустимые средства, чтобы задавить рабочую революцию.

На 31 с'езде промышленников обсуждался, главным образом, вопрос о вмешательстве государственной власти в так называемые частные договорные отношения между трудом и капиталом. По этому поводу доклад говорит: «чрезмерное вмешательство законодательной власти во взаимные отношения между рабочими и нанимателями неизбежно вызывает излишнюю мелочность закона, излишнюю его детальность. Кроме того, чрезмерное вмешательство законодательной власти в сферы, составляющие предмет личных условий и соглашений работодателей с рабочими, затрудняет их свободу действия, принося зачастую тем и другим прямой ущерб и вызывая враждебные отношения к законодателю. Необходимо, чтобы новый законопроект по рабочему вопросу ограждал рабочих от произвола, защищал их, но отнюдь не опекал *и предоставлял бы самим рабочим и нанимателям вырабатывать, смотря по обстоятельствам, договорные отношения*. Для того, чтобы одна сторона не могла иметь перевеса над другой и не могла одна другую эксплоатировать, необходимо, во-первых, совершенно равные

отношения законодателя к обоим сторонам, а, во-вторых, точно и прочно обеспечить возможность широкой самодеятельности как рабочим, так и нанимателям». В этом постановлении великолепно все от начала до конца: *страх перед вмешательством правительственных органов и особенно фабричной инспекции в дела промышленников, предоставление «равных прав обоим сторонам», а главное возможность «эксплоатации» капиталистов рабочими в случае слишком большой опеки над рабочими царского закона.*

Это предисловие необходимо было для того, чтобы отказаться от осуществления закона о 10-часовом рабочем дне, который выдвинут был правительством. По этому поводу доклад говорит: «С недоказанным и ни на чем не основанным положением в об'яснительной записке к министерскому законопроекту, о возможности и необходимости ограничить законодательным порядком продолжительность рабочего времени 10-ю часами—комиссия не согласилась и полагает, что раз будет дана возможность рабочим самим защищать свои интересы, то в предлагаемом законопроекте отдел об ограничении рабочего дня для взрослых рабочих излишен. По мнению комиссии, сделать одно общее ограничение для всех отраслей промышленности и во всех частях империи нежелательно и несправедливо, а установить по сему предмету точно регулированную серию различных норм является прямо невозможным, благодаря разнообразию производств и чрезвычайному разнообразию экономических, климатических и других условий в разных частях империи».

Само собой разумеется, промышленники юга России по этому поводу выдвигали следующее соображение: может быть в других отраслях промышленности положение благоприятно, но они ни в коем случае не могут сказать этого о положении горной промышленности юга, которая, по их мнению, переживала очень тяжелое время. По их мнению доходность или убыточность предприятий юга России за 1905 г. представлялась в следующем виде: угольные предприятия понесли 0,79% убытка на вложенный капитал, металлургические предприятия получили 3,28% прибыли, механические заводы 2,81% прибыли, рудные предприятия 0,16% прибыли, производство строительных материалов—2,9% прибыли, соляная промышленность 9,22% прибыли и производствотво стекла и огнеупорных материалов 1,28% убытка.

Само собою разумеется, промышленники прибеднивались в данном случае, так как революционное движение в стране не могло оказать такого решительного влияния на их доходы, даже несмотря на кризис, переживаемый страной. Исходя из этих заведомо преуменьшенных цифр, они приходили к заключению о том, что «гораздо основательнее предоставить сокращение рабочего дня соглашению работодателей с рабочими и их организациями. Последние, как близко стоящие к промышленности, постоянно находящиеся в курсе дела, всегда отлично сумеют приспособиться ко всем обстоятельствам и используют максимум того, что промышленность будет в состоянии дать рабочим». Это говорилось в то время, когда рабочее движение было уже разгромлено царским правительством при благосклонном участии представителей промышленности, когда революционная волна шла на убыль, когда предоставление «свободы союзов», согласно закону 4 марта 1906 года, превращалось в пародию и в насмешку над рабочими. Соединенными усилиями правительства и промышленников рабочие организации в это время были разгромлены и разбиты. Рабочие массы вынуждены были соглашаться в это время на ту длину рабочего дня, какую угодно будет установить представителям капитала.

По существу говоря, те же песни с другими мотивами выдвигались с'ездами и совещаниями в других местах. Они тоже говорили о том, что законодательное сокращение рабочего дня ни в коем случае допущено быть для них не может, так как все они работают в убыток, получая в то же время доходы более высокие, чем промышленники в Западной Европе.

На том же с'езде рассматривался вопрос о рабочем страховании от болезни, инвалидности и пр. Общими усилиями промышленников и Думы были введены те изменения, которые оказались наиболее желательными для промышленников и капиталистов. Не даром же дореволюционное страхование рабочих именовалось «страхованием капиталистов от рабочих», так как вся тяжесть его возлагалась на рабочие массы. Промышленники вносили только ничтожные доплаты к основным взносам рабочих.

Знаменитый закон о так называемом страховании рабочих был проведен в государственной Думе и государственном Совете в таком

виде, чтобы максимально обеспечить интересы капиталистов и промышленников. Это и есть то знаменитое «влияние» организованной промышленности на дела государства, о котором столько говорилось на с'ездах и совещаних отдельных отраслей промышленности. Тот же с'езд промышленников в записке Н. Ф. Дитмара робко высказывается против политических репрессий и преследований, которым подвергались участники экономических стачек.

Вот что он говорит:

«В заключение необходимо отметить, что нормальное течение стачек рабочих возможно лишь при предположении мирного состояния промышленной жизни. Если же страна охвачена революционным брожением, если почти повсеместное нормальное административное устройство заменено военным положением — нельзя говорить о мирных стачках. Повышенное, возбужденное настроение рабочих масс препятствует спокойному об'ективному исследованию всех условий, предварительное выяснение которых необходимо для решения вопроса о том, быть или не быть стачке; забастовки возникают зачастую почти безо всякой причины, исключительно вследствие недовольства политическим положением, и в этом смысле почти всякая забастовка последнего времени может быть названа «политической».

Национальность политических забастовок в России вполне очевидна. На Западе, где возникла теория и практика политических забастовок, они имеют целью оказать давление на правительство, представляющее в значительной степени интересы представителей промышленного капитала, так что на Западе политическая забастовка, по существу, является той же экономической забастовкой, только более концентрированной, расширенной в количественном и качественном отношении. Наше правительство в указанном отношении не походит на западно-европейские, и потому означенная теория политических забастовок у нас неприменима.

Кроме того, нельзя не отметить выяснившуюся уже неудачу повторных всеобщих политических забастовок. Так было в Бельгии, так было и у нас после первой всеобщей октябрьской забастовки 1905 г.».

Фон-Дитмар, как один из представителей промышленников, считал необходимым высказаться по поводу рабочих забастовок и

указал на нецелесообразность их в тех условиях, которые создались, особенно в отношении политических забастовок. С его точки зрения, а также с точки зрения тех лиц, которые группировались вокруг совета с'ездов юга России, эти забастовки «нецелесообразны и вредны», так как они уже сыграли ту роль, которую должны были сыграть для капиталистов. Они очистили для них путь к власти. После этого промышленники, пугая иногда правительство возможностью забастовок и революционного движения, выторговывали себе по возможности больше. С этой точки зрения забастовки рабочих уже сыграли свою роль и потому не должны больше применяться. Буржуазия понимала, что дальнейшие политические забастовки будут направлены не только против правительства, но и против них самих, против русской буржуазии.

Что касается экономических забастовок, то промышленники не считали необходимым открытое вмешательство правительства в подавление таковых. В этом отношении они постепенно забывали о тех принципах, которые в свое время выдвигались деятелями промышленности: последние в 90-х и начале 1900-х г.г. всегда готовы были прибегать к помощи правительства, в случае возникновения забастовки. В это время ни одна забастовка не протекала без участия полиции, казаков, арестов и избиений. После 1905 года это уже не так необходимо с точки зрения капиталистов, так как полицейско-казацкое вмешательство до крайности обостряло отношения, возбуждало недовольство и брожение среди рабочих. Гораздо проще действовать при помощи капиталистических организаций, локаутов, черных списков и прочих мер экономического воздействия, не прибегая в каждом отдельном случае к помощи правительства. Разумеется, это не устраняет необходимости и целесообразности, с точки зрения промышленников, вмешательства в рабочую жизнь путем привлечения к политическим процессам наиболее деятельных и активных работников, их ареста, ссылки, суда над ними и проч. Однако, это частное дело правительства и оно не может уже носить такого характера, как непосредственное вмешательство в «мирную» экономическую забастовку. В этом отношении русские промышленники считали, что правительство должно предоставить им такую же возможность установить свои отношения с рабочими, какая предоставляется

промышленникам Западной Европы, которые находят тысячу мер для того, чтобы регулировать свои отношения с рабочими.

Как вели себя промышленники и капиталисты во время революции 1905 года? Отчасти она была для них на руку, так как указывала на наиболее вопиющие факты правительственного произвола, хаоса в экономических отношениях, несоответствия того политического строя, который существовал, с экономическим базисом, сильно разросшимся и увеличившемся в связи с хозяйственным ростом страны. Революцию 1905 г. промышленники старались использовать для себя. Буржуазия в этот период времени рассматривала политические забастовки впредь до октябрьских выступлений 1905 г. за «общенациональное» дело, которое должно разрешить «общенациональные» вопросы и проблемы в России. Однако, создание советов рабочих депутатов, а затем и декабрьское восстание в Москве показало ей, что рабочие массы не намерены ограничиться только такой политической реформой, какая необходима буржуазии, и намерены итти на революционную борьбу, которая должна привести к полной победе пролетариата. С этого момента буржуазия резко меняет свое отношение к революции, и стремится договориться с правительством и с помещиками.

Правительство не прочь было привлечь к себе еще один класс населения, на который можно будет опереться в своей деятельности. С этой точки зрения и понятно усиление представительства крупной цензовой буржуазии в государственной Думе, созванной на основании закона 3 июня 1907 года.

Если в период времени, предшествующий революции 1905 г., буржуазия высказывала свои оппозиционные взгляды, фрондировала по отношению к правительству, создав, например, даже специальный орган, редактируемый Петром Струве за границей, то после революции 1905 г. она окончательно договорилась с правительством и помещиками, мирно поделила власть с этими элементами, довольствовалась тем крупным влиянием, какое она могла оказывать на общеполитическое положение страны.

С этого времени она открыто выступала в качестве врага пролетариата. Если до конца 1905 г. она считала пролетариат своим союзником, выражала ему неоднократно свои симпатии, то после 1905 года ее идеологи и вожди—Милюков, Струве, Булгаков,

Бердяев и др. уже всячески отгораживались от революции, оплевывали ее. Промышленные организации, вполне довольные тем положением, которое создалось, считали, что революция разрешила уже на $^{9}/_{10}$ те вопросы, которые ставились ими за период, предшествовавший 1905 году. Продолжение революции было для них не только нежелательно, но даже вредно, и поэтому они считали необходимым оказывать влияние на всякие государственные органы, проводить в законодательных учреждениях свою волю, помогать правительству в заключении займов, как это проделала думская делегация, ездившая в Англию во главе с Милюковым и именующая себя «оппозицией его величества», а в то же время широчайшим образом использовывать ту благоприятную экономическую кон'юктуру, которая создалась для промышленности.

После 1905 года можно было наблюдать крупный рост промышленности, небывалое развитие синдикатов и трестов, которые на 60—70% охватили всю промышленность, а также серьезное усиление всяких предпринимательских организаций, которые оказывали все более сильное влияние на политическую жизнь страны и на те вопросы, которые разрешались в различных законодательных учреждениях. *С точки зрения русской буржуазии 1905 год сделал все, что требовалось от него.* Продолжение революции, с точки зрения буржуазии, было нежелательно и вредно; но не так на этот вопрос смотрели рабочие и крестьянские массы.

IX. Крестьянское движение.

Выше мы говорили о тех основных причинах и предпосылках, которые вызывали крестьянское движение. На первом месте в этом отношении стояло безземелье и малоземелье, которого не могли устранить мероприятия правительства. Однако, если после революции эти мероприятия проводились гораздо шире и полнее, то до этого на положение крестьян никто почти не обращал внимания. Между тем все острее перед крестьянством вставали именно эти вопросы. Крестьянское движение все больше обострялось и особенно в 1905 году. Журналистика того времени, несмотря на всякие стеснения и затруднительные цензурные условия, мешавшие об'ективному выяснению этого вопроса, все же дает много инте-

ресного материала, характеризующего земельный вопрос и крестьянское движение. Об этом свидетельствуют хотя бы следующие строки, почерпнутые из журнала «Русское Экономическое Обозрение» за май—июнь 1905 года. В нем говорится о том, что события последнего времени, т.-е. усилившееся летом 1905 года аграрное движение, ставит на очередь вопросы крестьянства. «Работавшее до сих пор совещание»,—говорит этот орган—«о нуждах сельско-хозяйственной промышленности, местные комитеты, созванные для обсуждения наболевших вопросов сельского хозяйства, комиссия об оскудении центра, — все эти учреждения вскрыли в достаточной степени язвы, раз'едающие нашу деревню, и наметили приблизительный путь, которым должна пойти реформа».

Создан целый ряд учреждений и правительственных комиссий, которые всесторонне как-будто бы обсуждают крестьянский вопрос. «Вся эта лихорадочная работа», — пишет этот журнал «происходящая на наших глазах, показывает нам, насколько назрел крестьянский вопрос, сколько вокруг него предвидится разнообразного дела, как много нужно труда и времени, чтобы устранить неурядицы, раздирающие нашу исстрадавшуюся деревню».

По существу говоря, только тогда принялись за разрешение земельного вопроса и за рассмотрение его, когда уже грянул гром и когда положение оказалось очень трудным.

Главным вопросом, который проходит красной нитью через все заявления и письма крестьян, относящиеся к тому времени, являются жалобы на безземелье. Казалось бы, самым простым в таких условиях является наделение крестьян землей, но здесь начинаются разногласия и выдвигаются самые разнообразные программы. Некоторые из писателей выдвигают вопрос о том, что можно избавиться от сельско-хозяйственных затруднений и сельскохозяйственного кризиса путем применения удобрительных туков, которые всецело разрешают вопрос. К числу их, например, принадлежит А. И. Чупров. Однако, его проект не мог быть осуществлен, так как у крестьянства нет средств для того, чтобы эти туки покупать. Не выдерживают критики также и проекты о переселении крестьян. Точно так же мало помогает кредит и операции Крестьянского банка, «так как кредитом пользуются далеко не наиболее нуждающиеся, а так называемые хозяйственные му-

жички, успевшие уже поживиться за счет невзгод своих же односельчан».

Это все были теоретические споры о том, как разрешить этот наиболее трудный и сложный вопрос жизни, а в то же время происходила уже открытая борьба за землю. Вот что говорит по этому поводу тот же журнал: «Пока в литературе идут бесконечные споры о том, как быть с деревней, крестьянская масса под гнетом тяжелых условий существования заговорила по-своему. Целый ряд уездов охвачен в настоящее время волной крестьянских волнений, которые наводят ужас и панику на помещиков, заставляют серьезно подумать о мерах к устранению житейских невзгод, обрушившихся всей тяжестью на деревенских обитателей». Реакционная печать все дело приписывает только политическим агитаторам и подстрекателям. Между тем вся прогрессивная печать того времени доказывала, что эту легенду необходимо оставить, что в основе крестьянских волнений лежат глубокие причины экономического и правового характера и что на это необходимо обратить серьезнейшее внимание. Так, например, буржуазный орган «Русская Мысль» за апрель 1905 года говорит: «Повсеместность крестьянских волнений, их стихийность исключают всякую мысль о случайных причинах или посторонних влияниях, на которые администрация всегда любит сваливать всякие волнения и беспорядки. Лишь живые силы страны, призванные к творческой государственной деятельности, смогут найти действительные средства для разрешения крестьянского вопроса.

В таком же духе высказывается также и журнал «Мир Божий» в апрельском номере 1905 года: «Обычные об'яснения рептильной прессы о злоумышленниках и подстрекателях должны быть вполне оставлены в виду одновременности движения, вспыхнувшего в самых отдаленных концах государства, преимущественно экономического его характера и, наконец, того обстоятельства, что местности, где разыгрались волнения, отличаются действительно низким уровнем крестьянского благосостояния».

То же самое говорит и журнал «Вопросы Жизни», указывая на то, что в основе аграрных волнений лежат глубокие причины экономического и культурно-правового характера.

С. Прокопович в журнале «Образование» приводит данные, что за 40 лет размер надела у крестьян уменьшился на 37%. В 1860 году средний размер по России составлял 4,83 десятины, в 1880 г. надельной и купчей земли — 3,82 дес., а в 1900 г. — 3,05 дес. Это дает право журналу «Народное хозяйство» заявить, что *«главная и основная причина крестьянских волнений несомненна — нужда во всем и особенно в земле»*.

«Русские Ведомости» в № 110 от 1905 г. приводят следующее показание одного из очевидцев: «В теперешнем движении уже замечается и сознательность и даже некоторая организованность. Крестьяне пред'являют и некоторые общие требования и такие, о которых всего несколько лет назад они, казалось, и представления иметь не могли. Во время самих волнений почти не наблюдалось насилий над личностями. Крестьяне в большинстве случаев приезжали, забирали, что нужно, и уезжали обратно. Разбивали только те экономии и в особенности заводы, с которыми у крестьян были обостренные отношения. Имения же, где к крестьянам относились более или менее человечно, не были тронуты или пострадали очень мало».

Уже эти одни выписки из тогдашних журналов и газет дают представление о главной причине движения — малоземелья.

Необходимо, по мнению важнейших прогрессивных газет и журналов, спешить с разрешением земельного вопроса. Вот что говорит «Вестник Европы» за май 1905 года: «Аграрные мероприятия, составляющие как бы продолжение великой реформы 1861 года, тщательно продуманные, осторожно проведенные, считающиеся с приобретенными правами— лучшая гарантия против попыток насильственного захвата, обнимаемых термином «черный передел». Высочайший рескрипт 30 марта осуждает посягательства на частное землевладение, т.-е. противозаконные, преступные нарушения охраняемого законом права. С такими нарушениями не имеет ничего общего закономерное вмешательство государства в область аграрных отношений на тех, например, началах, какие намечены недавно происходящим в Москве совещанием земских деятелей». «Без урегулирования арендных отношений, — говорит далее журнал, — «едва ли можно будет предоставить крестьянам и удобнейшие, соответственно изменившимся хозяйственным

условиям способы пользования отведенными им надельными землями; без увеличения государственного земельного фонда едва ли возможно будет достигнуть упрочения земельного строя крестьян, как главной основы народного благосостояния».

Этот журнал, выражающий мнение буржуазии, не мог естественно разрешать этого вопроса таким образом, как об этом говорили революционные партии и элементы. Поэтому он считал необходимым провести в жизнь те нормы «справедливой оценки» и пр., которые выдвигались представителями прогрессивной буржуазии.

Подобных примеров и оценок можно было бы привести очень много. Они разбросаны в различных журналах, газетах, статьях и обзорах крестьянского движения. Все они говорят о колоссальном росте крестьянского движения, которое всколыхнуло крестьянскую жизнь до самых ее глубин, и поставило колоссальной важности проблемы, среди которых на первом месте стоял беспорно вопрос о земельной революции.

Выше мы уже приводили цифровые данные о размерах крестьянского движения. Оно положительно захватило всю страну. Его сильной стороной являлся размах и вовлечение в него колоссальнейших крестьянских масс. В этот период времени не было почти ни одного уезда, в котором не проявлялось бы в той или иной форме крестьянское движение. Там, где были сильнее отношения найма, где приходилось иметь дело с батраками, например, в Прибалтийском крае, в Польше, там пред'являлись экономические требования об улучшении материального положения, заработка, сокращениями рабочего времени и т д. Там выступали наемные рабочие. Там же, где наиболее остро стоял вопрос о земле, где было особенно трудно вследствие малоземелья, крестьяне выступали на борьбу с помещиком, стараясь, в полном смысле этого слова уничтожить его хозяйство, выжить его из занимаемого им имения, словом, избавиться от помещика, как от элемента в корне враждебного крестьянству.

В некоторых случаях, как указывают, например «Русские Ведомости», подобное движение происходило спокойно, не сопровождаясь насилиями, но в целом ряде местностей оно должно было вылиться в форму аграрного террора, безумно напугавшего поме-

щиков и правительство. Не даром же с'езды об'единенного дворянства требовали самых жестоких и репрессивных мер, которые должны быть применены по отношению к крестьянству.

Крестьянское движение 1905 и 1906 г.г. было сильно по тому количеству крестьян, которых захватило оно, но было слабо своей распыленностью и разновременностью. Правительство удержало в этот период времени в своих руках армию, состоящую на $^4/_5$ из крестьян, и эта армия помогала, служа слепым орудием в руках правительства, подавлять движение собственных братьев, заливая его кровью.

Крестьянское движение 1905 года было прекращено с беспримерной, невероятной жестокостью. За него поплатилась крестьянская беднота и отчасти середняки, а всю пользу извлекли наиболее богатые слои деревни, так как помещики и правительство приступило к частичной ликвидации земли через банки путем ее продажи, и эту землю захватили богачи.

Аграрный вопрос не был разрешен в России в 1905 году и должен был быть разрешен в 1917 году.

X. Рабочее движение.

Рабочее движение в России за весь период времени непосредственно после крестьянской реформы росло и усиливалось. Период времени, предшествующий крестьянской реформе, ознаменовался также рядом движений. Эти движения были на Урале, в его промышленных предприятиях при чем первые известия о них относятся к концу XVIII и началу XIX века. В те отдаленные, дикие времена с рабочим движением расправлялись невероятно жестоко. Так, например, были подавлены движения в 1760 году на заводах Демидова в Пермской губ., при чем рабочие и крестьяне в это время пытались добиться удовлетворения своих требований не только забастовкой, но и вооруженной силой. Между отрядами восставших и правительственными войсками происходили настоящие сражения.

Это движение закончилось неудачей, равно как и целый ряд последовавших забастовок. Когда на Камских заводах Шувалова рабочие потерпели неудачу в своей борьбе с хозяевами,

в дер. Нижнюю Тайму и села Тавели, Сексинесы и Костенсево, где жили крестьяне, приписанные к заводам, расположили на постой драгунский полк под начальством Левашова.

«Это было», — говорит Семеновский, — «чуть ли не поголовное изнасилование и растление женского населения: эти преступления совершали офицеры и солдаты. Крестьян всевозможными наказаниями заставляли отдавать своих дочерей на жертву страстям разнузданной солдатчины; от насилий не избавлялись ни замужние женщины, ни девочки, еще не достигшие зрелости» (стр. 397).

Вот что делалось, например, в селе Тавелях: «В конце 1761 г. туда прибыл подпоручик Стрелков со своей командой. Жестоко избив крестьянина Григорьева и его жену, он заставил отдать ему их дочь, которую продержал у себя около месяца и, уезжая оттуда, передал прапорщику Сафонову. У Сафонова она пробыла столько же времени, а потом тот уступил ее вновь приехавшему капитану Карлову. Другую девочку привели к прапорщику Сафонову, он велел передать ее поручику Петрову, а затем еще одному драгуну. Если родители сопротивлялись, их били палками или секли плетьми, иногда впрочем с помощью взяток им удавалось спасти честь своих дочерей. Если у замужних женщин, которых солдаты хотели изнасиловать, был на руках ребенок, его без церемонии бросали куда попало — под лавку или на землю» (стр. 398).

Подобными описаниями переполнены все книги о рабочем и крестьянском движении в этот период времени крайне тяжелого гнета над крестьянами.

Такие же события происходили на Каслинском и Кыштымском заводах Демидова в 1762 году.

Еще до того, как крестьяне были освобождены от крепостной зависимости, можно было наблюдать движение среди крестьян и рабочих. Правда, эти движения не носили еще характера рабочего движения, были лишены в известном смысле классового характера. В большинстве это были крепостные, которые только временно были прикомандированы к промышленным предприятиям своих господ или же временно отпущены в чужие предприятия. Рабочий день и тогда и впоследствии был чрезвычайно длитель-

ным, продолжаясь около 16—18 часов. Там, где рабочие работали 14 часов, они считали себя счастливцами. В большинстве случаев работа шла круглые сутки, и потому приходилось работать в две смены с перерывом в 6 часов, так что рабочий никогда не мог выспаться. Заработная плата была чрезвычайно низкой.

Только освобождение крестьян привело к тому, что был создан сначала очень небольшой слой пролетариата, занимающийся исключительно только работой на фабрике. Среди этих рабочих постепенно начали вырабатываться чисто-пролетарские взгляды и стремления. Если все описанные волнения носили по преимуществу *крестьянский* характер, и рабочие уральских заводов интересовались только отчасти увеличением заработков, то в то же время не менее интересовал их вопрос земельный. В этом отношении они не отличались от крестьянских движений и волнений.

Как мы видели из предыдущего обзора, промышленность только начала развиваться после освобождения крестьян, которое дало ей сильнейший толчек. Только с этого времени начали возникать действительно крупные промышленные предприятия, при чем в них работало все более значительное количество рабочих, постепенно обрывающих связь с деревней. В этом отношении вплоть до революции 1917 года эти связи городских рабочих с деревней не оборвались окончательно и даже не нарушались. Рабочие, особенно центрального района и Донецкого бассейна, связаны с деревней тем, что большинство из них имеет небольшие клочки земли в деревне и стремится хотя бы ненадолго побывать на родине в период полевых работ. В известном смысле это накладывало определенный отпечаток на их психику и взгляды. Только в таких районах, как Ленинград, постепенно формировался совершенно чистый тип рабочего, порвавшего всякие связи с деревней.

Само собою разумеется, что вслед за освобождением крестьян и созданием более нормальных условий капиталистического развития усиливается борьба рабочих за улучшение их материального положения. Так, весной 1876 года неожиданно началась забастовка на Новой бумагопрядильне — самой крупной фабрике в Петербурге; вскоре после этой стачки началась забастовка на фортепианной фабрике Беккера, затем на табачной фабрике Шапшала,

а в конце года — в ноябре опять вспыхнула забастовка за Нарвской заставой на фабрике Кенига. В январе следующего года началась забастовка опять на Новой бумгопрядильне, а затем на фабриках Шау и Чешера.

Что же вызывало забастовки в этот период времени? Те же самые причины, которые оказывали на положение рабочих особенно сильное влияние: всякие прижимки, штрафы, 14-часовой рабочий день, наглое обращение мастеров, обыски и низкая заработная плата. Последней каплей, переполнившей терпение, было то, что на бумагопрядильне неожиданно совершенно было об'явлено о том, что сдельная плата уменьшается на 10 коп. с пуда.

Однако, стачечное движение происходило не только в Петрограде, но и в других местах. В 1877 году имела место железнодорожная забастовка в Одессе, в 1879 году в Ростове, в 1880 году были забастовки на Хлудовской мануфактуре в Московской губернии, при чем эта забастовка окончилась арестом 11 «зачинщиков» и высылкой 800 человек по этапу на родину. В 1883 и 1884 г.г. происходят стачки на Николаевской жел. дороге и в Полтаве, в 1882 г. на Мотовилихинском пушечном заводе в Перми, в 1883 и 1884 г. на фабрике Бостанжогло в Москве, на заводе Малкиеля, на фабрике в Жирардове (около Варшавы), на Вознесенской мануфактуре. За этот же период времени в Иваново-Вознесенске и на фабрике Кузнецова в Тверской губернии. В 1885 г. возникла забастовка на Морозовской фабрике в Орехово-Зуеве.

Как указывает в своей статье т. Невский (Револ. календарь за 1922 г.), в этот период времени движение приобретает все более организованный характер, при чем со времени стачки на Морозовской фабрике в 1885 г. прекратились совершенно разгромы фабричных зданий, уничтожение машин, как это имело место, напримеp, на Вознесенской мануфактуре.

За что же боролись рабочие 70-х и 80-х годов? Ответ на это дает т. Невский в своей статье, перечисляя требования рабочих Новой бумагопрядильни и орехово-зуевской стачки. «Рабочие Новой бумагопрядильни требовали: 1) возвращения штрафных денег, 2) повышения заработной платы, 3) отмены увольнения раньше срока найма без уважительных причин, 4) уменьшения штрафов,

5) уменьшения вычетов за прогул, 6) изменения условий найма, 7) предупреждения рабочих со стороны хозяев об увольнении за 15 дней, 8) присутствия экспертов из рабочих при определении доброкачественности сработанного товара, 9) платы за сверхурочную работу, 10) установления новых расценок по соглашению с рабочими, 11) контроля для уравнения платы, 12) выплаты за забастовочное время, 13) правильной выплаты жалованья, 14) выбора старост, 15) увольнения ненавистных рабочим служащих и шпионов». (Рабоче-крестьянский календарь на 1922 г., стр. 72).

Эти примеры доказывают, что рабочие все в большей степени начинали понимать свои классовые интересы, пред'являя все более энергичные требования насчет увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня. Рабочие все в большей степени приучались к классовой революционной борьбе.

Пока промышленность была слабо развита, это движение рабочих носило характер разрозненный и неорганизованный. По мере того, как увеличивалось количество промышленных предприятий, как разрастался и усиливался капиталистический строй на территории России, революционная борьба становилась все более серьезной и приобретала все большее значение.

Из предшествующего обзора мы видели, как постепенно индустриализировалась Россия. К 1905 году, по данным Варзара, старшего фабричного инспектора, фабрик и заводов, подчиненных надзору фабричной инспекции в европейской России и на Кавказе, было 14.066 заведений, при чем в них было занято 1.651.957 человек [1]). Из этого числа рабочих около 700.000 приходится на текстильные промышленные предприятия, около 270.000 на металлистов, а прочее распределяется между остальными профессиями.

Все это количество рабочих к моменту первой революции 1905 года оказывается захваченным борьбой, при чем рабочие добивались не только улучшения своего материального положения, но принимали также живейшее участие в обще-политических заба-

---

[1]) В список Варзара не входили рабочие горных предприятий, подчиненные горно-заводской инспекции.

стовках. Данные Варзара, составленные на основании отчетов фабричной инспекции, все же не могут считаться абсолютно-исчерпывающими, так как в некоторых местах политические забастовки не регистрировались фабричной инспекцией.

Что касается распределения стачек за весь предшествующий период времени, накануне 1905 года, то Варзар в своей книге «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 г. и 1906—1908 г.», приводит интересные данные за десятилетие. Это совпадает с тем временем, когда рабочее движение приняло особенно широкие размеры параллельно с ростом промышленности.

Из приводимой им таблицы о стачках, мы получаем следующие чрезвычайно интересные данные: за десятилетие, предшествующее 1905 году, стачками было охвачено в среднем 0,98% промышленных предприятий и 2,7% всех рабочих России. Для 1905 года получаются цифры в 93% промышленных предприятий и почти в 164% общего числа рабочих.

Вот эта интересная таблица Варзара, характеризирующая рост стачечного движения с половины 90-х годов, вплоть до 1905 г.

Годы.	Число охваченных стачками заведений:		Число участвовавших в стачках рабочих:	
	абсолютное.	в % к общему числу.	абсолютное.	в % к общему числу.
1895	68	0,36	31.195	2,01
1896	118	0,62	29.527	1,94
1897	145	0,75	59.870	3,99
1898	215	1,13	43.150	2,87
1899	189	0,99	57.498	3,83
1900	125	0,73	29.389	1,73
1901	164	0,96	32.218	1,89
1902	123	0,72	36.671	2,15
1903	550	3,21	86.832	5,10
1904	68	0,40	24.904	1,46
1905	13.995	93,2	2.863.173	163,8

За годы, предшествовавшие 1905 г., рабочие только учились пользоваться оружием забастовок, проходя эту сложную в царское время школу. 1905 год сразу же поставил вопрос о стачках на

особую высоту. Была масса причин, которые вызвали такой грандиозный рост стачек в течение 1905 года. Тяжелое материальное положение рабочих масс России становилось еще более тяжелым под влиянием промышленного кризиса и дальне-восточной авантюры, при чем эти два фактора особенно серьезно давали себя чувствовать в 1904 — 1905 году. С другой стороны, огромные массы рабочих были приведены в движение самим фактом революции. Экономические стачки в этот период времени, по данным Варзара, составляли около трети всего количества их в 1905 году. Число экономических забастовок в 1905 году определялось в 4.192 с участием 1.018.620 рабочих.

Это большое количество отчасти об'ясняется тем, что материальное положение рабочих было очень трудным, а также и тем, что перед рабочими открылась возможность добиться некоторых улучшений в результате ослабления сопротивляемости капиталистов.

Что касается распределения стачек по месяцам, то относительно наибольшее количество их приходится на январь, октябрь—декабрь 1905 г., что совершенно понятно в виду массового характера, какой движение приобрело в январьские дни 1905 года в связи с гапоновским движением в Петрограде, а затем в конце года с движением политического характера в октябре в борьбе за советы и в связи с вооруженным декабрьским восстанием в Москве.

По месяцам забастовки 1905 года распределяются следующим образом (в таблице приведены данные по всей России без политических стачек в Польше).

Месяцы.	Заведения, охваченные забастовкой.	Количество бастовавших рабочих.
Январь	1.889	414.438
Февраль	1.034	291.210
Март	225	72.472
Апрель	454	80.568
Май	1.048	219.990
Июнь	848	142.641

[1]) Дальше приводятся стачки по всей России без Польши, которые в общую ведомость не включены.

Месяцы.	Заведения, охваченные забастовкой.	Количество бастовавших рабочих.
Июль	582	150.059
Август	539	78.343
Сентябрь	261	36.629
Октябрь	2.628	481.364
Ноябрь	1.327	323.549
Декабрь	2.172	418.215
Не известно	3	217
Итого	13.110	2.709.695

Движение особенно сильно было в зимние месяцы, а затем в летние месяцы — май, июнь и июль — наблюдался некоторый под'ем забастовочного движения по экономическим причинам.

Крайне характерным для всего стачечного движения 1905 года было то, что *застрельщиками являлись наиболее крупные промышленные предприятия*. Так, например, максимальное количество стачек приходится на предприятия с количеством рабочих свыше 500 человек. Чем крупнее предприятие, тем больше в нем было забастовок. Промышленные предприятия, в которых было занято до 20 рабочих, бастовали в среднем в половинном количестве их общего числа рабочих. Средние заведения от 21 до 100 рабочих, бастовали по одному разу в год, от 100 до 1.000 человек, примерно, полтора раза в среднем. а наиболее крупные заведения бастовали почти 2½ раза в год. Во главе движения стояли те промышленные предприятия, в которых пролетариат был наиболее концентрированным, и тем наиболее подготовленным для революционной борьбы.

Если за годы, предшествовавшие 1905 году, в среднем на одну стачку приходилось 244 рабочих, то за 1905 год приходится 206 человек на стачку, и это доказывает, что в нее были втянутым средние и даже мелкие предприятия. Приблизительно такая же картина получается и для политических забастовок.

Что касается территориального распределения стачек, то, по данным Варзара, наибольшее количество их приходится на губерни

с крупными промышленными центрами, как Петербург, Лодзь, Рига, Москва, Баку и т. д. Были губернии, в которых в течение года происходило свыше 2.000 стачек. Такова, например, Петроковская губерния, где за этот год произошло 2.316 забастовок, Петербургская — 1.861, Гродненская — 1.268, Лифляндская — 1.252, Московская — 930, Бакинская — 631 и т. д.

Однако, более правильная картина распределения забастовок получается в том случае, если расположить их по количеству бастовавших рабочих. Тогда на Петроградскую губернию приходится свыше 600.000, на Петроковскую от 500.000 — до 600.000, на Московскую и Лифляндскую от 200.000 до 300.000, на Владимирскую от 100.000 до 200.000, на Бакинскую от 50.000 до 100.000 и т. д.

Крайне характерным признаком революционного движения чены политические забастовки в Варшаве, и тогда она выдвигается на одно из первых мест.

Крайне характерным признаком революционного движения 1905 года является также и повторяемость забастовок в отдельных промышленных предприятиях, при чем нередки были случаи, когда отдельные предприятия бастовали по 3—4 и больше раза, о чем дает представление следующая таблица:

2 раза	876 заведений	8 раз	92 заведений
3 »	582 »	9 »	32 »
4 »	563 »	10 »	11 »
5 »	539 »	11 »	8 »
6 »	198 »	12 »	5 »
7 »	185 »	26 »	1 »

(Варзар, обзор за 1905 г., стр. 11).

В течение 1905 года на 2.892 промышленных заведениях произошло 11.236 случаев повторных стачек и 1.834 единичных. Принимая во внимание общее число стачек оказывается, что 86% всех стачек являются стачками повторными, и это налагает яркий отпечаток на все движение 1905 года.

Во многих случаях принимало участие в стачках около ¾ всего числа рабочих, а в некоторых губерниях даже 90% всех рабочих.

Что касается географического распределения стачек, то Варзар распределяет их таким образом:

«1. Массовые стачки 1905 года главным образом поражали фабрики, сконцентрированные в больших городах (Лодзь, Тифлис, Рига, Петербург, Баку, Белосток, Ревель, Вильно, Москва и т. д.), охватив преимущественно окраинные губернии Прибалтийского района, Царства Польского и Закавказья. Из русских губерний к наиболее пострадавшим относятся: Нижегородская и Екатеринославская, что об'ясняется преобладанием в них контингента рабочих по металлу.

2. В сильной степени затронуты были движением рабочие центрального промышленного района, а также большинства Поволжских и северо-западных губерний.

3. Наоборот, рабочие губернии центрального черноземного района, а также юго-западной и северо-восточной части России участвовали в движении в более слабой степени.

4. Наконец, губернии северные, северо-восточные и юго-западные, так же, как некоторые из центральных с слабо разбитой промышленностью (Воронежская, Симбирская), реагировали на общее возбуждение рабочих масс еще слабее, что отчасти об'ясняется как родом промышленных заведений, так и их разбросанностью по территории (сахарные, винокуренные заводы, мукомольни)» (стр. 15).

Не менее интересно также и число дней забастовок. Это обстоятельство характеризует известную устойчивость рабочих, а также сопротивляемость капиталистов в отдельных случаях. Рабочие постепенно приучались к тому, чтобы держаться как можно дольше. Количество потерянных дней в результате забастовок возрастало. В 1895 году на каждого забастовщика приходилось 5 потерянных дней, в 1901—1902 г. — 3,5 дня, в 1903 г — 5,1, в 1904 г. — 7,4 и в 1905 г. — 8,7. В середине прошлого десятилетия стачки заканчивались с меньшим упорством и усилиями рабочих, а затем требуется все большее количество энергии для того, чтобы сломить сопротивляемость капиталистов.

По количеству потерянного времени стачки распределяются в 1905 г. следующим образом:

Потерянное время на 1 стачку.	Количество стачек.	Количество потерянных дней за всю забастовку.
до ½ дня	334	37.857
от ½ до 2 дней	3.392	725.607
от 2 до 3 дней	1.577	919.920
от 3 до 5 дней	2.174	1.776.774
от 5 до 10 дней	3.056	5.047.746
от 10 до 15 дней	991	2.775.355
от 15 до 20 дней	770	2.737.557
от 20 до 30 дней	607	4.879.815
Свыше 30 дней	194	4.713.756
Продолжительность неизвестна	15	—
Итого	13.110	25.609.387

Стачки, продолжительностью до 10 дней составляли 80% общего числа, при чем во время их потеряно 36% всех потерянных рабочих дней. За предшествующий период времени абсолютные цифры значительно меньше, и в то же время почти 69% их приходится на стачки кратковременные.

В том же обзоре Варзар приводит также и материальные потери, понесенные той и другой стороной, оценивая потери промышленности в 1905 году от недоработки продукта в 127.295.000 руб. и потери рабочих вследствие недополучения заработка в 17.540.000 руб. Если сюда присоединить еще потери от забастовок в горно-заводской промышленности, то соответственные цифры составят для промышленности 175 милионов и для рабочих свыше 20 миллионов рублей.

Каковы главнейшие причины стачек 1905 года? Все они, прежде всего, отличаются большей определенностью по сравнению с предшествующими годами. Стихийный характер забастовок уступает место организованному наступлению. Во многих случаях требования разработаны детально и очень подробно, хотя в некоторых случаях главные требования стачек затемнялись мелкими привходящими причинами. Тем не менее их можно классифицировать по следующим разрядам: вопросы заработной платы, рабо-

чего времени, порядок в заведениях, разные случайные причины и, наконец, самым важным фактором является политическая забастовка, ставшая чрезвычайно широкой. Были забастовки и протесты по поводу январьской бойни в Петрограде, военного суда над матросами после кронштадтского восстания, об'явления военного положения в Риге, по поводу погромов в Баку и Белостоке, сочувствия железнодорожной забастовке, по поводу восстания в Москве, празднования 1 мая и т. д.

Варзар приводит также данные о тех причинах, которые вызвали стачки и о количестве рабочих, принимавших в них участие. Вопросы заработной платы вызвали 2.679 стачек с 620.145 участниками, что составляет около 20% стачек и их участников. Вопросы рабочего времени вызвали 1.317 забастовок с 306.269 участниками, что составляет около 10% всех стачек и участников. Порядок в заведениях, действия заводоуправлений и условия труда вызвали 194 стачки (1,5% их числа) с 94.097 участников (3,4%) и, наконец, различные политические стачки составляют 9.799 стачек (68% их числа) и 1.842.478 участников, что составляет 62% всех участников. Стачки политические имели крупное преобладание над стачками экономическими. Среди последних, сравнительно небольшой процент составляли так называемые стачки оборонительные. Это совершенно понятно: рабочему классу в этот период времени почти не приходилось защищаться, а скорее наступать. Общие условия были таковы, что рабочие могли добиться очень серьезных уступок у капиталистов, которые не дерзали сопротовляться.

Каковы результаты забастовок 1905 года? Это также чрезвычайно важный вопрос, так как он в свою очередь характеризует условия борьбы. Само собою разумеется, что стачки экономического характера давали известные материальные результаты; в то же время стачки политические этих непосредственных результатов иметь не могли. Даже и в экономической области часто рабочие тогда не пред'являли непосредственных требований, сначала об'являя демонстративную забастовку, и только затем движение распылялось по нескольким руслам, при чем рабочие пред'являли экономические требования. К стачкам без экономического результата Варзар относит все политические забастовки.

которые называет «нейтральными» Результаты представляются в следующем виде:

Результаты.	Число стачек.	Число рабочих забастовщиков.
В пользу рабочих	2.139	369.304
Взаимные уступки (компромисс)	2.483	671.590
В пользу работодателей (против рабочих)	1.276	422,207
Без экономического результата (ст. нейтральная) .	8.117	1.400.072
Итого . .	14.015	2.863.173

Если отбросить стачки политические, которые не могли иметь непосредственных результатов, и распределить остающиеся забастовки по их результатам, то получается следующее соотношение: стачки закончились победой рабочих в 23,7% общего числа бастовавших, взаимными уступками 46,9% и около 30% победой предпринимателей. В пользу рабочих закончилось в том или ином виде около 70% всех стачек. Эти цифры особенно значительны, если принять во внимание, что за предшествующее десятилетие закончились победой полной или частичной только 46% всех стачек. Наконец, Варзар приводит в своем обзоре данные о вмешательстве властей, локаутах и проч. Эти чрезвычайно интересные данные характеризуют те условия, в которых приходилось вести борьбу рабочим. Об этом дает представление следующая таблица, не только за 1905 год, но и за предшествующее десятилетие.

	Число за 10 лет с 1895—1904 г.	Случаев за 1905 г.
1) Частичный расчет	190	82
2) Общий расчет	137	258
3) Аресты, высылки	164	42
4) Призыв войск и полиции . .	269	444
5) Насилия и разрушительные действия рабочих	44	38
6) Привлечение к суду	31	—

Такова общая обстановка тех забастовок, которые происходили в 1905 году. Об'ективные цифры и данные говорят о колоссальном прибое в этот период времени. Экономическая часть в революционном движении 1905 года играла сравнительно незначительную роль, преобладающесе значение имели чисто политические забастовки.

Рабочий вопрос в этот период времени стал во всем его об'еме, при чем сразу же выявились язвы политико-экономической жизни, от которых рабочий страдал. В России никогда до этого времени рабочее движение не играло такой крупной роли, как в этот момент. Рабочий класс выпрямился и пытался добиться определенных завоеваний. Вот что по этому поводу говорит Владимир Короленко в первой книжке «Русского Богатства» за 1905 год: «Рабочий вопрос не мелкая служебная подробность в той или другой полицейской политике. Для рабочей среды в первые минуты, быть может, искренне увлеченной заманчивыми перспективами, это не игра и не праздничная феерия, а самый насущный жизненный вопрос, к решению которого она стремится с суровой правдивостью и понятным нетерпением. Рабочая масса требует исполнения обещаний и заметного реального изменения условий своего существования. В этом ее главная и единственная цель».

Это стремление тогда понимали все, и этим об'ясняется наличие всевозможных комиссий в различных ведомствах и учреждениях, которые стремились выяснить потребности рабочих и как-нибудь их удовлетворить, пытаясь спасти самодержавие от гибели. Не было тогда почти ни одного журнала, который не занимался бы рабочим вопросом. Всюду имеем более или менее обширные статьи и обзоры, посвященные рабочему движению и выясняющие его причины. Так, например, журнал «Вопросы жизни» указывает на громадное различие в правовом положении рабочих масс за границей и в России. Прекращение работы, забастовка в Западной Европе не вызывает никаких последствий, а в России арест от 2 до 4 месяцев, между тем как владельцы промышленных предприятий могут всегда понизить заработок и подвергаются за это незначительному штрафу.

Первоначально движение вызывалось тяжелыми материальными условиями, но кроме того были также и политич. причины, заста-

влявшие рабочих выступать. Журнал «Народное хозяйство» говорит: «Только общее возбужденное общественное настроение и только общие более глубокие, чем частичное неустройство, причины могли вызвать столь широкое рабочее движение, принявшее в конце-концов форму чисто политического движения. В этом движении экономические причины являются несомненно выражением общего экономического расстройства страны, а не отдельных производств».

Более дальновидные представители промышленности совершенно правильно считали, что интересы рабочего движения совпадают с нуждами промышленности. Так, например, «Русская Мысль» за февраль пишет: «Интересы промышленности в рабочем вопросе совпадают с интересами трудящихся, с интересами всей русской жизни: *дальнейшее развитие и процветание ее невозможно без осуществления условий правового государства*».

Имелась масса вопросов, которые необходимо было разрешить как в области законодательных, так и в смысле экономических условий. Так, например, рассматривается во многих случаях вопрос о фабричной инспекции, при чем само собою разумеется, старый тип фабричной инспекции должен был подвергнуться серьезнейшим изменениям. В других местах указывалось на то, что необходимо изменить законы о штрафах, о вознаграждении увечных и т. д. В одной из статей указывается на то, что фабричные инспектора не могут проникнуть во все отрасли рабочей жизни, хотя они уже сравнительно много сделали для улучшения ее, но остается еще очень много сделать.

«Кто помнит фабрику до 1886 года со штрафами, поступающими в пользу фабрикантов, с обсчетами рабочих, с принудительной расплатой вместо денег гнилым ситцем или скверными харчевыми припасами, с каторжным, продолжавшимся до 18 часов сряду, рабочим днем, — тот поймет, как велика работа, сделанная фабричными инспекторами. Мы далеки от мысли преувеличения заслуг фабричной инспекции, но не можем не признать страшной тяжести труда внесения законности в темное царство порефор-менной фабрики, особенно приняв во внимание и новизну дела, и постоянные жалобы промышленников на якобы произвол и при-

теснения их инспекторами и, наконец, шаткость положения инспекции вообще».

Тем более крупными должны были быть требования рабочих. Необходимо было устранить те чрезвычайно тяжелые пережитки прошлого, которые сохранились до 1905 года. Развивались новые отрасли хозяйства, которые были обставлены чрезвычайно тяжелыми условиями труда, особенно в горном деле. Г. Либерман в «Вестнике фабричного законодательства и профессиональной гигиены» приводит убийственные данные, характеризующие положение угольной промышленности, при чем, «все постановления и законы превращаются в пустую букву, поскольку нет надзора на местах. Между тем на шахтах положение таково, что в течение 8—9 лет горнорабочий превращается в старика, почти не способного к труду». Во многих местах предприниматели даже сами устанавливают 8-часовой рабочий день, так как понимают, что рабочий не может выжить и работать более продолжительное время. Воздух невероятно тяжелый на шахтах, при чем к тому же не устраняются опасные элементы самой работы, которые ведут к колоссальному усилению инвалидности. Так, например, он указывает, что в одном из рудников несчастные случаи составляли около 26% общего числа рабочих. Санитарные условия не только на самих шахтах, но даже и в квартирах невероятно скверные. Вот что пишет по этому поводу санитарный врач Богуцкий, хорошо знакомый с условиями жизни в Донбассе:

«Почти везде рабочие живут в казармах, содержимых очень грязно. Полы в большинстве из них земляные, вентиляция почти везде отсутствует. Столы, на которых едят рабочие, служат им вместе с тем и для спанья. Провизия хранится в грязных и темных кладовых, часто вместе с керосином, бельем и т. д.» Не менее тяжелую картину рисуют и другие наблюдатели рабочего быта в Донецком бассейне: «Во время работ в две смены, — пишет один из них, — рабочие размещаются, но когда обе смены в казарме (под праздник и в праздники), — одна смена ложится на нары, а другая — на земляной пол или же от сильного холода, греется около плиты, пока первая не уступит ей место».

Все эти условия вызывают среди рабочих массовые заболевания на почве очень тяжелых условий работы на шахтах и жизни на

квартирах. Факты упущений колоссальны, к тому же необходимо присоединить также и то, что рабочие, получая чрезвычайно низкие заработки, живут впроголодь. Многие связаны каторжными условиями, из которых немыслимо выбраться.

Не менее характерные данные приводят другие авторы из жизни железнодорожных рабочих. Особенно тяжелыми были условия при постройке железных дорог. Все это предрешало необходимость введения страхования рабочих на случай болезни, инвалидности и проч. Однако, предварительным условием этого является право собраний и союзов, о чем говорит Святловский: «Организация страхования покоится на праве рабочих организоваться в союзы, на самом широком признании за ними личности, на неотъемлемом праве каждого прибегать к гласности и к защите народных представителей. Другими словами, германское страхование не является каким-то изолированным от политических, правовых и экономических условий страны, институтом, а находится в теснейшей органической связи с совободой союзов и свободой политической. Без этих предпосылок невозможно и думать о введении какой-либо системы страхования». Точно такие же условия должны были быть созданы и для страхования русских рабочих.

Если, однако, такими трудными были условия жизни и деятельности рабочих в крупных промышленных предприятиях, то в мелких они были всецело отданы на растерзание хозяйчиков, не стесняемых и не нормируемых никакими законами. В этом отношении отдельные авторы приводили чрезвычайно показательные факторы, свидетельствующие о невероятной эксплоатации ремесленных рабочих и особенно молодежи. Во всех обследованных ими случаях рабочий день был не меньше 15 часов, при чем в некоторых предприятиях рабочие были заняты по 16 часов и больше. В составе таких предприятий возраст свыше 40 лет составляет исключение в среднем не больше 6% общего количества рабочих.

Можно было бы из тогдашних журналов и газет извлечь очень много данных, при чем все они говорят об одном и том же — о невероятно тяжелых условиях жизни, беспредельной эксплоатации трудящихся, гнете администрации, которая готова была вмешиваться во все мелочи жизни, разумеется, не на стороне рабочих, а против них с целью подавить рабочее движение.

Эти факторы, которые находят соответственное изображение в цифровых данных Варзара, об'ясняют, почему рабочие массы поднялись на борьбу, почему их движение стало таким широким и всеоб'емлющим. Слишком трудные условия жизни вызывали эту общность движения, его интенсивность и размах. Не удивительно, что в таких условиях создалось чрезвычайно опасное положение для правительства, которое его органы квалифицировали как «движение по пылающей почве». Вот что по этому поводу пишет журнал «Русское экономическое обозрение» за май—июнь 1905 г. на стр. 159: «По существу стачечное и забастовочное движение затрагивали в корне интересы и промышленников и рабочих. В каждом отдельном случае, конечно, дело шло о частных интересах, но в общей массе удовлетворение или неудовлетворение требований рабочих затрагивало status quo (общее положение) всей громадной отрасли народного хозяйства, и вследствие этого вопрос приобретал широкое общественное и государственное значение. Каждый промышленник в отдельности не мог согласиться на требования рабочих, хотя бы он и сознавал справедливость этих требований, потому что неудовлетворение таковых же требований соседом-предпринимателем ставило бы предприятие первого в невыгодные конкурентные условия. С другой стороны, нельзя считать прочным положение и того предприятия, которое, не в пример прочим, не удовлетворило требований рабочих. Рабочие такого предприятия в каждую данную минуту готовы прекратить работы и снова стачкою поддерживать свои требования.

Дожидаться, что все промышленники придут к одному общему и обязательному для всех соглашению, нет оснований; для этого существует слишком много препятствий как в дезорганизованности, в отсутствии общественного воспитания у многих предпринимателей, так и в разбросанности предприятий по всему лицу земли русской. Нужно, чтобы в это дело вмешалось государство, нужна сила закона для того, чтобы из ненормального положения был создан общий и для всех одинаковый и обязательный выход.

Этого же вмешательства государства требуют интересы рабочих, так как представление разрешения конфликтов непосредственно заинтересованным сторонам до бесконечности затягивает ненормальность положения, а кому же неизвестно, что во время стачек

рабочие переживают тяжелое время, передки голодовки многочисленных семей, тиф и другие ужасные эпидемии».

Между тем, как раз против всякого вмешательства в классовые конфликты между рабочими и работодателями были предприниматели; последние великолепно понимали, что им еще легче будет разделаться с рабочими, если никто мешать не будет. Они не хотели допустить проведения в жизнь законопроекта о продолжительности и распределении рабочего времени в промышленных заведениях, который предполагал сократить рабочий день в нормальное время с 11½ до 10 час., по субботам и в канупы праздников с 10 до 8 час., а в ночное время с 10 до 8 час. Этот же закон предполагал регламентировать свободные праздничные дни и предполагал ввести специальные карательные меры по отношению к тем промышленникам, которые его нарушали бы.

В это же время, под влиянием крупнейших событий, министерство финансов вырабатывало проект о страховании рабочих от болезни, несчастных случаев, инвалидности и всяких других видов потери трудоспособности. Если бы эти проекты увидели свет, то они имели бы некоторое влияние на положение рабочих. Они были продиктованы тем страхом, который испытывало правительство перед революционной волной. Однако, если правительство было напугано, то предприниматели быстро разобрались в общей обстановке. Они понимали, что движение идет к упадку. Они стали возражать и против таких законов. «Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности» высказалось очень энергично против правительственных проектов по рабочему вопросу, заявило о том, что законопроекты не вызваны жизнью, что «в совокупности этими законопроектами создаются для рабочих такие чрезвычайные условия, каких нет ни в одной промышленной стране, и можно даже сказать, что все страны вместе взятые не могли бы представить в своих законах достаточных образцов, чтобы сравняться с тем, что намечено для немедленного осуществления в России».

Само собой разумеется, что это утверждение ни на чем не основано, так как в действительности законопроект носил скромный характер, повторяя только образцы Западной Европы. Промышленники были сильно напуганы и к тому же хотели запугать пра-

вительство, заставляя его пойти на более энергичные мероприятия против рабочих. Поэтому та же записка говорит: «*Экономическое значение этих проектов таково, что промышленности, насажденной с такими усилиями и жертвами, грозит неминуемая полная гибель*».

Правительство в общем было напугано революционным движением в большей степени, чем предприниматели. Последние в это время шли на соглашение с правительством: уже начали договариваться с ним и с помещиками, понимая, что рабочее движение угрожает слишком серьезными последствиями, что оно все в большей степени увлекает за собою деревню и что его необходимо сломить прежде, чем оно сломит правительство и предпринимательские организации. Промышленники договорились, и в результате этого в годы, последовавшие после 1905 года, начинается спад революционного движения.

В это время число промышленных предприятий, подведомственных фабричной инспекции, колебалось от 14.247 в 1906 году до 14.886 в 1908 году, при чем в этих предприятиях имелось от 1.700.000 до 1.800.000 рабочих. В это время уже давал себя чувствовать определенный упадок и ослабление революционного движения. Если в 1905 году забастовки охватили около 14.000 предприятий с 2.863.000 участников, то за последующие годы мы получаем следующую картину:

Годы.	Число стачек (случаев).		Число участвовавших в стачках рабочих.	
	Абсолютное.	В % к общему числу завед.	Абсолютное.	В % к общему числу рабочих
1906	6.114	42,2	1.108.406	65,8
1907	3.573	23,8	740.074	41,9
1908	892	5,9	176.101	9,7

Эти цифры указывают, насколько упало революционное движение по сравнению с 1905 годом. Если тогда количество бастовавших рабочих доходило до 163% общего числа рабочих, то в 1908 году не больше 10%. Крайне характерно также и то, что за последние годы все большее значение приобретают стачки экономические, в то время, как число политических начинает уменьшаться. Если в 1905 году особенно серьезную роль играли крупные

предприятия, с количеством рабочих свыше 500 человек, то за последние года даже и здесь происходит перелом. Еще в 1905 году рабочие предприятий, в которых было занято от 500 до 1.000 человек, бастовали 1½ раза в год, а те предприятия, где было занято свыше 1.000 человек около 2½ раз. В 1906 году соответственные цифры составляют 95% и 108%, в 1907 году 61% и 84%, и в 1908 году 13% и 23% числа рабочих, занятых в наиболее крупных промышленных предприятиях страны. *Эти одни цифры свидетельствуют о том, что движение спадало все в большей и большей степени.* Промышленники успели договориться с правительством, которое и помогло им расправиться при помощи жестоких репрессий, военно-полевых судов с рабочим движением.

В 1906 году движение было еще довольно сильным, а к 1908 году уже определенно давало себя чувствовать утомление рабочих и разгром их организаций. Наиболее сильным движением было по количеству стачек и количеству рабочих, принимавших в них участие в Петроградской губернии, Петроковской, Лифляндской, Варшавской, Московской, Владимирской, Бакинской, Гродненской, Костромской и др. Однако, даже и в этих губерниях давал себя чувствовать упадок энергии. По отношению к окраинам Варшавской, Лифляндской губерний и др. применялись меры самого жестокого воздействия. Были специально назначены кровавые генерал-губернаторы, например, Скалон в Варшаве, Казнаков в Лодзи, Ренненкампф в Прибалтийских губерниях, и все они расправлялись с рабочими такими жестокими мерами, о которых раньше не приходилось и говорить. Военно-полевые суды, виселицы, каторга и провокация — все это приводило к тому, что энергия рабочих спадала все в большей и большей степени, даже в таких губерниях, которые были охвачены особенно интенсивным боевым движением.

Если в 1905 году мы наблюдали многократно повторные стачки, то в 1906—1907 и 1908 г.г. это количество начинает все больше уменьшаться, свидетельствуя о разгроме движения. В 1905 году повторные стачки составляли 85,7%, в 1906 году — 74,5%, в 1907 году — 52,8% и в 1908 году всего только 25% общего числа стачек. Продолжительность стачек уменьшалась в демонстративных забастовках и наоборот возрастала в экономи-

ческих. Это значит, что сопротивляемость капиталистов увеличивалась: раньше они уступали легче, а теперь, после революции 1905 года, они решили итти до конца, не уступая ни пяди земли рабочим. Кроме того, размах политических забастовок также уменьшился, благодаря разгрому рабочего движения. В 1906 году мы имели еще много политических забастовок, в 1907 и 1908 г.г. продолжительность этих забастовок уменьшается, о чем дает представление следующая табличка, почерпнутая у того же Варзара в его обзоре за 1906—1907 г.г.

	На 1 забастовщика экономического.	На 1 забастовщика демонстративного.
За 1906 г. . . .	8,9 дней	2,1 дней
» 1907 » . . .	7,6 »	1,4 »
» 1908 » . . .	9,1 »	1,3 »

По всем отраслям и видам стачек наблюдается такое же уменьшение. В этом отношении большой интерес представляет классификация стачек по их причинам, приведенная Варзаром в его книге на стр. 38. Он подразделяет стачки по их причинам следующим образом: заработная плата, рабочее время, порядок в заведениях и условия быта и, наконец, разные и политические забастовки. Стачки наступательные и оборонительные мы приводим вместе:

Причина стачек.	Общее число случаев заявления указанных требований или пожеланий.			
	1905.	1906.	1907.	1908.
Заработная плата	5915	2584	967	441
Рабочее время	3653	689	341	141
Порядок в заведениях, условия жизни и быта	2641	967	474	187
Разные политические . . .	10079	3645	2744	558

Здесь мы имеем не только стачки, в которых рабочие наступали, но и стачки, в которых они сопротивлялись. 1906 и 1907 г.г. проходили в известном смысле под знаменем наступления, а 1908 г. под знаменем полного поражения. Рабочие в 1908 г.

только пробовали сопротивляться и то в значительной степени неудачно. В большинстве случаев они проигрывали забастовки, так как сила была не на их стороне, а на стороне предпринимателей. Об этом же свидетельствуют также и данные о том, как разрешались забастовки за этот период времени. Об этом дает представление следующая таблица Варзара, группирующая экономические стачки в процентах к общему числу участников забастовок по результатам:

Результаты стачек.	За 1905 г.	За 1906 г.	За 1907 г.	За 1908 г.
В пользу рабочих . .	23,7	35,4	16,2	14,1
Взаимные уступки . .	46,9	31,1	26,1	17,0
В пользу предпринимателей (против рабочих)	29,4	33,5	57,6	68,8

Таким образом в 1908 году рабочие потерпели поражение в 69% случаев, несмотря на то, что их требования в этот период времени были самыми скромными и что по преимуществу они пробовали только защищаться против наступления капиталистов. Это был период времени, когда рабочее движение шло на убыль, разбитое и разгромленное об'единенными усилиями земледельцев, промышленников и правительства.

XI. Причины поражений.

Революция 1905 года только наметила вопрос о совместных выступлениях рабочих и крестьян. В деревне революционные события города находили известный отклик. Деревня выдвигала свои требования, имеющие в виду наиболее острые нужды беднейшего крестьянства, стремилась к разрешению земельного вопроса, который только был намечен в 1861 году и был разрешен в гораздо большей степени в пользу помещиков, чем крестьян. Реформа 1861 года была в известном смысле только страховкой против крестьянского движения, имеющей в виду интересы помещиков. Последние *сохранили большую часть своих земель, и кроме того получили еще весьма высокий выкуп не только за землю,*

переданную крестьянам, но и за личное освобождение последних от рабства.

После реформы 1861 года осталась масса труднейших вопросов, которые ждать не могли, которые должны были быть разрешенными. Они могли быть поставлены только тогда, когда в городе зародилось достаточно интенсивное и сильное рабочее движение.

Рабочий класс России и был застрельщиком революционного движения. Для себя он требовал в первую очередь сокращения рабочего дня, увеличения заработка, улучшения тех условий в которых находились пролетарские массы, а также выдвигал политические требования. Революционными организациями того времени были совершенно правильно намечены требования, которые являлись общими для всего рабочего класса. В результате этого движение приобрело широчайший размах, втягивая огромнейшие массы пролетариата. Выдвигая целый ряд политических требований, рабочие в то же время отстаивали также интересы российской буржуазии, которая должна была расширить свои политические права руками рабочих. Российская буржуазия стремилась к власти, стремилась поделить эту власть с помещиками, и рабочие, выдвигая целый ряд буржуазно-правовых требований, тем самым защищали и отстаивали также требования российской буржуазии.

Деревня, разоренная, малокультурная, неподготовленная к восприятию революции, все-таки инстинктом чувствовала, что правда на стороне рабочих, что необходимо рабочее движение поддерживать и отстаивать. Мы видели отклик в деревне на революционные события в городе.

Однако, в это время деревня была слишком распылена для того, чтобы быть активной революционной силой. К тому еще армия, составленная по преимуществу из крестьянских сыновей, оставалась верной царскому правительству. Таким образом *не удалось достигнуть смычки между городом и деревней, которая необходима для торжества революции.* Городские рабочие были действительно авангардом революции, но за ними не последовала деревня во всей своей массе. Это дало возможность царскому правительству двинуть свои силы и против рабочих и против крестьян, разбивая одно выступление за другим.

В это время стало совершенно ясно, что революция в России может победить только в том случае, если она будет выдвигать не только требования рабочих, но и отстаивать интересы крестьян, которые тогда окажутся поддержанными деревней. Только тогда последняя слила бы свои усилия с рабочими для осуществления первого этапа революции — свержения самодержавного правительства и установления на его развалинах рабоче-крестьянского правительства, т.-е. осуществления того, что нам удалось достигнуть во время революции 1917 года.

Это об'единение интересов рабочих и крестьян не было достаточно полным в 1905 году, и это обуславливает одну из причин, почему царскому правительству удалось победить. В руках его осталась армия, которая сломила наиболее героические выступления рабочих в Петербурге, московское революционное восстание, интенсивное революционное движение в Польше, в Прибалтийских губерниях и т. д. К тому же и политические революционные партии были слишком слабы.

В момент наиболее острой борьбы российская буржуазия поспешила договориться с помещиками и с правительством. Она удовлетворилась той видимостью уступок, которые были сделаны ей в виде Государственной Думы и отмены некоторых наиболее вопиющих дефектов и безобразий тогдашней жизни. Буржуазия пошла вслед за правительством, помогала ему в деле подавления революционного движения. Приведенные выше цифры свидетельствуют, насколько энергично работала она в этом направлении. Стачечная волна рабочих спадала, промышленники брали реванш за те опасные для них дни и минуты, какие они пережили в 1905 и отчасти в 1906 году. Городская буржуазия, либеральные ее слои отвернулись от рабочих и помогали со своей стороны разгрому рабочего движения. В деревне правительство решило опереться на зажиточных крестьян-кулаков, удовлетворяя их наиболее острые нужды в земле.

П. А. Столыпин выработал проект земельной реформы, которая должна была удовлетворить голод кулаков в земле, выделить наиболее богатых, купить для них часть земель у помещиков, ограбить для них общину, часть из них переселить на новые земли в Сибири, и таким образом расширить правительственную базу.

Если до 1905 года единственным слоем населения, на который опиралось правительство, были помещики, то после 1905 г. к ним присоединились капиталисты, промышленники, торговцы и, наконец, крестьяне-кулаки, получившие землю и возможность эксплоатировать бедняцкую и середняцкую крестьянскую массу. П. А. Столыпин совершенно правильно учитывал необходимость расширения того базиса, на который могло бы опереться правительство, и он провел успешно такую политику. С точки зрения поддержания правительства и его сохранения он наметил правильную линию. Либеральная российская буржуазия до смерти была напугана событиями 1905 года. Она опрометью бросилась к правительству, заявляя о том, что она готова его поддерживать, что является только «оппозицией его величества», как это неоднократно подчеркивала кадетская партия во главе с Милюковым.

В Государственной Думе эта партия фрондировала против правительства, произносила пышные фразы, делала видимость оппозиции. *Каждый раз, когда правительству необходима была реальная и действительная помощь этой партии, она ее оказывала, например, в деле заграничных займов, когда буржуазия поставила свой штамп на долговых обязательствах царского правительства.*

В 1906 году положение сложилось таким образом, что крестьянское движение уже было разгромлено по частям, в отдельных волостях и деревнях; буржуазия всецело и безоговорочно примкнула к правительству, а рабочий класс продолжал вести борьбу, продолжал еще наступление. Он встретил сплоченный фронт врагов, стремившихся путем небывалых репрессий, угнетения и насилия заставить его отказаться от революционных надежд и революционных планов, которые рисовались перед рабочим классом России и ее революционных окраин.

Российская буржуазия была вполне удовлетворена результатами 1905 года. Промышленный кризис, который давал себя чувствовать до этого, благополучно миновал, о чем свидетельствует хотя бы увеличение добычи угля за последующие годы, достигшее 1.587 миллионов пуд. в 1907 году, что превышало добычу угля в 1905 году почти на 40%. Благодаря крестьянской реформе, проведенной Столыпиным, в некоторой степени увеличилась покупная способность части населения, наиболее зажиточных крестьян.

Создалась благополучная промышленно-экономическая кон'юнктура, при которой буржуазия бешенно обогащалась и наживалась. Началась знаменитая предвоенная пляска миллиардов, при чем доходность важнейших отраслей промышленности во много раз увеличилась. *Рабочее движение было разгромлено, и массы не имели возможности потребовать своей доли участия в экономическом развитии и оживлении страны.*

Несмотря на кажущееся благополучие, действительное положение страны не изменилось. *Ни одно из коренных требований рабочих и крестьян не было удовлетворено.* По старому сохранился небывалый земельный голод в деревне, бесправье и экономическое чрезвычайно тяжелое положение рабочих и крестьян, сохранились полицейско-самодержавные отношения в городе, деревне и на окраинах, в полной красоте и неприкосновенности сохранился национальный гнет в покоренных областях, в результате чего революционными оставались все те слои населения, которые принимали участие в революции 1905 года — рабочие и крестьяне.

К тому же и экономическое развитие страны пошло быстрыми шагами, а тем самым оно стало в неразрешимое противоречие с самодержавно-полицейским строем.

Если одной из об'ективных причин революции 1905 года было несоответствие между политическим строем и экономическим развитием страны, то оно сделалось еще более глубоким и вопиющим после революции 1905 года.

Рабочий касс и крестьянство России за свое революционное выступление поплатились колоссальнейшими жертвами в тяжелые годы реакции с 1907 по 1912 г. В этот период времени правительство разгромило рабочее движение, разбило все рабочие организации, загнало в тюрьмы и ссылку десятки тысяч лучших представителей рабочего класса и крестьянства. На время оно превратило всю страну в кладбище и наслаждалось покоем этого кладбища. Однако, оно не устранило основных об'ективных предпосылок революции, не разрешило требований рабочих и крестьян, и тем самым подготовило новую еще более сильную революцию 1917 года, которая уничтожила сначала самодержавно-полицейское правительство, а затем расчистила путь для победы Октябрьской революции

1917 года. Последняя полностью разрешила все эти вопросы, какие были поставлены во время революции 1905 года.

Революция 1905 года подготовила рабочих и крестьян к выступлению, доказала его необходимость, явилась лучшей революционной школой для рабочих и крестьянских масс. Она оказалась разбитой благодаря тому, что не был еще установлен достаточно тесный союз между рабочими и крестьянами, что российская буржуазия нанесла предательский удар в спину в самый тяжелый и ответственный момент борьбы, а также и потому, что рабочие и крестьянская беднота не создали еще сильной политической партии, которая могла бы руководить движением и довести его до победы. Рабочие и крестьяне России понесли колоссальные жертвы в этой борьбе и особенно тогда, когда правительство принялось за ликвидацию революции и ее завоеваний, но этим самым трудящиеся массы были закалены в борьбе, получили лучшую подготовку к революции 1917 года. Она разрешила все те вопросы, которые стояли перед движением 1905 года, и открыла необ'ятные перспективы для развития страны.

Огромные жертвы не пропали даром, и кровавый посев 1905 г. дал пышные революционные всходы в 1917 году.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.